УТВЕРЖДЕН
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
19 июля 2023 г.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 2 (2023)

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА

1. В случаях назначения наказания в виде лишения свободы мужчинам, осужденным за совершение преступления, предусмотренного статьей 317 Уголовного кодекса Российской Федерации, судам следует руководствоваться положениями части 2^1 статьи 58 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающими отбывание части срока этого наказания в тюрьме.

По приговору Свердловского областного суда от 1 февраля 2022 г. Б., несудимый, осужден к лишению свободы: по пункту «г» части 2 статьи 127 УК РФ на 3 года, по части 1 статьи 119 УК РФ на 6 месяцев, по части 2 статьи 213 УК РФ на 3 года, по части 2 статьи 167 УК РФ на 3 года, по части 3 статьи 30, пунктам «а», «е», «и» части 2 статьи 105 УК РФ на 12 лет с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев, по статье 317 УК РФ (два преступления) на 12 лет с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев за каждое. На основании частей 3, 4 статьи 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний Б. назначено 18 лет лишения свободы в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на срок 2 года, с установлением ограничений и возложением обязанности, указанных в приговоре.

В апелляционном порядке приговор не обжалован.

Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 ноября 2022 г. приговор оставлен без изменения.

В надзорном представлении заместителя Генерального прокурора Российской Федерации ставился вопрос об отмене судебных решений в части назначения Б. вида исправительного учреждения и о передаче дела на новое судебное рассмотрение в порядке, предусмотренном статьями 396, 399 УПК РФ.

Президиум Верховного Суда 18 января 2023 г. удовлетворил надзорное представление по следующим основаниям.

Разрешая вопрос о виде исправительного учреждения Б., суд руководствовался положениями пункта «в» части 1 статьи 58 УК РФ, в соответствии с которым мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений, ранее не отбывавшим лишение свободы, отбывание наказания назначается в исправительных колониях строгого режима.

Между тем при определении вида исправительного учреждения осужденному суд первой инстанции не учел, что Б. признан виновным в совершении в том числе двух преступлений, предусмотренных статьей 317 УК РФ, за каждое из которых ему назначено лишение свободы на 12 лет с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев.

На основании части 2^1 статьи 58 УК РФ мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение преступлений, предусмотренных статьей 317 УК РФ, отбывание части срока наказания назначается в тюрьме.

Соответственно, по данному делу вид исправительного учреждения осужденному для отбывания наказания должен определяться с учетом требований части 2^1 статьи 58 УК РФ, а не только исходя из положений пункта «в» части 1 статьи 58 УК РФ.

Однако суд, вопреки указанным требованиям закона, направил Б. для отбывания всего срока наказания в виде лишения свободы в исправительную колонию строгого режима.

Допущенное нарушение уголовного закона следует признать существенным, повлиявшим на исход дела, искажающим саму суть правосудия, поскольку необоснованно повлекло назначение Б. вида исправительной колонии с менее строгим режимом.

По смыслу закона, если осужденному назначен вид исправительной колонии с менее строгим режимом, то суд надзорной инстанции в течение года после вступления приговора в законную силу при наличии представления прокурора отменяет приговор в этой части и передает дело на новое рассмотрение по правилам статей 396 и 399 УПК РФ для назначения соответствующего вида исправительного учреждения.

При таких обстоятельствах Президиум Верховного Суда отменил приговор и кассационное определение в отношении Б. в части назначения вида исправительного учреждения и дело в этой части передал на новое судебное рассмотрение в порядке, предусмотренном статьями 396, 399 УПК РФ[1].

---

[1] Постановлением Свердловского областного суда от 17 марта 2023 г. Б., осужденному по приговору Свердловского областного суда от 1 февраля 2022 г. по пункту «г» части 2, по части 1 статьи 119, части 2 статьи 213, части 2 статьи 167, части 3 статьи 30, пунктам «а», «е», «и» части 2 статьи 105, статье 317, статье 317 УК РФ, на основании частей 3, 4 статьи 69 УК РФ к 18 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на срок 2 года, с установлением ограничений и возложением обязанности, указанных в приговоре, в соответствии с частью 2^1 статьи 58 УК РФ назначено отбывание первых четырех лет лишения свободы в тюрьме, а остальной части – в исправительной колонии строгого режима.

Постановление Президиума Верховного Суда
№ 161-П22пр

2. Исходя из положений пункта 8 части 2 статьи 389[17] Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации нарушение тайны совещания судей при постановлении приговора является безусловным основанием отмены приговора.

По приговору Верховного Суда Республики Дагестан от 1 июля 2019 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) А., Д., М. и Б. осуждены по части 2 статьи 209, статьям 279, 317 УК РФ.

В надзорной жалобе осужденный А. просил об отмене состоявшихся по делу судебных решений в связи с нарушением судом первой инстанции тайны совещательной комнаты.

Президиум Верховного Суда 29 марта 2023 г., рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного А. и проверив производство по делу в отношении осужденных Д., М. и Б. в порядке части 1 статьи 412[12] УПК РФ, пришел к следующему.

Из протокола судебного заседания по уголовному делу следует, что 27 июня 2019 г. после заслушивания последнего слова подсудимых судебная коллегия объявила об удалении в совещательную комнату для постановления приговора до 11 часов 1 июля 2019 г.

После этого, как указано в протоколе судебного заседания, суд удалился в совещательную комнату.

1 июля 2019 г. в 11 часов по возвращении из совещательной комнаты в зал судебного заседания судом был провозглашен приговор.

Процедура постановления приговора, обеспечивающая тайну совещательной комнаты, урегулирована статьей 298 УПК РФ, согласно которой выход суда из совещательной комнаты может быть связан с окончанием рабочего времени, а в течение дня – с необходимостью отдыха.

Таким образом, действующий уголовно-процессуальный закон не позволяет суду при нахождении в совещательной комнате по одному делу вновь в нее удаляться для постановления судебного решения по другому делу.

По делу установлено, что 28 июня 2019 г. судья О., входивший в состав коллегии по уголовному делу в отношении А., Д., М. и Б., в период нахождения в совещательной комнате для постановления приговора рассмотрел дело об административном правонарушении и вынес по нему решение.

Несоблюдение взаимосвязанных положений статей 295, 298 и 310 УПК РФ, регламентирующих порядок удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора, постановления приговора с соблюдением тайны совещания судей, провозглашения приговора, свидетельствует о нарушении процедуры судопроизводства.

В соответствии с пунктом 8 части 2 статьи 389[17] УПК РФ нарушение тайны совещания судей при постановлении приговора является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, повлиявшим на исход дела, влекущим безусловную отмену судебного решения.

При таких обстоятельствах Президиум Верховного Суда приговор и апелляционное определение в отношении А., Д., М. и Б. отменил и уголовное дело передал на новое судебное рассмотрение в тот же суд иным составом суда.

Постановление Президиума Верховного Суда
№ 1-П23

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Разрешение споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав

3. Арендатор, которому не было передано арендованное имущество в связи с нахождением его во владении другого лица на законном основании, не вправе требовать от не исполнившей обязательство стороны передачи арендованного имущества.

С.Н. обратился в суд с иском к обществу об истребовании имущества из чужого незаконного владения, о возложении обязанности передать земельные участки по договору аренды, взыскании убытков.

В обоснование исковых требований С.Н. указал, что 14 января 2020 г. между К. и С.Н. было заключено соглашение об отступном, в соответствии с которым К. передал С.Н. права аренды на земельные участки. Соглашение было зарегистрировано в установленном законом порядке. Собственником указанных земельных участков является общество, которое уклоняется от передачи земельных участков арендатору С.Н., в связи с чем ему причинены убытки. С.Н. просил суд истребовать из чужого незаконного владения земельные участки по договору аренды от 25 июля 2018 г., возложить на общество обязанность передать арендатору С.Н. в принудительном порядке названные земельные участки, взыскать

с общества в пользу С.Н. убытки, причиненные неисполнением договора аренды от 25 июля 2018 г.

Решением суда в удовлетворении исковых требований С.Н. к обществу об истребовании имущества из чужого незаконного владения, о возложении обязанности передать земельные участки по договору аренды, взыскании убытков отказано.

Определением суда по данному гражданскому делу произведена замена истца С.Н. его правопреемником П.

Дело неоднократно рассматривалось судебными инстанциями.

При новом рассмотрении дела суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции и принял новое решение, которым исковые требования П. (правопреемника С.Н.) к обществу об истребовании имущества из чужого незаконного владения, о возложении обязанности передать земельные участки по договору аренды, взыскании убытков удовлетворены частично, на общество возложена обязанность передать арендатору П. спорные земельные участки. В остальной части в удовлетворении иска П. отказано.

Кассационным судом общей юрисдикции апелляционное определение оставлено без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций в части отмены решения суда первой инстанции и принятия нового решения об удовлетворении иска П. к обществу о возложении обязанности передать земельные участки, дело в этой части направила на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав, в частности, следующее.

В соответствии со статьей 398 ГК РФ в случае неисполнения обязательства передать индивидуально-определенную вещь в собственность, в хозяйственное ведение, в оперативное управление или в возмездное пользование кредитору последний вправе требовать отобрания этой вещи у должника и передачи ее кредитору на предусмотренных обязательством условиях. Это право отпадает, если вещь уже передана третьему лицу, имеющему право собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления. Если вещь еще не передана, преимущество имеет тот из кредиторов, в пользу которого обязательство возникло раньше, а если это невозможно установить, − тот, кто раньше предъявил иск. Вместо требования передать ему вещь, являющуюся предметом обязательства, кредитор вправе потребовать возмещения убытков.

Таким образом, арендатор, которому не было передано имущество, являющееся объектом договора аренды, вправе требовать от арендодателя, не исполнившего договор аренды, возмещения причиненных убытков и уплаты установленной договором неустойки.

Действующим законодательством предусмотрен специальный способ защиты арендатора, лишенного возможности использовать вещь по причине того, что ранее она была в целом передана другому арендатору, − требовать возмещения убытков и уплаты определенной договором неустойки.

Как установлено судом и следует из материалов дела, при заключении соглашения об отступном между К. и С. 14 января 2020 г., а также при последующем заключении 3 февраля 2021 г. соглашения об отступном между С.Н. и П. спорные земельные участки фактически им не передавались, поскольку они находились во владении и пользовании С. на основании договора уступки прав и обязанностей от 29 августа 2019 г.

Вывод суда апелляционной инстанции о наличии оснований для возложения обязанности передать П. спорные земельные участки по договору аренды сделан без учета вышеназванных положений закона.

Поскольку спорные земельные участки первоначально были переданы С. на основании договора уступки прав и обязанностей от 29 августа 2019 г. и находились в его владении и пользовании, а С.Н. и впоследствии П. по соглашениям об отступном земельные участки фактически не передавались, то суду апелляционной инстанции следовало установить, избран ли П. надлежащий способ защиты права с учетом положений вышеназванных норм права и разъяснений по их применению.

В связи с тем, что на момент заключения соглашений об отступном 14 января 2020 г. и 3 февраля 2021 г. арендатором спорных земельных участков и фактическим их пользователем являлся С., суду также следовало дать оценку действиям К., С.Н. и П. на предмет соответствия требованиям закона о добросовестности (статьи 1, 10 ГК РФ). Однако этого судом апелляционной инстанции сделано не было, суд ограничился оценкой действий сторон соглашений на предмет лишь наличия или отсутствия нарушения прав общества, а не С., ошибочно не признав последнего арендатором спорных земельных участков.

Кассационным судом общей юрисдикции, проверявшим законность апелляционного определения, допущенные судом апелляционной инстанции нарушения устранены не были.

Определение № 16-КГ22-40-К4

4. Поведение арендодателя до заключения от его имени дополнительного соглашения к договору аренды ошибочно квалифицировано как одобрение сделки.

Собственники земельных долей (арендодатели) обратились в суд с исками к обществу (арендатору) о признании отсутствующим обременения (аренды) земельного участка, об осуществлении выдела долей из земельного

участка без согласия арендатора, о признании недействительным дополнительного соглашения от 15 сентября 2020 г. к договору аренды от 30 мая 2000 г., применении последствий недействительности сделки.

В обоснование заявленных требований истцы указали, что им принадлежат земельные доли в праве собственности на земельный участок. По договору от 30 мая 2000 г. земельные доли переданы в аренду обществу (ответчику). Истцами проведены работы по выделу земельных долей в натуре, однако кадастровый учет образованных земельных участков не осуществлен, поскольку в регистрирующий орган не представлено согласие арендатора (общества) на выдел земельных участков. Действующим законодательством не предусмотрена возможность аренды земельных долей без выдела их в натуре в виде сформированного земельного участка, в то время как договор аренды земельных долей от 30 мая 2000 г. в соответствие с законом не приведен, границы переданного в аренду участка не установлены, общее собрание собственников земельных долей по вопросу внесения изменений в предмет договора аренды не проводилось. В связи с этим истцы полагали, что договор аренды спорного земельного участка не заключен, а договор аренды земельных долей не может быть расценен в качестве договора аренды земельного участка, поэтому на него не распространяются требования закона о необходимости получения согласия арендатора на выдел земельных долей из спорного земельного участка. Общее собрание участников общей собственности на данный земельный участок по вопросу заключения дополнительного соглашения к договору аренды земельных долей не проводилось, его условия собственниками земельных долей не обсуждались, полномочий на изменение условий договора аренды земельных долей Ф. (лицо, действующее от имени дольщиков) не имела, дополнительное соглашение от 15 сентября 2020 г. не подписывалось, что свидетельствует о его недействительности.

Решением суда исковые требования удовлетворены частично. Дополнительное соглашение к договору аренды земельных долей признано недействительным, из ЕГРН исключена соответствующая запись. В остальной части требования оставлены без удовлетворения.

Суд апелляционной инстанции с учетом того, что состоявшимся судебным актом разрешен вопрос о правах и обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле, отменил решение суда. Отказывая в удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции исходил из того, что иск о признании обременения отсутствующим не подлежит удовлетворению, поскольку с требованием о признании недействительным договора аренды земельных долей, на основании которого установлено обременение, истцы не обращались, договор аренды недействительным не признан. Оснований для признания недействительным дополнительного соглашения к договору аренды не имеется, поскольку условия данного

соглашения фактически сторонами исполнялись, истцы получали арендную плату в период с 2017 по 2020 год, что свидетельствует об одобрении ими оспариваемой сделки. Руководствуясь пунктами 4, 5 статьи 11^2 ЗК РФ, пунктом 1 статьи 12, пунктом 1 статьи 13, пунктами 1, 5 статьи 14 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (далее − Федеральный закон № 101-ФЗ), суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что, поскольку выдел земельных долей из арендованного земельного участка не может осуществляться без согласия арендатора, получение согласия общества в данном случае является обязательным.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил апелляционное определение без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, направив дело на новое апелляционное рассмотрение в связи со следующим.

В пункте 1 статьи 14 Федерального закона № 101-ФЗ указано, что владение, пользование и распоряжение земельным участком из земель сельскохозяйственного назначения, находящимся в долевой собственности более чем пяти лиц, осуществляются в соответствии с решением участников долевой собственности, которое принимается на общем собрании участников долевой собственности.

На основании статьи 183 ГК РФ при отсутствии полномочий действовать от имени другого лица или при превышении таких полномочий сделка считается заключенной от имени и в интересах совершившего ее лица, если только другое лицо (представляемый) впоследствии не одобрит данную сделку. Последующее одобрение сделки представляемым создает, изменяет и прекращает для него гражданские права и обязанности по данной сделке с момента ее совершения.

Исходя из разъяснений, изложенных в пункте 123 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», под последующим одобрением сделки представляемым, в частности, могут пониматься: письменное или устное одобрение независимо от того, кому оно адресовано; иные действия представляемого, свидетельствующие об одобрении сделки (например, полное или частичное принятие исполнения по оспариваемой сделке, реализация других прав и обязанностей по сделке, подписание уполномоченным на это лицом акта сверки задолженности). Независимо от формы одобрения оно должно исходить от органа или иного лица, уполномоченного заключать такие сделки или совершать действия, которые могут рассматриваться как одобрение.

Согласно пункту 70 данного постановления Пленума сделанное в любой форме заявление о недействительности сделки и о применении последствий недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность лицо действует недобросовестно, в частности если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки (пункт 5 статьи 166 ГК РФ).

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции, указал на то, что условия дополнительного соглашения от 15 сентября 2020 г. фактически сторонами исполнялись, поскольку истцы получали арендную плату в период с 2017 по 2020 год. Между тем суд не учел то обстоятельство, что условие об арендной плате было предусмотрено договором аренды земельных долей от 30 мая 2000 г., которым арендная плата установлена в размере 3% от прибыли арендатора, то есть является переменной величиной, зависящей от финансовых показателей деятельности предприятия, с учетом чего само по себе получение арендодателями арендной платы в период с 2017 по 2020 год в том или ином размере об одобрении истцами условий дополнительного соглашения от 15 сентября 2020 г. не свидетельствует. Указаний на какие-либо другие конклюдентные действия арендодателей, направленные на исполнение дополнительного соглашения к договору аренды, судом апелляционной инстанции не установлено и апелляционное определение не содержит.

Судом апелляционной инстанции не дано оценки представленным истцами доказательствам − письменным претензиям истцов в адрес арендатора, в которых они указывают на несогласие с размером арендной платы после получения 18 марта 2021 г. сведений о регистрации оспариваемого дополнительного соглашения.

В связи с изложенным выводы суда апелляционной инстанции признаны Судебной коллегией незаконными и необоснованными.

Определение № 16-КГ22-37-К4

5. При включении дохода, полученного одним из супругов от предпринимательской деятельности, в состав общего имущества супругов, подлежащего разделу, в целях распределения между сторонами бремени доказывания факта расходования указанных средств в интересах семьи или на личные цели юридически значимым является выяснение вопроса о том, был ли получен этот доход в период брака или после его прекращения.

Д.О. обратилась в суд с иском к Д.С., с которым она состояла в браке с 4 декабря 1993 г. по 17 августа 2018 г., о признании имущества совместной

собственностью супругов, разделе совместно нажитого имущества и о взыскании с ответчика ½ доли доходов от его предпринимательской деятельности за 2018 год в размере 1 828 283 руб., обосновывая свои требования в указанной части сведениями из декларации Д.С. по налогу, уплачиваемому им в связи с применением упрощенной системы налогообложения, определив размер дохода Д.С. за 2018 год в сумме 3 656 567 руб.

Д.С. обратился в суд со встречным иском к Д.О. о признании имущества совместной собственностью супругов, разделе совместно нажитого имущества.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении первоначальных исковых требований Д.О. в части взыскания с Д.С. ½ доли доходов от его предпринимательской деятельности за 2018 год в размере 1 828 283 руб., суд первой инстанции исходил из того, что доказательств, свидетельствующих о расходовании супругом в 2018 году до даты расторжения брака доходов от предпринимательской деятельности не в интересах семьи, Д.О. не представлено и материалы дела указанных доказательств не содержат. При этом, как указал суд первой инстанции, оснований для взыскания дохода за период после расторжения брака не имеется, поскольку данные доходы являются личным имуществом Д.С. Кроме того, суд первой инстанции сослался на невозможность определения размера дохода Д.С. по представленным в суд документам. Встречные исковые требования Д.С. удовлетворены.

При новом рассмотрении дела судом апелляционной инстанции назначена судебная бухгалтерская экспертиза с целью определения размера дохода от предпринимательской деятельности Д.С. в 2018 году на дату расторжения брака.

По сообщению экспертного учреждения, в связи с отсутствием достаточного объема необходимой информации для ответа на поставленные судом вопросы в части бухгалтерской экспертизы (информация предоставлена частично или не предоставлена Д.С. совсем, при этом предоставлено письмо на бланке индивидуального предпринимателя со ссылкой на право не вести бухгалтерский учет) материалы дела возвращены без проведения экспертизы.

Отменяя решение суда первой инстанции в части отказа во взыскании с Д.С. ½ доли его доходов от предпринимательской деятельности за 2018 год и принимая в указанной части новое решение об удовлетворении исковых требований Д.О., суд апелляционной инстанции исходил из того, что, поскольку предпринимательская деятельность осуществлялась Д.С. в период брака и условия данной деятельности предусматривали поступление от нее дохода, данные денежные средства являются общим имуществом супругов. Приняв во внимание уклонение Д.С. от предоставления в материалы дела

необходимой бухгалтерской документации, суд апелляционной инстанции на основании статьи 79 ГПК РФ счел установленным факт получения супругом доходов от предпринимательской деятельности за 2018 год в размере, заявленном Д.О., − 1 828 283 руб., которые подлежат взысканию в данном размере с Д.С.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала незаконными выводы судов апелляционной и кассационной инстанций.

Отменяя состоявшиеся по делу постановления судов апелляционной и кассационной инстанций в части признания совместной собственностью супругов дохода, полученного Д.С. от предпринимательской деятельности за 2018 год, и его раздела и направляя дело в этой части на новое апелляционное рассмотрение, Судебная коллегия указала следующее.

В силу пункта 1 статьи 34 СК РФ имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью.

К имуществу, нажитому супругами во время брака (общему имуществу супругов), согласно пункту 2 статьи 34 СК РФ относятся в том числе доходы каждого из супругов от предпринимательской деятельности.

В соответствии с разъяснениями, приведенными в пункте 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака», общей совместной собственностью супругов, подлежащей разделу (пункты 1 и 2 статьи 34 СК РФ), является любое нажитое ими в период брака движимое и недвижимое имущество, которое в силу статей 128, 129, пунктов 1 и 2 статьи 213 ГК РФ может быть объектом права собственности граждан независимо от того, на имя кого из супругов или кем из супругов оно было приобретено или кем внесены денежные средства, если брачным договором между ними не установлен иной режим этого имущества.

Поскольку в соответствии с пунктом 1 статьи 35 СК РФ владение, пользование и распоряжение общим имуществом супругов должны осуществляться по их обоюдному согласию, в случае когда при рассмотрении требования о разделе совместной собственности супругов будет установлено, что один из них произвел отчуждение общего имущества или израсходовал его по своему усмотрению вопреки воле другого супруга и не в интересах семьи либо скрыл имущество, то при разделе учитывается это имущество или его стоимость (абзац первый пункта 16 названного постановления Пленума).

В силу пункта 1 статьи 39 СК РФ при разделе общего имущества супругов и определении долей в этом имуществе доли супругов признаются равными, если иное не предусмотрено договором между супругами.

По данному делу исходя из приведенных норм материального права и с учетом заявленных Д.О. требований юридически значимым и подлежащим доказыванию обстоятельством являлось установление размера полученного Д.С. дохода от предпринимательской деятельности за период с 1 января 2018 г. по дату прекращения брака, а также выяснение вопроса о том, был получен указанный доход в период брака или после его прекращения.

От установления указанных обстоятельств зависело отнесение данного дохода к совместной собственности супругов (при определении его размера до прекращения брака), а также распределение между сторонами бремени доказывания факта расходования указанных средств Д.С. в интересах семьи или на личные цели без согласия Д.О. (в случае установления факта получения дохода до прекращения брака).

Между тем обстоятельства, имеющие существенное значение для правильного разрешения спора, суд апелляционной инстанции в нарушение части 2 статьи 56 ГПК РФ не установил, не определил их в качестве юридически значимых для правильного разрешения спора, не включил их в предмет доказывания и не дал этим обстоятельствам правовой оценки. Размер дохода на дату прекращения брака остался неустановленным, как и не выяснен вопрос о том, был он получен до или после прекращения брака.

Определение № 19-КГ22-27-К5

Разрешение споров, связанных с исполнением обязательств

6. На заемщика, являющегося должником по кредитному договору, не может быть возложена ответственность за ненадлежащее исполнение страховщиком обязанности по договору личного добровольного страхования заемщика, выгодоприобретателем по которому является банк, предоставивший кредит.

Банк обратился в суд с иском к Л.И. и Л.М. о взыскании кредитной задолженности, об обращении взыскания на заложенное имущество, установлении начальной продажной цены заложенного имущества, указав, что ответчиками надлежащим образом не исполняются обязанности по кредитному договору, заключенному с банком под залог недвижимости.

Судом установлено, что 30 января 2017 г. Л. и Л.И., выступающие в качестве солидарных заемщиков, заключили с банком кредитный договор для приобретения квартиры под ее залог.

31 августа 2017 г. Л. умер. Наследниками после смерти Л. являются его жена Л.И. и несовершеннолетний сын Л.М.

В связи с тем, что заемщики не исполняли свои обязанности надлежащим образом, банк 26 июля 2018 г. направил в адрес заемщика Л.И. требование о досрочном погашении кредита, которое исполнено не было.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, исковые требования банка удовлетворены.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил без изменения судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Возражая против удовлетворения исковых требований, ответчики ссылались на то, что в один день с заключением кредитного договора, 30 января 2017 г., Л. и Л.И. (страхователи) заключили с СПАО «Ингосстрах» (страховщик) договор по комплексному ипотечному страхованию, в соответствии с которым объектами страхования являются в том числе имущественные интересы, связанные с причинением вреда здоровью, со смертью страхователя или другого названного в договоре лица, а также с их смертью в результате несчастного случая или болезни. Выгодоприобретателем по данному договору страхования является банк.

После смерти Л. СПАО «Ингосстрах» обратилось в суд с иском к Л.И. о признании договора по комплексному ипотечному страхованию от 30 января 2017 г. недействительным по тем основаниям, что Л. предоставил недостоверные сведения о состоянии своего здоровья при заключении договора страхования.

Л.И. обратилась в суд со встречным иском к СПАО «Ингосстрах» о признании отказа в страховом возмещении незаконным и возложении обязанности осуществить страховую выплату.

Решением суда от 21 февраля 2019 г. в удовлетворении исковых требований страховой компании отказано, встречные исковые требования Л.И. удовлетворены частично: признан незаконным отказ страховщика в выплате страхового возмещения по договору комплексного ипотечного страхования от 30 января 2017 г. в связи с наступлением страхового случая, на страховщика возложена обязанность произвести выплату страхового возмещения по договору комплексного ипотечного страхования путем перечисления денежных средств на счет выгодоприобретателя (банка).

При этом доводы ответчиков о том, что в случае выплаты страховой компанией возмещения в надлежащие сроки взыскиваемая с наследников неустойка не была бы начислена, то есть убытки возникли по вине страховщика, оценки со стороны суда не получили.

Вместе с тем в соответствии с пунктом 1 статьи 934 ГК РФ по договору личного страхования одна сторона (страховщик) обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию), уплачиваемую другой стороной (страхователем), выплатить единовременно или выплачивать периодически обусловленную договором сумму (страховую сумму) в случае причинения вреда жизни или здоровью самого страхователя или другого названного в договоре гражданина (застрахованного лица), достижения им определенного возраста или наступления в его жизни иного предусмотренного договором события (страхового случая).

Право на получение страховой суммы принадлежит лицу, в пользу которого заключен договор.

Вследствие этого страховщик по договору добровольного личного страхования несет ответственность за убытки, возникшие вследствие несвоевременного осуществления выплаты страхового возмещения, которым обеспечивается исполнение кредитного обязательства.

Таким образом, при надлежащем исполнении страховщиком обязательства по выплате страхового возмещения в пользу банка в установленный срок обязательства созаемщиков перед банком считались бы исполненными, что уменьшило бы убытки банка и, соответственно, размер задолженности ответчиков.

При рассмотрении дела Л.И. указывала, что обязательства в части, не покрываемой страховым возмещением, исполняла надлежащим образом, не допуская просрочки.

Между тем судом не устанавливалось, имелась бы просрочка исполнения обязательств по кредитному договору в случае надлежащего и своевременного исполнения страховой компанией обязанности по выплате страхового возмещения.

Суд также не учел, что выгодоприобретателями по договору комплексного ипотечного страхования, заключенного в один день с кредитным договором, являются не ответчики, а банк, в пользу которого состоялось решение о страховом возмещении.

При таких обстоятельствах, с учетом возражения ответчиков, суду надлежало проверить, было ли заключение кредитного договора обусловлено заключением заемщиками договора страхования, было ли правомерным бездействие банка как выгодоприобретателя, несвоевременно обратившегося в страховую компанию за получением страхового возмещения, а также определить наличие или отсутствие причинной связи между таким бездействием и увеличением размера убытков.

Определение № 78-КГ22-27-К3

7. Отказывая в удовлетворении иска об обращении взыскания на недвижимое имущество должника в связи с тем, что оно является для него единственным пригодным жилым помещением, суды не дали оценки тому, что данное имущество является объектом незавершенного строительства и сведения о действительном проживании в нем должника или членов его семьи, которые зарегистрированы по месту жительства в другом городе, отсутствуют, а также не приняли во внимание площадь данного объекта.

Б. предъявил иск к С. и просил обратить взыскание на принадлежащий ответчику дом, строительство которого не завершено, площадью 416,3 кв.м с кадастровой стоимостью 13 350 574 руб. путем его продажи с публичных торгов, установить начальную продажную цену этого имущества и направить вырученную от его реализации сумму в счет погашения задолженности С. по исполнительному производству о взыскании в пользу Б. денежных средств в размере 1 678 511 руб. 56 коп.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, сослался на то, что принадлежащий должнику жилой дом является единственным пригодным для его проживания жильем, в связи с чем обладает имущественным (исполнительским) иммунитетом, размер общей площади этого дома с учетом конкретных обстоятельств дела не является безусловным основанием для удовлетворения иска.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил постановления судов первой и апелляционной инстанций без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

В силу статьи 309 ГК РФ обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона.

Согласно абзацу первому статьи 24 ГК РФ гражданин отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом, за исключением имущества, на которое не может быть обращено взыскание. Перечень имущества граждан, на которое не может быть обращено взыскание, устанавливается гражданским процессуальным законодательством (абзац второй статьи 24 ГК РФ, часть 1 статьи 79 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»).

В соответствии с абзацем вторым части 1 статьи 446 ГПК РФ взыскание по исполнительным документам не может быть обращено

на жилое помещение (его части), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением, за исключением указанного в данном абзаце имущества, если оно является предметом ипотеки и на него в соответствии с законодательством об ипотеке может быть обращено взыскание.

Таким образом, имущественный (исполнительский) иммунитет предполагает запрет обращать взыскание на жилое помещение (его части), если оно является для должника и членов его семьи единственным пригодным для постоянного проживания помещением и не является предметом ипотеки.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 14 мая 2012 г. № 11-П по делу о проверке конституционности положения абзаца второго части 1 статьи 446 ГПК РФ в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова указал, что положение абзаца второго части 1 статьи 446 ГПК РФ не может рассматриваться как не допускающее ухудшения жилищных условий гражданина-должника и членов его семьи на том лишь основании, что принадлежащее гражданину-должнику на праве собственности жилое помещение − независимо от его количественных и качественных характеристик, включая стоимостные, − является для указанных лиц единственным пригодным для постоянного проживания.

В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2021 г. № 15-П по делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 ГПК РФ и пункта 3 статьи 213^{25} Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И.И. Ревкова также указано, что со вступлением в силу итогового решения по данному делу абзац второй части 1 статьи 446 ГПК РФ в дальнейшем не может служить нормативно-правовым основанием безусловного отказа в обращении взыскания на жилые помещения, в нем указанные, если суд считает необоснованным применение исполнительского иммунитета, в том числе при несостоятельности (банкротстве) гражданина-должника.

Из приведенных выше норм права и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации следует, что имущественный (исполнительский) иммунитет в отношении принадлежащего гражданину-должнику на праве собственности жилого помещения не является безусловным и само по себе наличие в собственности должника единственного пригодного для постоянного проживания жилого помещения не исключает возможности обращения взыскания на него, при определении которой следует исходить из необходимости обеспечения баланса интересов должника и кредитора (взыскателя) как участников исполнительного производства.

Юридически значимыми и подлежащими доказыванию при разрешении спора об обращении взыскания на жилое помещение должника, не являющееся предметом ипотеки, являются вопросы о том, отвечает ли спорное жилое помещение признакам единственного пригодного для постоянного проживания должника и членов его семьи жилья, не имеется ли у должника иного имущества и доходов, на которые может быть обращено взыскание, не превышает ли данное жилое помещение уровень, достаточный для обеспечения разумной потребности должника и членов его семьи в жилище, с гарантией сохранения жилищных условий, необходимых для нормального существования, является ли соразмерным обращение взыскания на спорное имущество с учетом имеющейся задолженности.

При этом на жилое помещение (его части) может быть обращено взыскание, даже если оно является для должника единственным, но размеры жилья превышают разумные и достаточные для удовлетворения потребности должника в жилище.

В нарушение приведенных выше положений закона и актов его толкования суды не дали оценки совокупности установленных обстоятельств того, что дом является объектом незавершенного строительства, его площадь составляет 416,3 кв.м, а должник и его семья зарегистрированы по месту жительства в другом городе. Материалы дела не содержат никаких сведений о том, пригоден ли данный объект для проживания, проживают ли там должник и его семья и в силу каких обстоятельств суды пришли к выводу, что общая площадь дома в 416,3 кв.м не является избыточной.

Определение №16-КГ22-15-К4

Разрешение споров, связанных с возмещением вреда

8. Гибель домашнего животного может являться основанием для возложения на виновное лицо гражданско-правовой ответственности в виде компенсации морального вреда за нарушение личных неимущественных прав гражданина − владельца такого животного.

А. обратилась в суд с иском к С. о взыскании компенсации морального вреда в размере 10 000 руб., сославшись на то, что 12 ноября 2019 г. ответчик, управляя принадлежащим ему автомобилем, нарушил правила дорожного движения, совершив на пешеходном переходе наезд на принадлежавшую истцу собаку, переходившую дорогу в сопровождении свекрови истца. От полученных травм собака погибла, спасти ее не удалось.

Истец указывает, что гибелью любимого питомца, к которому она была привязана, ей причинены нравственные страдания.

Решением суда исковые требования А. удовлетворены частично, с ответчика в пользу истца взыскана компенсация морального вреда в размере 5000 руб.

Суд апелляционной инстанции оставил решение суда первой инстанции без изменения, однако впоследствии апелляционное определение было отменено кассационным судом общей юрисдикции с направлением дела на новое апелляционное рассмотрение.

При новом рассмотрении дела суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции и указал, что животные в силу закона признаются имуществом (статья 137 ГК РФ), а следовательно, гибель собаки является причинением истцу имущественного вреда, в связи с чем требования о компенсации морального вреда, основанные на причинении материального ущерба, удовлетворению не подлежат.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда признала выводы судов апелляционной и кассационной инстанций о недопустимости компенсации морального вреда, причиненного гибелью животного, основанными на неправильном толковании норм материального права.

В соответствии со статьей 2 Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина − обязанность государства. Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (статья 18 Конституции Российской Федерации).

В связи с этим законом охраняются как имущественные права человека и гражданина, так и его неимущественные права и принадлежащие ему нематериальные блага.

Предусматривая ответственность в виде компенсации морального вреда за нарушение неимущественного права гражданина или принадлежащего ему нематериального блага, статья 151 ГК РФ не устанавливает какой-либо исчерпывающий перечень таких нематериальных благ и способы, какими они могут быть нарушены.

Закрепляя в части первой статьи 151 ГК РФ общий принцип компенсации морального вреда, причиненного действиями, нарушающими личные неимущественные права гражданина либо посягающими на принадлежащие ему нематериальные блага, законодатель не установил каких-либо ограничений в отношении действий, которые могут рассматриваться как основание для такой компенсации.

Исходя из этого, Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что компенсация морального вреда как самостоятельный способ защиты гражданских прав, будучи одновременно и мерой гражданско-правовой ответственности, правовая природа которой является единой независимо от того, в какой сфере отношений − публично- или частноправовой − причиняется такой вред, не исключает возможности возложения судом на правонарушителя обязанности денежной компенсации морального вреда, причиненного действиями (бездействием), ущемляющими в том числе имущественные права гражданина, в тех случаях и в тех пределах, в каких использование такого способа защиты гражданских прав вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения (постановление от 26 октября 2021 г. № 45-П, постановление от 8 июня 2015 г. № 14-П, определение от 27 октября 2015 г. № 2506-О и др.).

В частности, Конституционным Судом Российской Федерации указано, что действующее правовое регулирование не предполагает безусловного отказа в компенсации морального вреда лицу, которому физические или нравственные страдания были причинены в результате преступления, в силу одного лишь факта квалификации данного деяния как посягающего на имущественные права (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2021 г. № 45-П).

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» также разъяснено, что по общему правилу гражданский иск о компенсации морального вреда может быть предъявлен по уголовному делу в тех случаях, когда такой вред причинен потерпевшему преступными действиями, нарушающими его личные неимущественные права (например, права на неприкосновенность жилища, частной жизни, личную и семейную тайну, авторские и смежные права) либо посягающими на принадлежащие ему нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности и др.).

Из приведенных положений закона и актов его толкования следует, что посягательством на имущественные права гражданина могут одновременно нарушаться и его неимущественные права, и принадлежащие ему нематериальные блага.

Распространяя на животных общие правила об имуществе, положения статьи 137 ГК РФ, тем не менее, отличают их от прочего имущества, устанавливая, в частности, запрет на жестокое отношение, противоречащее принципам гуманности.

Кроме того, за жестокое обращение с животными установлена и уголовная ответственность в соответствии со статьей 245 УК РФ,

находящейся в главе 25 этого кодекса «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности».

Из этого следует, что запрет на жестокое обращение с животными, содержащийся как в уголовном, так и в гражданском законодательстве, направлен не на охрану имущества как такового, а на охрану отношений нравственности.

Применение законодателем по отношению к животным таких категорий, как жестокость, нравственность, гуманизм, свидетельствует о том, что при определенных обстоятельствах гибель животных может причинять их владельцу не только имущественный вред, но и нравственные страдания, в частности, в силу эмоциональной привязанности, психологической зависимости, потребности в общении по отношению к конкретному животному, что не исключает возложения на причинителя вреда обязанности компенсировать не только имущественный ущерб, но и моральный вред.

Наличие или отсутствие таких оснований должно устанавливаться в каждом конкретном случае с учетом всех обстоятельств дела.

Определение № 15-КГ22-1-К1

9. В силу пункта 1 статьи 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации работодатель обязан возместить вред, причиненный его работником, похитившим при исполнении своих трудовых обязанностей денежные средства клиента под видом заключения гражданско-правового договора от имени работодателя.

Р. обратилась в суд с иском к индивидуальному предпринимателю (далее − ИП) о расторжении договора купли-продажи мебели от 17 августа 2019 г., взыскании денежных средств в размере 110 021 руб., неустойки, компенсации морального вреда, штрафа, а также судебных расходов.

Как установлено судом, 17 августа 2019 г. в магазине ответчика Р. заключила договор купли-продажи мебели на сумму 110 021 руб.

Согласно договору срок поставки товара составляет 30 рабочих дней, однако в этот срок мебель истцу поставлена не была.

Денежные средства в счет оплаты мебели переданы Р. менеджеру торгового зала Ш., им же подписан оспариваемый договор, однако денежные средства в кассу ИП не поступили, заявка поставщику на мебель не направлялась.

Приговором суда от 28 мая 2020 г. Ш. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 159 (1 эпизод) и частью 2 статьи 159 (6 эпизодов) УК РФ.

Судом установлено и в приговоре отражено, что Ш., работая на основании трудового договора от 1 июля 2019 г. в должности менеджера

торгового зала у ИП в мебельном магазине, испытывая материальные трудности, решил совершить хищение денежных средства путем обмана граждан под видом оказания услуг по продаже мебели при удобных для него обстоятельствах.

17 августа 2019 г. Ш., находясь в магазине, узнал у Р. о ее намерении приобрести мебель, рассчитал полную стоимость заказа с учетом ее пожеланий и составил договор купли-продажи от 17 августа 2019 г. и спецификацию к нему на общую сумму 110 026 руб., в которой собственноручно выполнил рукописный текст и расписался, пообещав осуществить поставку товара в течение 30 рабочих дней.

Р. внесла предоплату в размере 78 300 руб., передав их лично Ш., который, заведомо не намереваясь выполнять заказ, выдал квитанцию к приходно-кассовому ордеру на суммы 55 000 и 23 000 руб., где собственноручно выполнил рукописный текст и расписался, после чего заверил указанные документы оттиском печати ИП, указав Р. на необходимость внесения доплаты в течение 2 недель.

20 августа 2019 г. при аналогичных обстоятельствах Р. передала Ш. доплату в размере 31 900 руб.

Завладев денежными средствами и обратив их в свою пользу, Ш. взятые на себя обязательства не исполнил, похищенными денежными средствами распорядился по своему усмотрению, причинив Р. ущерб на общую сумму 110 200 руб.

Как следует из приговора, гражданский иск Р. о взыскании с Ш. ущерба, причиненного преступлением, в размере 110 200 руб. и компенсации морального вреда в размере 11 020 руб. оставлен без рассмотрения, Р. разъяснено право обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства.

Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции сделал вывод о том, что Ш. совершил преступное деяние не в связи с исполнением своих трудовых функций и не действовал по заданию и в интересах ИП, а совершил хищение чужого имущества путем злоупотребления доверием, в своих интересах, из корыстных побуждений, с целью незаконного обогащения, без намерения внести в кассу переданные ему Р. денежные средства.

По мнению суда, в момент оформления договора и передачи денежных средств ИП контролировать действия своего работника не могла, договор заключен не ею и не создает для нее правовых последствий.

Сославшись на положения статьи 61 ГПК РФ, статей 1064 и 1068 ГК РФ, а также Закона РФ «О защите прав потребителей», суд первой инстанции отказал в удовлетворении иска.

С позицией суда первой инстанции и ее обоснованием согласился суд апелляционной инстанции.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил состоявшиеся по делу судебные постановления без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно пункту 1 статьи 1068 ГК РФ юридическое лицо либо гражданин возмещает вред, причиненный его работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей.

Применительно к правилам, предусмотренным главой 59 данного кодекса, работниками признаются граждане, выполняющие работу на основании трудового договора (контракта), а также граждане, выполняющие работу по гражданско-правовому договору, если при этом они действовали или должны были действовать по заданию соответствующего юридического лица или гражданина и под его контролем за безопасным ведением работ.

В пункте 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» разъяснено, что ответственность юридического лица или гражданина, предусмотренная пунктом 1 статьи 1068 ГК РФ, наступает за вред, причиненный его работником при исполнении им своих трудовых (служебных, должностных) обязанностей на основании заключенного трудового договора (служебного контракта).

Из установленных судом обстоятельств следует, что во время совершения преступления Ш. в силу трудового договора являлся работником ИП, действия по завладению денежными средствами истца совершены Ш. в рабочее время на рабочем месте с использованием служебного положения работника мебельного магазина по отношению к покупателю под видом заключения договора купли-продажи мебели.

При таких обстоятельствах выводы судов о неприменении положений статьи 1068 ГК РФ признаны Судебной коллегией противоречащими содержанию данной нормы закона и приведенным выше разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Определение № 46-КГ22-31-К6

10. Убытки, причиненные кредитору неправомерным перечислением судебным приставом-исполнителем денежных средств должнику при наличии остатка задолженности по исполнительному

производству, подлежат возмещению Федеральной службой судебных приставов.

Банк обратился в суд с иском к Российской Федерации в лице ФССП России о возмещении убытков, причиненных незаконными действиями судебного пристава-исполнителя, в размере 7 335 236,57 руб.

Свои требования истец обосновывал тем, что является взыскателем по исполнительному производству о взыскании с должника Г. 28 083 692,94 руб. Возможность исполнения решения суда утрачена в результате незаконных действий судебного пристава-исполнителя, возвратившего денежные средства от реализации заложенного недвижимого имущества должнику при наличии остатка задолженности по исполнительному производству.

Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, сослался на недоказанность причинения убытков в заявленном размере и на отсутствие причинно-следственной связи между действиями судебного пристава-исполнителя и возникновением вреда, указав, что заявленная к взысканию денежная сумма является не убытками истца, а задолженностью, связанной с неисполнением обязательств должником, банк имеет право получить указанную денежную сумму.

Кассационным судом общей юрисдикции решение суда первой инстанции и апелляционное определение оставлены без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

В соответствии с Федеральным законом от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее − Закон об исполнительном производстве) задачами исполнительного производства являются правильное и своевременное исполнение судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а в предусмотренных законодательством Российской Федерации случаях исполнение иных документов в целях защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, а также в целях обеспечения исполнения обязательств по международным договорам Российской Федерации (статья 2). Исполнительное производство осуществляется на принципах законности, своевременности совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения (статья 4).

Согласно пункту 1 статьи 12 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «О судебных приставах» (нормы приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений) в процессе принудительного исполнения судебных актов и актов других

органов, предусмотренных Законом об исполнительном производстве, судебный пристав-исполнитель принимает меры по своевременному, полному и правильному исполнению исполнительных документов.

В силу пунктов 2 и 3 статьи 19 этого закона судебный пристав несет ответственность за проступки и правонарушения в соответствии с законодательством Российской Федерации. Ущерб, причиненный судебным приставом гражданам и организациям, подлежит возмещению в порядке, предусмотренном гражданским законодательством Российской Федерации.

Статья 15 ГК РФ позволяет лицу, право которого нарушено, требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере (пункт 1). Под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода). Если лицо, нарушившее право, получило вследствие этого доходы, лицо, право которого нарушено, вправе требовать возмещения наряду с другими убытками упущенной выгоды в размере не меньшем, чем такие доходы (пункт 2).

Статья 16 названного кодекса предусматривает, что убытки, причиненные гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, подлежат возмещению Российской Федерацией, соответствующим субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием.

В соответствии со статьей 1069 этого же кодекса вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению. Вред возмещается за счет соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования.

Ответственность по указанной статье возникает на основаниях, предусмотренных статьей 1064 ГК РФ.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» (далее − постановление Пленума № 50) также разъяснено, что по делам о возмещении вреда суд должен установить факт причинения

вреда, вину причинителя вреда и причинно-следственную связь между незаконными действиями (бездействием) судебного пристава-исполнителя и причинением вреда (пункт 82).

Если в ходе исполнительного производства судебный пристав-исполнитель не осуществил необходимые исполнительные действия по исполнению исполнительного документа за счет имевшихся у должника денежных средств или другого имущества, оказавшихся впоследствии утраченными, то на истца по иску о возмещении вреда, причиненного незаконным бездействием судебного пристава-исполнителя, не может быть возложена обязанность по доказыванию того обстоятельства, что должник не владеет иным имуществом, на которое можно обратить взыскание.

В то же время отсутствие реального исполнения само по себе не является основанием для возложения на государство обязанности по возмещению не полученных от должника сумм по исполнительному документу, поскольку ответственность государства в сфере исполнения судебных актов, вынесенных в отношении частных лиц, ограничивается надлежащей организацией принудительного исполнения этих судебных актов и не подразумевает обязательности положительного результата, если таковой обусловлен объективными обстоятельствами, зависящими от должника (пункт 85).

Как установлено судами, постановление судебного пристава-исполнителя от 28 сентября 2018 г. о распределении полученных от реализации имущества должника денежных средств путем перечисления исполнительского сбора в размере 527 561,97 руб. в доход бюджета и остаток в размере 7 647 213,45 руб. на счет должника Г. признано незаконным решением суда от 23 июля 2019 г. ввиду нарушения приставом статьи 110 Закона об исполнительном производстве. Суд обязал судебного пристава-исполнителя перечислить банку денежные средства, возвращенные должнику.

Как следует из решения суда от 23 июля 2019 г., представитель ответчика согласился с тем, что при ведении исполнительного производства была допущена ошибка, а истребуемая истцом сумма, как указал суд, подлежит перечислению в его адрес.

Кроме того, из материалов дела следует, что ответчики не представили доказательства наличия иного имущества у должника, за счет которого возможно принудительное исполнение судебных актов, а банк указывал, что бездействие судебного пристава-исполнителя, выразившееся в неперечислении определенных денежных средств в пользу взыскателя, привело к утрате данного имущества.

При таких обстоятельствах вывод суда об отсутствии причинно-следственной связи между незаконными действиями пристава-исполнителя и возникшими убытками Судебная коллегия признала неправильным.

Кроме того, суд первой инстанции, полагая, что заявленная ко взысканию денежная сумма является не убытками банка, а задолженностью, связанной с неисполнением должником своих обязательств, не учел, что наличие задолженности у должника перед банком не исключает причинения вреда банку незаконными действиями судебного пристава-исполнителя, выразившимися в утрате имущества должника, за счет которого эта задолженность могла быть погашена.

Определение № 5-КГ22-111-К2

Разрешение споров, связанных с жилищными отношениями

11. Основание возникновения задолженности за услуги по управлению, содержанию и ремонту общего имущества собственников индивидуальных жилых домов при условии их фактического оказания входит в предмет доказывания и устанавливается судом при разрешении требований товарищества собственников жилья о взыскании такой задолженности.

Товарищество собственников жилья (далее − ТСЖ) обратилось в суд с иском к Б. (собственнику жилого дома, расположенного в коттеджном поселке) о взыскании задолженности по взносам на содержание, эксплуатацию и ремонт общего имущества ТСЖ.

Разрешая спор и принимая решение об удовлетворении заявленных требований, суд первой инстанции, руководствуясь положениями статей 136, 145 ЖК РФ, статьи 309 ГК РФ, исходил из того, что Б. как собственник жилого дома обязан погасить задолженность, образовавшуюся у него перед истцом.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции, дополнительно указав, что в соответствии с требованиями статьи 158 ЖК РФ ответчик как собственник жилого дома обязан участвовать в расходах на содержание общего имущества ТСЖ согласно утвержденной общим собранием смете доходов и расходов.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил без изменения постановления судов первой и апелляционной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрении в суд первой инстанции в связи со следующим.

Из положений пункта 1 статьи 123^{12} ГК РФ, а также части 1 статьи 135, пункта 2 части 2 статьи 136 ЖК РФ следует, что при создании

собственниками нескольких расположенных близко жилых домов товарищества собственников жилья необходимо соблюдение совокупности условий: наличие общей границы, а также нахождение в пределах этой границы сетей инженерно-технического обеспечения, других элементов инфраструктуры, предназначенных для обслуживания более чем одного жилого дома.

Принимая во внимание, что в отсутствие законодательной регламентации правового режима имущества общего пользования в комплексе индивидуальных жилых домов и земельных участков с общей инфраструктурой, а равно регулирования отношений, связанных с управлением таким имуществом и с его содержанием, участники данных отношений и суды вынуждены прибегать к аналогии закона, Конституционный Суд Российской Федерации, вместе с тем, постановлением от 28 декабря 2021 г. № 55-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 7, части 1 статьи 44, части 5 статьи 46, пункта 5 части 2 статьи 153 и статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.С. Малковой» признал положения в том числе примененной по данному делу судом апелляционной инстанции части 1 статьи 158 ЖК РФ не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой их применение в судебной практике для восполнения пробела в регулировании отношений, касающихся имущества общего пользования в комплексе индивидуальных жилых домов и земельных участков с общей инфраструктурой, не гарантирует при определении порядка и условий установления и взимания, состава и размера платы за управление таким имуществом и его содержание − в отсутствие специально предназначенных для этого законодательных положений и договора собственника земельного участка (участков) с управляющей организацией − справедливый баланс прав и обязанностей, а также законных интересов субъектов указанных отношений.

Из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в указанном постановлении, также следует, что применение судами по аналогии норм ЖК РФ, регулирующих отношения по управлению многоквартирным домом и содержанию общего имущества в таком доме, при разрешении споров о взыскании с собственника земельного участка в жилищно-земельном комплексе платы за управление имуществом общего пользования и его содержание не предопределяет оценку ни видов и объема услуг, оказываемых управляющей организацией конкретному собственнику, с точки зрения их необходимости (потребительской ценности), ни порядка и условий установления и взимания платы за эти услуги, ни критериев, на основе которых определяются ее состав и размер, с точки зрения ее соответствия требованиям разумности и обоснованности.

Разрешая спор по данному делу и возлагая на ответчика обязанность погасить задолженность по взносам на содержание, эксплуатацию и ремонт общего имущества товарищества, определенную исключительно на основании утвержденных решениями общих собраний членов ТСЖ смет и взносов исходя из установленных этими решениями тарифов, суд ограничился формальным указанием на наличие у Б. как у собственника жилого дома обязанности содержать общую инфраструктуру товарищества.

Б., возражая против удовлетворения иска ТСЖ, ссылался на произвольное, без какого-либо экономического обоснования, установление размера платы за пользование общим имуществом и инфраструктурой товарищества, на отсутствие в материалах дела доказательств, подтверждающих факт действительного выполнения ТСЖ работ (предоставления услуг) по содержанию общего имущества и принадлежащего ответчику жилого дома.

Между тем суд подошел к рассмотрению дела формально, в нарушение норм процессуального права (статей 55, 56, 196 ГПК РФ) юридически значимые обстоятельства не установил, доводы ответчика о том, что на него была возложена обязанность по оплате услуг, которые ему фактически оказаны не были, проигнорировал.

Исходя из изложенных выше положений закона, позиции Конституционного Суда Российской Федерации, при разрешении спора о взыскании с собственника жилого дома в жилищно-земельном комплексе платы за управление имуществом общего пользования и его содержание судам необходимо было установить наличие конкретных объектов инфраструктуры жилищно-земельного комплекса, факт заключения собственником с управляющей организацией или с иным лицом, оказывающим услуги по управлению имуществом общего пользования и по его содержанию, договора, который в отсутствие прямо предусмотренной законом обязанности собственников земельных участков и жилых домов в жилищно-земельном комплексе нести расходы, связанные с содержанием имущества общего пользования, принадлежащего на праве собственности иному лицу, является наиболее эффективным основанием для возложения на собственников участков и домов указанной обязанности, а в случае его отсутствия − состав и размер платы за пользование объектами инфраструктуры жилищно-земельного комплекса с учетом объективной необходимости соответствующих услуг для надлежащего содержания имущества общего пользования, его использования именно для удовлетворения общей потребности жителей комплекса в комфортных условиях проживания, перечень услуг, фактически оказываемых истцом и потребляемых ответчиком, в юридически значимый период.

По данному делу суду надлежало исследовать вопросы факта действительного оказания Б. услуг, связанных с содержанием

и эксплуатацией общего имущества ТСЖ, связи между затратами на оказание таких услуг и правом Б. пользоваться принадлежащим ему имуществом и обязанностью его содержать; установить, какими из услуг фактически пользовался Б.; исследовать расходы на оказание соответствующих услуг на предмет экономической обоснованности и разумности.

При ином подходе невозможно было бы исключить вероятность навязывания каких-либо услуг, работ или расходов, в которых ответчик не нуждается, и обеспечить справедливый баланс прав и обязанностей, а также законных интересов субъектов возникших правоотношений.

Изложенное согласуется с позицией Конституционного Суда Российской Федерации, содержащейся в постановлении от 28 декабря 2021 г. № 55-П, согласно которой в случае возникновения спора факт установления платы за управление имуществом общего пользования общим собранием собственников или в определенном им (в том числе утвержденным общим собранием, но не подписанным собственником участка договором) порядке не препятствует суду оценить доводы собственника участка об отсутствии у него фактической возможности пользоваться данным имуществом и извлекать полезный эффект из оказываемых управляющей организацией услуг, о выходе услуг за рамки объективно необходимых для надлежащего содержания данного имущества, об установлении стоимости услуг, явно превышающей их рыночную стоимость, об отнесении к данному имуществу объектов, фактически не предназначенных для удовлетворения общей потребности жителей комплекса в комфортных условиях проживания.

Определение № 58-КГ22-8-К9

Разрешение споров, связанных с социальными, трудовыми и пенсионными отношениями

12. Правовое регулирование отношений по предоставлению гражданам государственной социальной помощи не предполагает возможности его произвольного применения уполномоченным органом, который до принятия решения о предоставлении государственной социальной помощи обязан осуществить комплексную оценку нуждаемости заявителя в материальной поддержке в соответствии с установленными нормативными положениями критериями и при наличии независящих от заявителя обстоятельств, которые ухудшают или могут ухудшить условия его жизнедеятельности, не вправе отказать ему в предоставлении такой помощи.

С. 3 июня 2021 г. обратился в суд с иском к государственному казенному учреждению Астраханской области «Центр социальной поддержки населения» (далее − центр социальной поддержки,

уполномоченный орган), Министерству социального развития и труда Астраханской области (далее − региональное министерство труда) о взыскании с ответчиков единовременной материальной помощи в размере 50 000 руб. (на оплату долга за электроэнергию в сумме 37 000 руб. и покупку угля в сумме 13 000 руб.), компенсации морального вреда, судебных расходов.

В обоснование заявленных требований С., приложив к исковому заявлению уведомление центра социальной поддержки об отказе в назначении государственных социальных услуг, сведения о его отнесении к категории граждан предпенсионного возраста, уведомление центра занятости населения о прекращении выплаты с 2 октября 2020 г. С. пособия по безработице, выписку из лицевого счета о долге за электроэнергию, накладную на уголь, больничный лист, указывал, что он 13 мая 2021 г. обратился в центр социальной поддержки с заявлением о предоставлении ему единовременной материальной помощи на оплату долга за электроэнергию и на приобретение угля.

С. ссылался на то, что при обращении в центр социальной поддержки для назначения ему единовременной материальной помощи им были представлены все необходимые документы, подтверждающие его трудную жизненную ситуацию, нарушение условий жизнедеятельности, он является безработным предпенсионного возраста, состоит на учете в центре занятости населения, с 1 октября 2020 г. не получает минимального пособия по безработице, у него отсутствуют какой-либо доход и средства к существованию, а также имеются системные, возрастные, хронические заболевания, в связи с чем он периодически обращается за медицинской помощью, потенциальные работодатели отказывают ему в трудоустройстве или предлагают работу, которая не подходит ему по состоянию здоровья. Вступившим в законную силу решением суда С. отказано в иске к энергосбытовой компании о реструктуризации долга по оплате жилищно-коммунальных услуг, что лишило его права на оформление субсидии на оплату жилищно-коммунальных услуг.

21 мая 2021 г. центр социальной поддержки письменно уведомил С. об отказе в единовременной материальной помощи, так как комиссия данного центра не усмотрела наличия независящих от С. обстоятельств, которые ухудшают или могут ухудшить условия его жизнедеятельности. 9 июня 2021 г. региональное министерство труда согласилось с отказом центра социальной поддержки в предоставлении С. единовременной материальной помощи.

По мнению С., отказ в предоставлении ему единовременной материальной помощи является неправомерным, немотивированным и не соответствующим действующему законодательству.

Разрешая спор, суд первой инстанции, сославшись на нормы Порядка и условий предоставления единовременной материальной помощи отдельным категориям граждан, утвержденных постановлением Правительства Астраханской области от 29 декабря 2011 г. № 655-П, не усмотрел оснований для удовлетворения исковых требований С. о взыскании единовременной материальной помощи, а также производных от них требований о компенсации морального вреда и судебных расходов.

Суд апелляционной инстанции согласился с решением суда первой инстанции, отметив, что никаких сведений, подтверждающих, что С. в силу состояния своего здоровья либо иных объективных причин (социального окружения, семейного положения, проблем жилищного и экономического характера, трудоустройства) нуждается в постоянной, временной или разовой посторонней помощи для преодоления трудной жизненной ситуации и (или) ее последствий, не представлено.

Кассационный суд общей юрисдикции, оставляя без изменения судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций, не установил нарушения либо неправильного применения судами первой и апелляционной инстанций норм материального права или норм процессуального права.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала обжалуемые судебные постановления вынесенными с существенным нарушением норм права.

Из положений статьи 7, частей 1, 2 статьи 39 Конституции Российской Федерации, Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», Закона Астраханской области от 22 декабря 2016 г. № 85/2016-ОЗ «О мерах социальной поддержки и социальной помощи отдельным категориям граждан в Астраханской области», постановления Правительства Астраханской области от 29 декабря 2011 г. № 655-П, которым утверждены Порядок и условия предоставления единовременной материальной помощи отдельным категориям граждан, следует, что оказание социальной помощи гражданам, нуждающимся в материальной поддержке, является одним из направлений государственной политики Российской Федерации как социального государства, которое реализуется путем осуществления предусмотренных законом специальных мер, направленных на поддержание уровня жизни названных граждан. К числу таких мер относится государственная социальная помощь, которая проживающим на территории Астраханской области нуждающимся в материальной поддержке гражданам оказывается в виде единовременной материальной помощи в размере до 50 000 руб. Указанная материальная помощь предоставляется на основании решения уполномоченного органа о признании заявителя нуждающимся в материальной поддержке.

С учетом целей и задач оказания государственной социальной помощи нуждающимся в материальной поддержке гражданам действующее правовое регулирование отношений по предоставлению таким гражданам государственной социальной помощи не предполагает возможности произвольного применения его норм уполномоченным органом, который обязан проверить все предусмотренные нормативными положениями условия, необходимые для принятия решения о предоставлении государственной социальной помощи. В частности, до принятия такого решения уполномоченный орган обязан осуществить комплексную оценку нуждаемости заявителя в материальной поддержке в соответствии с установленными этими нормативными положениями критериями.

К числу таких критериев отнесены: наличие независящих от заявителя обстоятельств, которые ухудшают или могут ухудшить условия его жизнедеятельности, в том числе состояние здоровья, проблемы, связанные с факторами социального окружения, включая семейное положение, проблемы жилищного и экономического характера, трудоустройства; наличие у заявителя права на получение иных мер социальной поддержки в соответствии с законодательством Российской Федерации или Астраханской области; нуждаемость в постоянной, временной или разовой посторонней помощи. Оценка причин нуждаемости заявителя в материальной поддержке производится уполномоченным органом. При наличии таких причин, не зависящих от лица, претендующего на получение государственной социальной помощи, уполномоченный орган не вправе отказать гражданину в предоставлении государственной социальной помощи. В случае же наличия оснований, предусмотренных положениями Порядка и условий предоставления единовременной материальной помощи отдельным категориям граждан, утвержденных постановлением Правительства Астраханской области от 29 декабря 2011 г. № 655-П, для отказа заявителю в предоставлении единовременной материальной помощи уполномоченный орган направляет заявителю уведомление о таком отказе в ее предоставлении с указанием причины отказа.

При рассмотрении данного дела по иску С., оспаривавшего отказ центра социальной поддержки в предоставлении ему единовременной материальной помощи, не учтены положения норм федерального и регионального законодательства в их системной взаимосвязи, не допускающие отказ в предоставлении названной меры социальной поддержки в случае наличия независящих от заявителя обстоятельств, которые ухудшают или могут ухудшить условия его жизнедеятельности.

Как указала Судебная коллегия, единовременная материальная помощь, предусмотренная нормативными правовыми актами Астраханской области, относится к числу мер социальной поддержки граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, и с учетом уровня жизни этих граждан, не

позволяющего им в полной мере нести, в частности, расходы на оплату жилищно-коммунальных услуг, направлена на создание им достойных условий жизни, поддержание их жизнедеятельности, сохранение их здоровья (состояние физического, психического и социального благополучия человека) и в связи с этим на обеспечение достоинства их личности. Произвольное, то есть в отсутствие установленных нормами права оснований, лишение гражданина уполномоченным органом права на эти меры социальной поддержки не только нарушает непосредственно его имущественные права, но и влечет нарушение нематериальных благ и личных неимущественных прав такого гражданина, в числе которых здоровье гражданина, честь, доброе имя и достоинство его личности.

Исходя из предназначения социального государства механизм социальной защиты, предусмотренный законодательством, должен позволять наиболее уязвимым категориям граждан получать поддержку, включая материальную, со стороны государства и общества и обеспечивать благоприятные, не ущемляющие охраняемое государством достоинство личности условия для реализации ими своих прав. Несоблюдение государственными органами нормативных предписаний при реализации гражданами права на социальное обеспечение, осуществляемое в том числе в виде денежных выплат (пособий, субсидий, компенсаций и т.д.), может порождать право таких граждан на компенсацию морального вреда в связи с тем, что социальное обеспечение граждан неразрывно связано с их нематериальными благами и личными неимущественными правами.

Однако суд первой инстанции при рассмотрении исковых требований С. в результате неправильного применения норм материального права и существенного нарушения норм процессуального права не определил и не установил обстоятельства, имеющие значение для дела (какие действия были предприняты уполномоченным органом для проверки указанных С. обстоятельств, связанных с невозможностью преодоления им трудной жизненной ситуации; предлагалось ли С. уполномоченным органом представить какие-либо дополнительные документы, подтверждающие наличие у него проблем со здоровьем, жилищного и экономического характера, трудоустройства и т.д.), не оценил имеющиеся по делу доказательства, как это предписывает процессуальный закон (статья 67 ГПК РФ), и оставил без внимания и соответствующей правовой оценки доводы С. о его трудной жизненной ситуации, приведенные им в обоснование исковых требований.

Суд апелляционной инстанции допущенные судом первой инстанции нарушения норм права не исправил, не проверил доводы апелляционной жалобы С. в том числе о том, что ответчик не привел ни одного основания для отказа в предоставлении ему единовременной материальной помощи,

предусмотренного нормативными положениями, и не дал этим доводам правовой оценки.

Ввиду изложенного Судебная коллегия признала выводы судов об отсутствии оснований для предоставления С. материальной помощи по причине непредставления им доказательств нахождения в тяжелой жизненной ситуации по независящим от него причинам неправомерными и отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 25-КГ22-4-К4

13. Выявление пенсионным органом допущенной ошибки в расчете выслуги лет (стажа службы) при назначении гражданину пенсионного обеспечения – в отсутствие с его стороны каких-либо виновных действий – не может являться самостоятельным основанием для перерасчета пенсионным органом гражданину размера пенсии в сторону уменьшения без учета иных значимых обстоятельств (срок, прошедший с момента признания со стороны пенсионного органа права на пенсию в соответствующем размере, возможность возвращения гражданина на службу для приобретения права на пенсионное обеспечение в установленном до выявления ошибки размере и другие).

П. обратился в суд с иском к территориальному органу внутренних дел по субъекту Российской Федерации о льготном исчислении периодов службы, взыскании недополученной пенсии, компенсации морального вреда.

В обоснование заявленных требований П. указал, что он является получателем пенсии за выслугу лет по линии МВД России с июня 1991 года. При расчете пенсии в 1991 году период его службы с 26 апреля по 30 сентября 1976 г. был засчитан в выслугу лет в льготном исчислении как 1 год службы за 1 год и 6 месяцев. Письмом отдела пенсионного обслуживания территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации от 27 ноября 2019 г. П. был уведомлен о том, что включение названного периода в льготном исчислении в выслугу лет в 1991 году было произведено ошибочно, этот период службы подлежит включению в выслугу лет в календарном исчислении, в связи с чем органом, осуществляющим пенсионное обеспечение, был произведен перерасчет размера назначенной П. пенсии в сторону уменьшения. С декабря 2019 года по ноябрь 2020 г. П. в общей сумме было недополучено 14 743,20 руб.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований П. о включении периодов службы в выслугу лет в льготном и в календарном исчислении, взыскании недополученной пенсии, компенсации морального вреда, суд первой инстанции сослался на статьи 2, 13 Закона СССР

от 28 апреля 1990 г. «О пенсионном обеспечении военнослужащих», постановление Совета Министров СССР от 15 декабря 1990 г. № 1290 «О выслуге лет для назначения пенсий лицам офицерского состава, прапорщикам, мичманам и военнослужащим сверхсрочной службы, лицам начальствующего и рядового состава органов внутренних дел и пособиях этим военнослужащим, лицам начальствующего и рядового состава и их семьям», Положение о прохождении службы рядовым и начальствующим составом органов внутренних дел, утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 23 октября 1973 г. № 778, и указал на то, что поскольку при исчислении П. выслуги лет для назначения пенсии органом, осуществляющим пенсионное обеспечение, была допущена ошибка, ответчиком в установленном порядке произведен перерасчет выслуги лет П. и размера назначенной ему пенсии в сторону уменьшения, то нарушений прав П. не допущено.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил постановления судов первой и апелляционной инстанций без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала вывод судебных инстанций о том, что перерасчет ответчиком в 2019 году размера назначенной П. в июне 1991 года пенсии за выслугу лет в сторону уменьшения не привел к нарушению его прав, основанным на неправильном применении норм материального права к спорным отношениям, отметив следующее.

На момент назначения П. пенсии за выслугу лет − 25 июня 1991 г. − пенсионное обеспечение сотрудников органов внутренних дел регулировалось Законом СССР от 28 апреля 1990 г. «О пенсионном обеспечении военнослужащих», постановлением Совета Министров СССР от 15 декабря 1990 г. № 1290 «О выслуге лет для назначения пенсий лицам офицерского состава, прапорщикам, мичманам и военнослужащим сверхсрочной службы, лицам начальствующего и рядового состава органов внутренних дел и пособиях этим военнослужащим, лицам начальствующего и рядового состава и их семьям».

Закон СССР от 28 апреля 1990 г. «О пенсионном обеспечении военнослужащих» утратил силу на территории Российской Федерации с 1 февраля 1993 г. в связи с принятием Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-I «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, и их семей» (наименование закона приведено в редакции на момент введения в действие) (далее − Закон Российской Федерации от 12 февраля 1993 г.).

В соответствии с абзацем четвертым пункта «а» статьи 1 Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. условия, нормы и порядок

пенсионного обеспечения, предусмотренные этим законом, распространяются в том числе и на лиц рядового и начальствующего состава, проходивших службу в органах внутренних дел бывшего Союза ССР.

Статьей 14 этого закона установлено сходное с положениями Закона СССР от 28 апреля 1990 г. «О пенсионном обеспечении военнослужащих» правовое регулирование исчисления размера пенсии в зависимости от выслуги лет.

Согласно статье 50 Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. работа по пенсионному обеспечению лиц, указанных в статье 1 этого закона, в частности, лиц рядового и начальствующего состава, проходивших службу в органах внутренних дел бывшего Союза ССР, осуществляется Министерством внутренних дел Российской Федерации.

В силу части 1 статьи 55 Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. перерасчет размеров пенсий за выслугу лет, по инвалидности, по случаю потери кормильца, назначенных лицам, указанным в статье 1 этого закона, и членам их семей, производится: а) с первого числа месяца, следующего за месяцем, в котором наступили обстоятельства, влекущие за собой перерасчет размеров пенсий в сторону уменьшения; б) со дня наступления обстоятельств, влекущих за собой перерасчет размеров пенсий в сторону увеличения.

В случае обнаружения ошибки, допущенной при назначении пенсии за выслугу лет, производится устранение этой ошибки в соответствии с законодательством Российской Федерации (часть 3 статьи 62 Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 г.).

Приказом МВД России от 9 января 2018 г. № 7 утверждена Инструкция об организации работы по пенсионному обеспечению в системе МВД России, которой установлен порядок организации работы по пенсионному обеспечению лиц, уволенных со службы, пенсионное обеспечение которых возложено на МВД России, регламентируются назначение и перерасчет пенсий, организация выплаты пенсий, порядок пересмотра и перерасчета пенсии, персональная ответственность руководителей пенсионных органов за осуществление выплаты пенсий, пособий и компенсаций, своевременность принятия ими мер по устранению переплат и недоплат (далее − Инструкция).

Из нормативных положений Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. и Инструкции следует, что реализация гражданином, уволенным со службы в органах внутренних дел, права на получение пенсии за выслугу лет осуществляется путем принятия уполномоченным органом − соответствующим пенсионным органом МВД России − решения о назначении гражданину такой пенсии, размер которой определяется с учетом имеющейся у гражданина выслуги лет. В случае выявления пенсионным органом ошибки, допущенной при назначении пенсии за выслугу лет, влекущей перерасчет размера назначенной гражданину,

уволенному со службы в органах внутренних дел, пенсии, устранение такой ошибки производится в установленном законом порядке. При этом пенсионный орган должен своевременно принимать меры по устранению допущенных при назначении пенсии ошибок, повлекших как переплату, так и недоплату пенсии.

Судебная коллегия указала на то, что к спорным отношениям по данному делу применима правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации в отношении правовых последствий ошибочного исчисления выслуги лет гражданину, уволенному со службы в органах внутренних дел, изложенная в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2016 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 13 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» в связи с жалобой гражданина С.В. Иванова», а именно о том, что в случае выявления ошибки, допущенной пенсионным органом при назначении пенсии гражданину, – при отсутствии с его стороны каких-либо виновных действий, приведших к неправомерному назначению пенсии, – бремя неблагоприятных последствий, связанных с устранением выявленной ошибки, должно распределяться на основе общеправового принципа справедливости, исключающего формальный подход, и с учетом особенностей жизненной ситуации, в которой находится гражданин, продолжительности периода, в течение которого он получал назначенную по ошибке пенсию, и других значимых обстоятельств.

Соответственно, исходя из подлежащих применению норм права и правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации выявление органом, осуществляющим пенсионное обеспечение сотрудника органов внутренних дел, ошибки в расчете выслуги лет (стажа службы) для назначения и выплаты сотруднику, уволенному со службы в органах внутренних дел, пенсии за выслугу лет само по себе не может служить основанием для перерасчета размера назначенной такому сотруднику пенсии в сторону уменьшения.

Судебные инстанции в результате неправильного применения и толкования норм материального права, регулирующих спорные отношения, не учли, что при определении правовых последствий допущенной органом, осуществляющим пенсионное обеспечение, ошибки в расчете выслуги лет (стажа службы) при назначении гражданину пенсионного обеспечения за выслугу лет в виде перерасчета размера пенсии в сторону уменьшения исходя из критериев разумности и соразмерности, обеспечения баланса конституционно защищаемых ценностей, публичных и частных интересов

при решении вопроса о возможности дальнейшей выплаты гражданину пенсии в размере, который был определен уполномоченным органом с учетом выслуги лет, должны приниматься во внимание срок, прошедший с момента признания со стороны уполномоченного органа права на пенсию за гражданином, разница между действительным (подтвержденным) и требуемым для реализации права на пенсию стажем службы, отсутствие со стороны гражданина каких-либо виновных действий, приведших к неправомерному назначению пенсии в определенном размере, возможность возвращения гражданина на службу для приобретения права на пенсионное обеспечение в установленном до выявления ошибки размере. В нарушение положений статей 56 и 67 ГПК РФ эти обстоятельства не вошли в предмет доказывания по делу и не получили соответствующей правовой оценки судов.

Судебными инстанциями оставлено без внимания, что расчет пенсии за выслугу лет, назначенной П. 25 июня 1991 г., был произведен пенсионным органом на основании соответствующих документов, подтверждавших стаж службы П. как в календарном, так и в льготном исчислении, достаточный для назначения ему пенсии в размере, определенном до момента выявления пенсионным органом ошибки в 2019 году. П. получал пенсию за выслугу лет в течение 28 лет, при этом каких-либо действий в этот период, направленных на проверку правильности подсчета его выслуги лет и размера назначенной П. пенсии, пенсионным органом не предпринималось, на момент перерасчета в 2019 году ответчиком суммы назначенной истцу пенсии за выслугу лет П. в силу возраста (66 лет) объективно был лишен возможности возвратиться на службу в органах внутренних дел с целью приобретения необходимой выслуги и сохранения пенсионного обеспечения в объеме, установленном до выявления пенсионным органом ошибки в исчислении выслуги лет П.

Ввиду изложенного Судебная коллегия признала неправомерным вывод судебных инстанций об отказе в удовлетворении исковых требований П. о взыскании недополученной пенсии, отменила судебные постановления судов первой, апелляционной и кассационной инстанций и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 64-КГ22-2-К9

14. Отсутствие в трудовом договоре с заместителем руководителя организации условия о его полной материальной ответственности не исключает возможность возложения на него такой ответственности в случае умышленного причинения им материального ущерба работодателю.

Государственное бюджетное стационарное учреждение социального обслуживания (далее – учреждение, работодатель) обратилось в суд с иском к Б. о взыскании материального ущерба, указав, что Б. с 28 марта 2000 г. работала в учреждении в должности главного бухгалтера, с 1 марта 2018 г. по 1 апреля 2019 г. и с 12 апреля по 6 сентября 2019 г. − в должности заместителя директора учреждения, на нее также были возложены обязанности по ведению бухгалтерского учета в учреждении.

С 25 июля по 30 августа 2019 г. проведена внеплановая комбинированная проверка финансово-хозяйственной деятельности учреждения за период с 1 января 2018 г. по 30 июня 2019 г., в ходе которой проверяющим органом были выявлены нарушения в начислении заработной платы работникам учреждения, повлекшие причинение учреждению материального ущерба в размере 19 359 673,84 руб.

По факту выявленных нарушений в части оплаты труда работников учреждения в период с 3 октября по 10 декабря 2019 г. была проведена служебная проверка. По результатам проверки 24 января 2020 г. утвержден соответствующий акт. В акте указано, что Б. умышленно производились действия по необоснованному начислению заработной платы отдельным работникам учреждения, размер материального ущерба, причиненного учреждению действиями Б., составил 18 326 463,54 руб., из которых 2 424 640 руб. Б. возместила в добровольном порядке.

Истец, полагая, что поскольку материальный ущерб учреждению был причинен Б. умышленно, то в силу статьи 242, пункта 3 части 1 статьи 243 ТК РФ имеются основания для возложения на нее полной материальной ответственности по возмещению такого ущерба, просил суд взыскать с Б. материальный ущерб в размере 15 901 823,54 руб.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования учреждения о взыскании с Б. материального ущерба, суд первой инстанции применил к спорным отношениям положения статей 233, 238, 242, 243, 247 ТК РФ и исходил из того, что факт вины Б. с учетом ее должностного положения, противоправности ее поведения и причинения ущерба истцу доказан в ходе судебного разбирательства, противоправные действия Б. носят виновный характер, так как совершались сознательно и неоднократно, в течение длительного периода, имели целью извлечение в том числе личной материальной выгоды, вследствие чего пришел к выводу о том, что причиненный Б. материальный ущерб учреждению подлежит взысканию с нее в полном объеме в соответствии с пунктом 3 части 1 статьи 243 ТК РФ.

Суд первой инстанции также указал на соблюдение работодателем положений статьи 247 ТК РФ при установлении размера причиненного ему ущерба и причин его возникновения, у Б. запрошены объяснения, которые ею в установленный срок представлены не были, о чем работодателем 11 января 2020 г. составлен соответствующий акт, работодателем были учтены

письменные объяснения Б., данные ею в ходе проверки финансово-хозяйственной деятельности учреждения, где она признала факты допущенных ею нарушений в начислении заработной платы работникам учреждения, неправомерность своих действий и вину в их совершении, повлекших причинение материального ущерба учреждению.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая учреждению в удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции не согласился с приведенными выводами суда первой инстанции и сослался на то, что с Б. не заключался договор о полной материальной ответственности, служебная проверка по факту причинения материального ущерба учреждению была проведена после увольнения Б., объяснения у Б. отобраны не были, проверка для установления причин возникновения ущерба не проводилась, бюджету действиями Б. ущерб причинен не был.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами суда апелляционной инстанции и оставил апелляционное определение суда апелляционной инстанции без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы суда апелляционной инстанции и кассационного суда общей юрисдикции об отсутствии оснований для возложения на Б. обязанности по возмещению причиненного работодателю ущерба основанными на неправильном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорные отношения, указав следующее.

В соответствии с нормами трудового законодательства (главы 37 и 39 ТК РФ) и разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации по их применению (пункты 4, 8, 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2006 г. № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный работодателю») материальная ответственность работника является самостоятельным видом юридической ответственности и возникает лишь при наличии ряда обязательных условий, к которым относятся: наличие прямого действительного ущерба, противоправность поведения (действия или бездействия) работника, причинно-следственная связь между действиями или бездействием работника и причиненным ущербом, вина работника в причинении ущерба.

При этом бремя доказывания наличия совокупности указанных обстоятельств законом возложено на работодателя, который до принятия решения о возмещении ущерба конкретным работником обязан провести проверку с обязательным истребованием от работника письменного объяснения для установления размера причиненного ущерба, причин его возникновения и вины работника в причинении ущерба. Расторжение трудового договора после причинения работником ущерба работодателю не влечет за собой освобождение работника от материальной ответственности,

предусмотренной ТК РФ, в случае установления работодателем факта причинения работником ущерба при исполнении трудовых обязанностей.

Основным видом материальной ответственности работника за ущерб, причиненный работодателю, является ограниченная материальная ответственность. Правило об ограниченной материальной ответственности работника в пределах его среднего месячного заработка применяется во всех случаях, кроме тех, в отношении которых ТК РФ или иным федеральным законом прямо установлена более высокая материальная ответственность работника, в частности полная материальная ответственность. Одним из таких случаев полной материальной ответственности является умышленное причинение работником ущерба работодателю (пункт 3 части 1 статьи 243 ТК РФ). Наличие основания для привлечения работника к полной материальной ответственности должен доказать работодатель при рассмотрении дела о возмещении причиненного работодателю прямого действительного ущерба в полном объеме.

Полная материальная ответственность заместителя руководителя и главного бухгалтера организации может быть установлена трудовым договором, заключаемым с ними работодателем (часть 2 статьи 243 ТК РФ). Вместе с тем отсутствие в трудовом договоре с заместителем руководителя или главным бухгалтером организации условия об их полной материальной ответственности не исключает возможность возложения на этих работников такой ответственности при наличии иных оснований, установленных законом, в частности при умышленном причинении ущерба.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции, не принял во внимание, что основанием исковых требований, предъявленных к Б. как к заместителю руководителя учреждения, на которую были возложены обязанности в том числе по ведению бухгалтерского учета, являлось причинение Б. материального ущерба учреждению в результате ее умышленных действий (пункт 3 части 1 статьи 243 ТК РФ), выразившихся в неправомерном начислении заработной платы и иных выплат себе и отдельным работникам учреждения.

Поскольку отсутствие в трудовом договоре с заместителем руководителя организации условия о полной материальной ответственности не исключает возможность возложения на такого работника полной материальной ответственности при наличии иных установленных законом оснований, правовое значение при разрешении исковых требований учреждения, исходя из положений части третьей статьи 196 ГПК РФ о разрешении судом спора по заявленным истцом требованиям, имело установление факта умышленного причинения Б. ущерба работодателю, а не наличие или отсутствие в трудовом договоре с ней условия о возложении на нее материальной ответственности в полном размере.

Указание суда апелляционной инстанции в подтверждение вывода об отсутствии оснований для возложения на Б. обязанности по возмещению материального ущерба работодателю на то, что служебная проверка по факту причинения ущерба учреждению была проведена после увольнения Б., Судебная коллегия признала не соответствующим закону, так как прекращение трудовых отношений между сторонами трудового договора не влечет за собой освобождение работника от материальной ответственности, предусмотренной ТК РФ, в случае установления работодателем факта причинения работником ущерба при исполнении трудовых обязанностей. Трудовое законодательство не содержит норм, ограничивающих возможность проведения работодателем проверки по факту выяснения обстоятельств причинения материального ущерба и определения размера ущерба после расторжения трудового договора с работником.

Судебная коллегия отметила, что в отличие от суда апелляционной инстанции суд первой инстанции, разрешая спор по иску учреждения к Б. о возмещении ущерба, применил к спорным отношениям нормы ТК РФ об условиях возложения на работника, в данном случае на заместителя руководителя организации, материальной ответственности в полном размере в случае умышленного причинения вреда работодателю и о порядке определения размера причиненного ущерба, проанализировал материалы проверок финансово-хозяйственной деятельности учреждения, а также выводы по результатам этих проверок, изложенные в соответствующих актах, и установил, что факт умышленного причинения Б. ущерба работодателю при исполнении ею обязанностей заместителя директора и бухгалтера, противоправность ее действий и соблюдение работодателем определенного трудовым законодательством порядка установления размера причиненного ему ущерба и причин его возникновения подтверждены представленными по делу доказательствами в их совокупности, в связи с чем пришел к выводу о наличии оснований для удовлетворения исковых требований учреждения о взыскании с Б. материального ущерба, причиненного работодателю, в полном объеме.

Не установив каких-либо новых обстоятельств, нарушив нормы материального права об условиях возложения на работника материальной ответственности в полном размере в случае умышленного причинения вреда работодателю и о порядке определения размера причиненного ущерба, суд апелляционной инстанции пришел к неправомерному выводу об отсутствии оснований для удовлетворения заявленных учреждением исковых требований.

Ввиду приведенных обстоятельств Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о том, что у суда апелляционной инстанции не имелось предусмотренных статьей 330 ГПК РФ оснований для отмены решения суда первой инстанции,

в связи с чем отменила апелляционное определение и оставившее его без изменения определение кассационного суда общей юрисдикции, оставив в силе решение суда первой инстанции.

Определение № 4-КГ22-21-К1

15. Положения трудового законодательства о запрете отказа в приеме на работу по причинам, не связанным с деловыми качествами работника, и об обязанности работодателя разъяснить обратившемуся к нему лицу конкретную причину отказа в трудоустройстве в полной мере распространяются и на лиц (работников), уже состоящих в трудовых отношениях с работодателем и претендующих на занятие вакантной должности у данного работодателя в порядке перевода.

И. обратилась в суд с иском к детскому образовательному учреждению (далее − учреждение, работодатель) о признании незаконным отказа в приеме на работу на вакантную должность педагога изобразительного и прикладного искусства.

В обоснование заявленных требований И. указала, что работает в учреждении с марта 2012 года в должности кладовщика, за время работы в этой должности она получила высшее образование по специальности «Педагогическое образование» с присвоением квалификации «бакалавр», кроме того, ею получено дополнительное образование в рамках профессиональной переподготовки, присвоена квалификация «Преподаватель изобразительного и декоративно-прикладного искусства» с правом ведения профессиональной деятельности в сфере преподавания изобразительного и декоративно-прикладного искусства по программам общего и дополнительного образования.

17 февраля 2021 г. она обратилась к работодателю с заявлением о приеме на работу на вакантную должность педагога дошкольного образования (педагога по изобразительному и прикладному искусству – ИЗО). 1 марта 2021 г. ответчиком ей дан ответ об отказе в приеме на вакантную должность без объяснения причин, который истец полагала незаконным, нарушающим ее трудовые права, поскольку ответчиком не учтено наличие у нее необходимого образования и достаточной квалификации, отказ не связан с деловыми качествами соискателя, что запрещено статьей 64 ТК РФ.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований И., суд первой инстанции пришел к выводу о том, что само по себе обращение к работодателю с заявлением о соответствующем переводе не является обстоятельством, обязывающим работодателя заключить трудовой договор в дальнейшем и возлагающим на работодателя ответственность за отказ

от заключения трудового договора, поскольку в силу положений статьи 72 ТК РФ перевод на другую работу допускается только по соглашению сторон, которое сторонами достигнуто не было.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции, дополнительно сославшись на положения статей 2, 3 и 64 ТК РФ и отметив, что не представлены доказательства, свидетельствующие о допущенной ответчиком в отношении И. дискриминации. Суд апелляционной инстанции указал, что обстоятельства подачи истцом заявлений о переводе не влекут в отношении работодателя обязанности по изменению условий трудового договора, заключенного с истцом, вследствие чего действия работодателя не могут расцениваться как дискриминация по смыслу статьи 3 ТК РФ.

Кассационный суд общей юрисдикции постановления судов первой и апелляционной инстанций оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судебных инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм права, регулирующих спорные отношения, отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции ввиду следующего.

В силу абзаца второго части 1 статьи 21 ТК РФ работник имеет право на заключение, изменение и расторжение трудового договора в порядке и на условиях, которые установлены ТК РФ, иными федеральными законами.

Главой 11 ТК РФ определены правила заключения трудового договора (статьи 63−71) и установлены гарантии при заключении трудового договора, в числе которых − запрет на необоснованный отказ в заключении трудового договора (часть 1 статьи 64 ТК РФ).

Изменение определенных сторонами условий трудового договора, в том числе перевод на другую работу, допускается только по соглашению сторон трудового договора, за исключением случаев, предусмотренных ТК РФ. Соглашение об изменении определенных сторонами условий трудового договора заключается в письменной форме (статья 72 ТК РФ).

Согласно части 1 статьи 72^1 ТК РФ переводом на другую работу является постоянное или временное изменение трудовой функции работника и (или) структурного подразделения, в котором работает работник (если структурное подразделение было указано в трудовом договоре), при продолжении работы у того же работодателя, а также перевод на работу в другую местность вместе с работодателем. Перевод на другую работу допускается только с письменного согласия работника, за исключением случаев, предусмотренных частями 2 и 3 статьи 72^2 названного кодекса.

Из положений Трудового кодекса Российской Федерации следует, что трудовые отношения между работником и работодателем возникают

на основании трудового договора, который заключается в письменной форме и должен содержать условия, на которых работником будет осуществляться трудовая деятельность. Обязательным для включения в трудовой договор является, в частности, условие о трудовой функции работника (работе по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретный вид поручаемой работнику работы). Согласованные сторонами трудового договора (работником и работодателем) условия трудового договора должны соблюдаться, а их изменение, по общему правилу, возможно лишь по обоюдному согласию сторон трудового договора. Соглашение об изменении определенных сторонами условий трудового договора должно заключаться в письменной форме.

Одним из случаев изменения условий трудового договора является перевод работника на другую работу, то есть постоянное или временное изменение трудовой функции работника и (или) структурного подразделения, в котором работает работник, при продолжении работы у того же работодателя. Перевод работника на другую работу является постоянным, если условия заключенного с ним трудового договора, касающиеся его трудовой функции и (или) структурного подразделения, в котором работает работник, изменяются окончательно и фактически имеет место заключение с работником нового трудового договора. Перевод работника на другую работу у того же работодателя может осуществляться как по инициативе работодателя, так и по инициативе работника. При этом по смыслу положений статей 21, 56, 64, 72 ТК РФ в их взаимосвязи при рассмотрении работодателем вопроса о возможности перевода работника на вакантную должность по инициативе самого работника на такого работника распространяются гарантии, установленные для лиц, впервые поступающих на работу к данному работодателю и заключающих с ним трудовой договор. Иное правоприменение приведет к нарушению принципа равенства прав и возможностей работников, а именно к установлению различий в правах лиц, уже состоящих в трудовых отношениях с работодателем и претендующих на перевод на вакантную должность у данного работодателя, и лиц, не состоящих в трудовых отношениях с этим работодателем и являющихся соискателями на эту же вакантную должность.

Судебная коллегия, исходя из положений статей 3, 64, 195^1 ТК РФ, разъяснений, изложенных в пункте 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации», указала, что действующим законодательством запрещается необоснованный отказ в заключении трудового договора, то есть такой отказ, который не основан на деловых качествах работника, а именно на способностях работника выполнять определенные трудовые функции с учетом имеющихся у него

профессионально-квалификационных качеств. Устанавливая для работников такие гарантии при заключении трудового договора, закон, вместе с тем, не ограничивает право работодателя самостоятельно и под свою ответственность принимать кадровые решения (подбор, расстановка, увольнение персонала) в целях эффективной экономической деятельности и рационального управления имуществом, а также оптимального согласования интересов работодателя и лица, ищущего работу. При этом отказ в приеме на работу возможен, только если деловые качества, уровень образования и квалификации претендента не соответствуют заявленным работодателем требованиям. На граждан, поступающих на работу, в полной мере распространяются и гарантии защиты от дискриминации в сфере трудовых отношений, установленные статьей 3 ТК РФ.

Отказывая в заключении трудового договора, работодатель обязан разъяснить обратившемуся к нему лицу конкретную причину такого отказа в трудоустройстве. По письменному требованию лица, которому отказано в заключении трудового договора, работодатель обязан сообщить причину отказа в письменной форме и в срок не позднее чем в течение семи рабочих дней со дня предъявления такого требования.

Положения трудового законодательства о запрете отказа в приеме на работу по причинам, не связанным с деловыми качествами работника, и об обязанности работодателя разъяснить обратившемуся к нему лицу конкретную причину отказа в трудоустройстве в полной мере распространяются и на лиц (работников), уже состоящих в трудовых отношениях с работодателем и претендующих на занятие вакантной должности у данного работодателя в порядке перевода, это судебными инстанциями при проверке законности решения ответчика об отказе И. в приеме на работу на вакантную должность педагога изобразительного и прикладного искусства в порядке перевода не было принято во внимание.

Судебная коллегия отметила, что по данному делу с учетом исковых требований, возражений ответчика относительно иска и норм материального права, регулирующих спорные отношения (статьи 2, 3, 21, 56, 64, 72 ТК РФ), юридически значимым являлось установление обстоятельств, связанных с соблюдением работодателем прав И. при принятии решения об отказе в переводе ее на вакантную должность педагога изобразительного и прикладного искусства, а именно выяснение причин, по которым работодателем принято такое решение, связаны эти причины с деловыми качествами И. или у работодателя имелись иные основания для отказа ей в переводе и не являлись ли причины отказа в переводе фактом проявления работодателем дискриминации в отношении И.

Суды первой и апелляционной инстанций эти обстоятельства не устанавливали.

Кассационный суд общей юрисдикции допущенные судами первой и апелляционной инстанций нарушения норм права не выявил и не устранил.

Неправильное применение судебными инстанциями норм права без установления названных обстоятельств привело к вынесению незаконных судебных постановлений.

Определение № 5-КГ22-73-К2

16. При разрешении спора о законности расторжения трудового договора по инициативе работника, в том числе работника, отозвавшего свое заявление об увольнении после того, как его увольнение было фактически произведено, юридически значимым является установление наличия добровольного и осознанного волеизъявления работника прекратить трудовые отношения по собственной инициативе.

Б. обратилась в суд с иском к обществу (работодатель) о признании увольнения незаконным, восстановлении на работе, взыскании заработной платы за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда.

В обоснование требований Б. указала, что с 3 апреля 2017 г. работала по трудовому договору в обществе в должности контролера деталей (проверка ламп на остром токе) 3 разряда, является пенсионером. В период осуществления трудовой деятельности в обществе Б. надлежащим образом выполняла трудовые обязанности, замечаний и иных дисциплинарных взысканий не имела. В период с 5 по 31 августа 2021 г. включительно (27 календарных дней) Б. находилась в отпуске без сохранения заработной платы. Приступить к выполнению своих трудовых обязанностей Б. должна была 1 сентября 2021 г., однако 31 августа 2021 г. работодатель вызвал ее из отпуска на работу и вынудил написать заявление об увольнении по собственному желанию. Приказом работодателя от 31 августа 2021 г. Б. была уволена. В этот же день Б. работодателем выдана трудовая книжка с записью о том, что трудовой договор расторгнут с ней по инициативе работника на основании пункта 3 части 1 статьи 77 ТК РФ.

2 и 9 сентября 2021 г. Б. обращалась с письменными заявлениями об отзыве своего заявления об увольнении от 31 августа 2021 г. в адрес директора общества. Работодателем никаких мер, касающихся восстановления ее на работе, принято не было.

Полагая свое увольнение незаконным, Б. ссылалась на то, что не имела намерения увольняться, заявление об увольнении собственноручно не писала, под давлением работодателя ею был подписан готовый напечатанный работодателем бланк, в котором нужно было проставить дату увольнения, она не соглашалась на увольнение до истечения срока предупреждения об увольнении и не писала этого в заявлении, все последующие действия Б. по

отзыву заявления свидетельствовали об отсутствии у нее желания прекращать трудовые отношения по своей инициативе.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований Б. о признании увольнения незаконным, восстановлении на работе, взыскании заработной платы за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что факт личного подписания истцом заявления об увольнении с указанием даты увольнения, отсутствие отзыва заявления в установленный законом срок, отсутствие в заявлении об увольнении срока отработки, ознакомление истца с приказом об увольнении, получение истцом трудовой книжки в день увольнения свидетельствуют о том, что Б. были совершены последовательные действия с намерением расторгнуть трудовой договор по собственному желанию в соответствии со статьей 80 ТК РФ в день подачи ею заявления работодателю, ввиду чего признал, что увольнение Б. по пункту 3 части 1 статьи 77 ТК РФ (расторжение трудового договора по инициативе работника) произведено работодателем с соблюдением требований действующего трудового законодательства на основании поданного ею заявления об увольнении по собственному желанию и с учетом ее мнения о расторжении трудового договора 31 августа 2021 г.

Суд первой инстанции отметил, что не может являться основанием для восстановления Б. на работе факт подачи ею заявления об отзыве заявления об увольнении по собственному желанию, поскольку отзыв этого заявления имел место после того, как между работником и работодателем было достигнуто соглашение о дате увольнения 31 августа 2021 г. и увольнение фактически было произведено, в связи с чем к данным отношениям не могут быть применены положения части 4 статьи 80 ТК РФ.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил постановления судов первой и апелляционной инстанций без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя принятые по делу судебные постановления и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указала, что нормативные положения, регулирующие порядок увольнения работника по собственному желанию, применены судебными инстанциями неправильно, требования процессуального закона к доказательствам и доказыванию не соблюдены, приведя следующее.

В соответствии с пунктом 3 части 1 статьи 77 ТК РФ трудовой договор может быть прекращен по инициативе работника (статья 80 ТК РФ).

Порядок расторжения трудового договора по инициативе работника (по собственному желанию) определен статьей 80 ТК РФ.

Частью 1 статьи 80 ТК РФ предусмотрено, что работник имеет право расторгнуть трудовой договор, предупредив об этом работодателя в письменной форме не позднее чем за две недели, если иной срок не установлен данным кодексом или иным федеральным законом. Течение указанного срока начинается на следующий день после получения работодателем заявления работника об увольнении.

По соглашению между работником и работодателем трудовой договор может быть расторгнут и до истечения срока предупреждения об увольнении (часть 2 статьи 80 ТК РФ).

До истечения срока предупреждения об увольнении работник имеет право в любое время отозвать свое заявление. Увольнение в этом случае не производится, если на его место не приглашен в письменной форме другой работник, которому в соответствии с данным кодексом и иными федеральными законами не может быть отказано в заключении трудового договора (часть 4 статьи 80 ТК РФ).

В подпункте «а» пункта 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» разъяснено, что расторжение трудового договора по инициативе работника допустимо в случае, когда подача заявления об увольнении являлась добровольным его волеизъявлением. Если истец утверждает, что работодатель вынудил его подать заявление об увольнении по собственному желанию, то это обстоятельство подлежит проверке и обязанность доказать его возлагается на работника.

Из приведенных правовых норм и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по их применению следует, что федеральный законодатель создал правовой механизм, обеспечивающий реализацию права граждан на свободное распоряжение своими способностями к труду, который предусматривает в том числе возможность работника беспрепятственно в любое время уволиться по собственной инициативе, подав работодателю соответствующее заявление, основанное на добровольном волеизъявлении, предупредив об увольнении работодателя не позднее чем за две недели, если иной срок не установлен ТК РФ или иным федеральным законом, а также предоставляет возможность сторонам трудового договора достичь соглашения о дате увольнения, определив ее иначе, чем предусмотрено законом. Для защиты интересов работника как экономически более слабой стороны в трудовом правоотношении за работником закреплено право отозвать свое заявление до истечения срока предупреждения об увольнении (если только на его место не приглашен в письменной форме другой работник, которому не может быть отказано в заключении трудового договора). Обстоятельствами, имеющими значение для дела при разрешении спора о расторжении трудового договора по инициативе работника,

являются: наличие волеизъявления работника на увольнение по собственному желанию и добровольность волеизъявления работника на увольнение по собственному желанию.

По данному делу юридически значимыми и подлежащими определению и установлению с учетом исковых требований Б. и их обоснования, возражений ответчика относительно иска и регулирующих спорные отношения норм ТК РФ являлись следующие обстоятельства: были ли действия Б. при подписании 31 августа 2021 г. заявления об увольнении по собственному желанию добровольными и осознанными с учетом того, что собственноручно заявление Б. не писала, ей на подпись был выдан готовый напечатанный работодателем бланк заявления с текстом, содержащим просьбу работника об увольнении по собственному желанию; выяснялись ли руководством общества причины подачи Б. в день нахождения в отпуске без сохранения заработной платы 31 августа 2021 г. заявления об увольнении по собственному желанию; разъяснялись ли Б. работодателем последствия написания ею заявления об увольнении по инициативе работника и право отозвать свое заявление об увольнении по собственному желанию; имело ли место в период увольнения Б. увольнение в обществе работающих пенсионеров, если принять во внимание, что на данное обстоятельство Б. ссылалась в подтверждение своих доводов о психологическом давлении со стороны представителей работодателя, которое, по мнению истца, оказывалось на нее с целью принуждения к подписанию заявления об увольнении.

Разрешая исковые требования Б. о незаконности ее увольнения, суды первой и апелляционной инстанций не учли и не проверили доводы Б., приведенные ею в исковом заявлении и в судебном заседании суда первой инстанции, а также изложенные ею в апелляционной жалобе, о том, что между работником Б. и работодателем по смыслу части 2 статьи 80 ТК РФ не было достигнуто основанное на добровольном и осознанном волеизъявлении работника соглашение о прекращении трудовых отношений, о чем, по мнению Б., свидетельствуют совершенные ею сразу после увольнения 2 сентября 2021 г. действия, направленные на отзыв заявления об увольнении, которые были обусловлены несогласием с принятым работодателем решением о расторжении трудового договора по основанию, предусмотренному пунктом 3 части 1 статьи 77 ТК РФ. Факт направления Б. 2 сентября 2021 г. заявления от 1 сентября 2021 г. о запросе документов, связанных с ее трудовой деятельностью, а также заявления от 2 сентября 2021 г. об отзыве заявления об увольнении от 31 августа 2021 г. по ошибочному, как утверждает ответчик, адресу правового значения для разрешения возникшего спора не имеет и в совокупности с иными доказательствами по делу подлежал оценке судом для установления наличия

либо отсутствия добровольного и осознанного намерения истца прекратить трудовые отношения с ответчиком.

Судами первой и апелляционной инстанций не были выяснены обстоятельства, предшествующие подписанию Б. заявления об увольнении по собственному желанию, не дана оценка доводам истца об отсутствии у нее причин для принятия решения об увольнении по собственному желанию, если принять во внимание, что Б. в ходе судебного разбирательства спора последовательно указывала, что является пенсионером, размер ее пенсии составляет 9 806,73 руб., в связи с чем она находится в тяжелом материальном положении, нуждается в работе и дополнительном доходе, оплачивает лечение сына, нетрудоспособного в результате полученной травмы, проживает в общежитии.

Суждение суда первой инстанции о том, что основанием для восстановления Б. на работе не может являться факт подачи ею заявления об отзыве заявления об увольнении по собственному желанию, так как отзыв этого заявления имел место только 9 сентября 2021 г., то есть после того как между работником и работодателем было достигнуто соглашение о дате увольнения 31 августа 2021 г. и увольнение фактически было произведено, не соответствует положениям трудового законодательства и разъяснениям, содержащимся в подпункте «а» пункта 22 названного выше постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, поскольку судом в нарушение требований статей 56, 67, 196, 198 ГПК РФ не был установлен сам факт достижения между работником Б. и работодателем соглашения о расторжении трудового договора при добровольном и осознанном волеизъявлении работника прекратить трудовые отношения по собственной инициативе.

Кассационный суд общей юрисдикции, проверяя по кассационной жалобе Б. законность решения суда первой инстанции и апелляционного определения суда апелляционной инстанции, допущенные ими нарушения норм материального и процессуального права не выявил и не устранил, тем самым не выполнил требования статьи 379^6 и частей 1−3 статьи 379^7 ГПК РФ.

В связи с изложенным Судебная коллегия признала не основанными на законе выводы судебных инстанций о наличии добровольного волеизъявления Б. прекратить трудовые отношения по своей инициативе.

Определение № 35-КГ22-7-К2

17. По регрессному требованию Фонда социального страхования Российской Федерации, выплатившего потерпевшему страховое возмещение в связи с несчастным случаем на производстве, суд на основании пункта 3 статьи 1083 ГК РФ может уменьшить размер

такого возмещения, подлежащего взысканию с причинителя вреда − гражданина.

Региональное отделение Фонда социального страхования Российской Федерации[2] (далее − фонд) обратилось в суд с иском к Р. о взыскании в порядке регресса 612 298,22 руб.

В обоснование исковых требований фондом указано, что в результате дорожно-транспортного происшествия с участием автомобиля, находившегося под управлением Р., был совершен наезд на пешехода Ш. на нерегулируемом пешеходном переходе. В результате противоправных действий Р. был причинен тяжкий вред здоровью пешехода Ш. Уголовное дело по обвинению Р. в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 264 УК РФ, прекращено за примирением с потерпевшей Ш.

По результатам расследования указанного несчастного случая, произошедшего с Ш. при исполнении ею своих трудовых обязанностей по должности дворника, ее работодателем утвержден акт о несчастном случае на производстве. В связи с несчастным случаем на производстве Ш. учреждением медико-социальной экспертизы была установлена степень утраты профессиональной трудоспособности в размере 80% на длительный срок, разработана программа реабилитации пострадавшей.

Факт повреждения здоровья Ш. вследствие несчастного случая на производстве фондом признан страховым случаем, и ей произведены страховые выплаты в размере 612 298,22 руб.

Разрешая исковые требования фонда о взыскании с Р. в порядке регресса денежных средств в размере 612 298,22 руб., выплаченных фондом Ш. в качестве страхового возмещения, суд первой инстанции со ссылкой на положения статьи 1081 Гражданского кодекса Российской Федерации, статей 1, 3, 5, 10 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», подпункта 8 пункта 1 статьи 11 Федерального закона от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» исходил из того, что регрессные иски, предъявляемые исполнительными органами фонда на основании названных норм права, представляют собой правовой механизм возложения бремени ответственности за причиненный вред в конечном итоге непосредственно на его причинителя. Орган социального страхования, который исполнил обязательство по выплате страховых сумм для возмещения

[2] С 1 января 2023 г. – Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации (часть 2 статьи 20 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 236-ФЗ «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации»).

вреда, причиненного в результате несчастного случая на производстве, имеет право обратного требования к лицам, по чьей вине причинен вред.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции, отклонив доводы апелляционной жалобы Р. о несогласии с решением суда первой инстанции в части полного взыскания с Р. в пользу фонда в порядке регресса выплаченных фондом Ш. сумм ввиду неприменения судом первой инстанции положений пункта 3 статьи 1083 ГК РФ, которыми установлена возможность уменьшения судом размера возмещения вреда, причиненного гражданином, с учетом его имущественного положения.

Кассационный суд общей юрисдикции, оставляя без изменения судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций, не установил нарушений судебными инстанциями норм материального и процессуального права.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судебных инстанций в части определения размера подлежащей взысканию с Р. в пользу фонда в порядке регресса денежной суммы основанными на неправильном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорные отношения, приведя следующее.

Из положений статьи 1, пункта 2 статьи 6, подпунктов 5 и 6 пункта 2 статьи 8, подпункта 8 пункта 1 статьи 11, абзаца пятого статьи 17, пункта 1 статьи 22 Федерального закона от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» следует, что в рамках обязательного социального страхования, представляющего собой систему создаваемых государством мер, направленных на компенсацию или минимизацию последствий изменения материального и (или) социального положения граждан при наступлении страхового случая, обязательства по выплате сумм, назначенных в возмещение вреда, причиненного здоровью гражданина, производятся фондом (через его региональные отделения на территории субъектов Российской Федерации), имеющим, в свою очередь, право регрессного требования к непосредственному причинителю вреда с целью возмещения расходов фонда, управляющего средствами государственного социального страхования, аккумулирующего страховые взносы и выплачивающего пострадавшим страховое возмещение как в форме единовременных или периодических выплат, так и путем оплаты дополнительных расходов на медицинскую, социальную и профессиональную реабилитацию.

Пунктом 1 статьи 1081 ГК РФ установлено, что лицо, возместившее вред, причиненный другим лицом (работником при исполнении им служебных, должностных или иных трудовых обязанностей, лицом, управляющим транспортным средством, и т.п.), имеет право обратного

требования (регресса) к этому лицу в размере выплаченного возмещения, если иной размер не установлен законом.

Страховые выплаты, осуществленные фондом в пользу Ш., требования о взыскании которых с Р. в порядке регресса заявлены фондом, исходя из их характера и правовой природы являются выплатами в возмещение вреда, причиненного здоровью гражданина при исполнении им обязанностей по трудовому договору, в связи с чем положения подпункта 8 пункта 1 статьи 11 Федерального закона от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования», предусматривающие право фонда как страховщика на предъявление регрессных исков о возмещении понесенных расходов непосредственно к лицу, ответственному за причинение вреда, подлежат применению к спорным отношениями во взаимосвязи с соответствующими нормативными положениями ГК РФ, регулирующими отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина.

Пунктом 3 статьи 1083 ГК РФ определено, что суд может уменьшить размер возмещения вреда, причиненного гражданином, с учетом его имущественного положения, за исключением случаев, когда вред причинен действиями, совершенными умышленно.

По смыслу пункта 3 статьи 1083 ГК РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» (пункт 17) по его применению суд, возлагая на гражданина, причинившего вред в результате неумышленных действий, обязанность по его возмещению, может решить вопрос о снижении размера возмещения вреда. При этом суду надлежит оценивать в каждом конкретном случае обстоятельства, связанные с имущественным положением гражданина − причинителя вреда.

Как указала Судебная коллегия, в результате неприменения изложенных норм права к спорным отношениям в их взаимосвязи судебные инстанции не дали надлежащей правовой оценки доводам Р. о том, что она работает в образовательном учреждении преподавателем, одна воспитывает двоих несовершеннолетних детей (один ребенок − сын в возрасте 12 лет − является ребенком с ограниченными возможностями в результате полученной травмы органов зрения), страдает онкологическим заболеванием, возникшим у нее сразу после дорожно-транспортного происшествия из-за нравственных переживаний и физической нагрузки, связанной с уходом за пострадавшей Ш., является инвалидом III группы, проходит переосвидетельствование на установление II группы инвалидности, нуждается в постоянном дорогостоящем лечении, перенесла две операции, на которые ею были потрачены все ее сбережения и сбережения ее матери

(стоимость каждой операции составила 390 000 руб.), ею добровольно выплачены Ш. денежные средства в счет компенсации морального вреда в размере 150 000 руб. и в счет возмещения материального ущерба в размере 96 382,17 руб., за собственные средства для Ш. приобретались лекарственные средства и продукты питания, что существенно отразилось на ее имущественном положении.

Как следствие, судебные инстанции не определили приведенные обстоятельства в качестве юридически значимых при решении вопроса о возможности снижения на основании пункта 3 статьи 1083 ГК РФ размера денежных сумм, подлежащих взысканию с Р. в порядке регресса в пользу фонда.

Ввиду изложенного Судебная коллегия отменила судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций, а также кассационного суда общей юрисдикции о взыскании с Р. в порядке регресса денежных средств в размере 612 298,22 руб., направив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 47-КГ22-9-К6

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Практика применения законодательства о юридических лицах

18. Право на участие в хозяйственном обществе может перейти к супругу участника при условии согласия остальных участников общества, если необходимость получения такого согласия предусмотрена уставом общества.

Участники хозяйственного общества владели 51% и 49% доли уставного капитала.

После смерти участника, владевшего 51% доли уставного капитала, его супруге, как пережившему супругу, выдано нотариально удостоверенное свидетельство о праве собственности на ½ доли в общем имуществе супругов, состоящую из доли уставного капитала общества; другая ½ доли в праве собственности на указанное имущество вошла в состав наследства.

На основании указанного свидетельства 18 ноября 2021 г. в ЕГРЮЛ внесена запись о супруге выбывшего участника, как об участнике общества, владеющем 25,5% доли уставного капитала.

В дальнейшем в ЕГРЮЛ внесена запись от 30 ноября 2021 г. о принадлежности спорной доли в размере 25,5% в уставном капитале общества третьему лицу, приобретшему право на нее на основании

нотариально удостоверенного договора дарения, заключенного с супругой выбывшего участника.

Общество и участник, владеющий 49% доли уставного капитала, обратились в суд с исковым заявлением к супруге выбывшего участника и третьему лицу о передаче обществу доли в размере 25,5% в уставном капитале.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении требований отказано.

Суды исходили из того, что уставом общества предусмотрена необходимость получения согласия остальных участников только в случае, когда доля в уставном капитале хозяйственного общества переходит к наследникам граждан и к правопреемникам юридических лиц. Согласно уставу получение согласия участников общества на отчуждение доли участником третьим лицам не требуется.

Суды указали на то, что право на спорную долю в уставном капитале хозяйственного общества принадлежало супруге выбывшего участника в силу закона, а не возникло после смерти супруга в порядке наследования. При таких обстоятельствах доля в размере 25,5% процентов зарегистрирована за супругой на законных основаниях, в связи с чем она впоследствии имела право распорядиться спорной долей, подарив ее третьему лицу

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в арбитражный суд первой инстанции, указав следующее.

По смыслу положений Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее − Закон № 14-ФЗ) общество с ограниченной ответственностью является разновидностью товарищества, ключевым признаком которого является значимость лиц, входящих в состав товарищества, то есть тех лиц, кто будет обладать правом на участие в управлении.

Так, в определениях от 21 декабря 2006 г. № 550-О, от 3 июля 2014 г. № 1564-О Конституционный Суд Российской Федерации отмечал, что участники наделены широкой автономией воли при формулировании положений уставов, направленных на сохранение стабильного состава участников общества.

Передача прав и обязанностей, вытекающих из корпоративного участия в делах общества, которыми обладает участник, происходит с учетом особенностей, предусмотренных корпоративным законодательством, которое, в свою очередь, исходит из принципа уважения автономии воли участников, отраженной в уставе общества.

В связи с этим право на участие в хозяйственном обществе может

перейти к пережившему супругу, наследникам участника и (или) иным третьим лицам безусловно либо при условии согласия остальных участников общества, если необходимость получения такого согласия предусмотрена уставом общества (пункты 1 и 2 статьи 12, пункт 8 статьи 21 Закона № 14-ФЗ).

В случае отчуждения либо перехода доли или части доли в уставном капитале общества по иным основаниям к третьим лицам с нарушением порядка получения согласия участников общества или общества, предусмотренного данной статьей, а также в случае нарушения запрета на продажу или отчуждение иным образом доли или части доли согласно абзацу третьему пункта 18 статьи 21 Закона № 14-ФЗ участник или участники общества либо само общество вправе потребовать в судебном порядке передачи обществу указанной доли или части доли.

Следовательно, сам по себе факт приобретения доли в уставном капитале в период брака одним из супругов не означает, что второй супруг обладает правом на участие в управлении делами соответствующего общества (корпоративным правом).

В случае присуждения супругу (бывшему супругу) в порядке раздела совместно нажитого имущества доли в уставном капитале общества или же получения части доли как пережившему супругу, такой супруг имеет возможность войти в состав участников со всеми корпоративными правами путем соответствующего заявления, адресуемого обществу. В случае, если уставом общества предусмотрены прямой запрет на вхождение в состав участников общества таких третьих лиц либо необходимость получения согласия других участников на переход прав на долю или ее часть к такому лицу, которое не получено, у супруга (бывшего супруга) возникает право на получение действительной стоимости доли.

В данном деле участники выразили волю на то, чтобы признание прав участника за иными лицами (пережившая супруга либо наследники) после смерти одного из них согласно уставу происходило только с согласия остальных участников.

Таким образом, выводы судов о том, что для вступления супруге выбывшего участника, как пережившей супруги, в состав участников общества на долю участия в размере 25,5% в силу устава не требовало получения согласия второго участника, являются ошибочным.

Определение № 305-ЭС22-26611

Практика применения норм об исковой давности

19. Направление арендодателем в адрес арендатора, в отношении которого введена процедура банкротства, уведомления, не являющегося требованием к должнику в рамках дела о банкротстве, не прерывает

течение срока исковой давности в отношении текущих платежей.

По результатам аукциона между фондом (арендодателем) и предприятием (арендатором) заключен договор аренды земельных участков для комплексного освоения в целях жилищного строительства сроком на 9 лет. В дальнейшем права и обязанности арендодателя по данному договору перешли к обществу.

В ходе комплексного освоения арендованные земельные участки были разделены на множество участков, на большей части которых возведены объекты недвижимости (многоквартирные дома, объекты инфраструктуры). После завершения строительства объектов недвижимости на части участков стороны дополнительными соглашениями исключили из аренды часть застроенных земельных участков.

В отношении предприятия 15 июня 2015 г. возбуждено дело о банкротстве, 9 июня 2017 г. введена процедура наблюдения, 29 августа 2019 г. суд признал предприятие несостоятельным (банкротом), открыто конкурсное производство.

Общество 18 августа 2017 г. отказалось от исполнения договора аренды, 6 декабря 2017 г. направило в адрес временного управляющего уведомление, указав на необходимость погасить задолженность по текущим платежам за 3-й квартал 2017 года за пользование частью оставшихся у арендатора земельных участков. Предприятие на претензию не ответило.

Общество, ссылаясь на то, что у предприятия имеется долг по оплате пользования земельными участками за период с 3-го квартала 2017 года по 4-й квартал 2021 года, данные платежи являются текущими, 22 апреля 2021 г. обратилось в арбитражный суд с иском к предприятию о взыскании арендной платы по договору аренды земельных участков, начисленной за период с 3-го квартала 2017 года по 4-й квартал 2021 года.

По мнению предприятия, общество пропустило срок исковой давности в отношении требований, заявленных за период до 21 марта 2018 г., поскольку обратилось в арбитражный суд 22 апреля 2021 г. (с учетом соблюдения досудебного порядка урегулирования спора).

Арбитражный суд первой инстанции решением, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, иск удовлетворил, в применении срока исковой давности отказал.

Суды посчитали, что, поскольку в отношении предприятия введена процедура наблюдения, в рамках которой обществом направлено требование об оплате текущих платежей, течение срока исковой давности прервалось и началось заново.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в арбитражный суд первой инстанции, указав следующее.

Общество в данном деле заявило к предприятию, находящемуся в процедуре банкротства, требование о взыскании платы за фактическое пользование переданными ответчику по договору аренды земельными участками и не возвращенными арендодателю по акту после отказа последнего от договора за период, превышающий три года до даты обращения с иском.

Прекращение договора аренды само по себе не влечет прекращения обязательства по внесению арендной платы, поэтому требования о взыскании арендной платы за фактическое пользование имуществом вытекают из договорных отношений, а не из обязательства о неосновательном обогащении.

По смыслу пункта 1 и 2 статьи 5 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее − Закон о банкротстве), пункта 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2004 г. № 29 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее − постановление Пленума ВАС РФ № 29) текущими являются любые требования об оплате товаров, работ и услуг, поставленных, выполненных и оказанных после возбуждения дела о банкротстве, в том числе во исполнение договоров, заключенных до даты принятия заявления о признании должника банкротом.

В обязательствах, предусматривающих внесение должником периодической платы за пользование имуществом (денежные обязательства), текущими считаются требования об оплате за периоды после возбуждения дела о банкротстве (пункт 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. № 63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве»).

В силу статьи 5 Закона о банкротстве и разъяснений, приведенных в пункте 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. № 60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30 декабря 2008 г. № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», кредитор вправе предъявить требование в суд о взыскании текущих платежей только в общеисковом порядке, установленном процессуальным законодательством, вне рамок дела о банкротстве.

Для предъявления таких требований устанавливается общий срок исковой давности (статья 196 ГК РФ), начало и перерыв течения которого определяются по правилам статей 200 и 203 ГК РФ.

Из разъяснения, приведенного в пункте 13 постановления Пленума ВАС РФ № 29, на которое сослались суды, следует, что с момента предъявления кредитором к включению в реестр своего требования в деле о банкротстве исковая давность по такому требованию перестает течь,

поскольку в силу пункта 1 статьи 204 ГК РФ срок исковой давности не течет со дня обращения в суд в установленном порядке за защитой нарушенного права на протяжении всего времени, пока осуществляется судебная защита нарушенного права.

Однако приведенное разъяснение применяется к реестровым требованиям (устанавливаемым в деле о банкротстве), в то время как общество заявило текущее требование о взыскании задолженности в общеисковом порядке.

При таком положении направление арендодателем 6 декабря 2017 г. в адрес временного управляющего предприятия уведомления, которое не является требованием к должнику, заявленным в порядке, установленном Законом о банкротстве, не может считаться основанием для прерывания течения срока исковой давности в отношении текущих платежей за период до 21 марта 2018 г.

Указанное уведомление подтверждает лишь соблюдение истцом досудебного порядка урегулирования спора (пункт 3 статьи 202 ГК РФ, часть 5 статьи 4 АПК РФ), в связи с которым приостанавливается течение срока исковой давности на период, установленный законом или договором, а к заявленным обществом требованиям подлежит применению предусмотренное пунктом 1 статьи 200 ГК РФ общее правило течения срока исковой давности.

Таким образом, суды неправильно применили разъяснения, приведенные в пункте 13 постановления Пленума ВАС РФ № 29, и неправомерно отказали в применении исковой давности в отношении части предъявленной к взысканию суммы долга за период до 21 марта 2018 г. (с учетом досудебного порядка урегулирования спора).

Определение № 305-ЭС22-23174

Практика применения законодательства об энергоснабжении и оказании коммунальных услуг

20. Привлечение собственника имущества к субсидиарной ответственности по обязательствам бюджетного учреждения, вытекающим из публичного договора энергоснабжения, не связывается с нахождением учреждения в процедуре ликвидации.

Между обществом (гарантирующим поставщиком) и учреждением (потребителем) заключен договор электроснабжения от 1 июля 2014 г.

В соответствии с уставом учреждения функции и полномочия собственника имущества учреждения осуществляет министерство.

Поскольку учреждением обязательства по оплате потребленной им

электрической энергии исполнялись ненадлежащим образом, а также в связи с отсутствием у должника имущества, на которое может быть обращено взыскание, общество обратилось в арбитражный суд с иском к министерству о взыскании задолженности по договору электроснабжения в порядке субсидиарной ответственности.

Суд первой инстанции, удовлетворяя иск, руководствовался правовой позицией, выраженной в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 12 мая 2020 г. № 23-П (далее – постановление № 23-П).

Постановлением арбитражного апелляционного суда, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении иска отказано.

Суды исходили из предусмотренного действующим законодательством закрытого перечня оснований, при возникновении которых собственник имущества может быть привлечен к субсидиарной ответственности по обязательствам учреждения, в том числе по обязательствам ликвидируемого учреждения по возмещению причиненного вреда, а также по договорным обязательствам учреждения, возникшим до 1 января 2011 г. Также суды указали, что постановление № 23-П касается возможности привлечения к субсидиарной ответственности собственника имущества (учредителя) ликвидированного учреждения, тогда как сведения о ликвидации учреждения в материалы данного дела не представлены, а возможность взыскания задолженности с действующего юридического лица не утрачена, апелляционный суд отказал в иске о привлечении министерства к субсидиарной ответственности.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления судов апелляционной инстанции и округа, оставила решение суда первой инстанции в силе, указав следующее.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении № 23-П, в качестве общего принципа имущественной ответственности публично-правовых образований в пункте 3 статьи 126 ГК РФ установлено, что Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования не отвечают по обязательствам созданных ими юридических лиц, кроме случаев, предусмотренных законом.

Пункт 3 статьи 123^{21} ГК РФ закрепляет ограниченную ответственность учреждения, которое отвечает по своим обязательствам находящимися в его распоряжении денежными средствами, а в случаях, установленных законом, также иным имуществом; при недостаточности указанных средств или имущества субсидиарную ответственность по обязательствам учреждения в случаях, предусмотренных пунктами 4−6 статьи 123^{22} и пунктом 2 статьи 123^{23} ГК РФ, несет собственник соответствующего имущества.

С учетом специфики отношений энергоснабжения, как правило, ограничивающей одну из сторон вступать в гражданско-правовые отношения

по своему усмотрению в силу публичного характера договора (статья 426 ГК РФ), и в целях защиты интересов потребителей энергоресурса Конституционным Судом Российской Федерации указано на необходимость поддерживать баланс прав и законных интересов всех действующих в данной сфере субъектов, в частности энергоснабжающей организации − кредитора бюджетного учреждения.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации, изложенная в постановлении № 23-П, касается возможности привлечения к субсидиарной ответственности собственника (учредителя) ликвидированного бюджетного учреждения по его обязательствам, вытекающим из публичного договора энергоснабжения.

Однако по смыслу указанной правовой позиции нарушение баланса прав и законных интересов возникает не в связи с ликвидацией учреждения, а в силу обязанности кредитора бюджетного учреждения на основании положений статьи 426 ГК РФ вступить в правоотношения по поставке ресурса с лицом, исполнение которым встречной обязанности по оплате этого ресурса в случае финансовых затруднений не обеспечено эффективным инструментарием защиты прав поставщика, в том числе возможностью взыскания задолженности с собственника имущества учреждения.

Истец является регулируемой организацией в сфере поставки электрической энергии (гарантирующим поставщиком), а следовательно, признается субъектом, на которого законом возложена обязанность по заключению соответствующего договора энергоснабжения. Длительное неисполнение учреждением своих обязательств перед обществом по оплате поставленной электроэнергии, невозможность взыскания задолженности в связи с отсутствием имущества, на которое может быть обращено взыскание, приводят к нарушению прав лица, обязанного поставлять ресурс. Способом, поддерживающим баланс прав и законных интересов сторон договора энергоснабжения, является возложение субсидиарной ответственности на собственника имущества по обязательствам учреждения.

Определение № 309-ЭС22-18499

Практика применения земельного и природоохранного законодательства

21. При возведении и последующей эксплуатации двух и более отдельно стоящих многоквартирных домов, в том числе составляющих единый жилой комплекс, допускается формирование единого земельного участка, что влечет возникновение права собственности всех собственников помещений в этих домах на единый земельный участок.

Общество, являясь собственником земельного участка, осуществило на

нем строительство имущественного комплекса, состоящего из двух многоквартирных домов. Помещения в указанных домах переданы в собственность участников долевого строительства, право собственности которых зарегистрировано в установленном порядке.

Указывая на то, что с момента регистрации права собственности первого лица на помещение в многоквартирном доме, возведенном на указанном земельном участке, возникло право общей долевой собственности собственников помещений на этот участок и прекратилось право собственности общества, оно обратилось в регистрирующий орган с заявлением о государственной регистрации прекращения права собственности на участок.

Регистрирующий орган отказал, посчитав, что строительство двух многоквартирных домов на одном земельном участке противоречит требованиям Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ) и и в данном случае необходимо сформировать земельные участки под каждым из построенных домов.

Общество, считая данный отказ незаконным, нарушающим его права и законные интересы в сфере экономической деятельности, оспорило его в суд.

Арбитражный суд первой инстанции решением, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, отказал в удовлетворении требования общества.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в арбитражный суд первой инстанции, указав следующее.

Положениями части 1 статьи 16 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» (далее – Закон № 189-ФЗ) и части 1 статьи 36 ЖК РФ предусмотрено, что собственникам помещений в многоквартирном доме принадлежит на праве общей долевой собственности земельный участок с элементами озеленения и благоустройства, на котором расположен многоквартирный дом и иные входящие в состав такого дома объекты недвижимого имущества. Границы и размер земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом, определяются в соответствии с требованиями земельного законодательства и законодательства о градостроительной деятельности.

Из приведенных норм, а также разъяснений, изложенных в пунктах 66, 67 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», следует, что с момента государственной регистрации права

собственности первого лица на любое из помещений в многоквартирном доме соответствующий земельный участок поступает в долевую собственность собственников помещений в данном многоквартирном доме, а прежний собственник (застройщик) утрачивает право на распоряжение им.

Государственная регистрация возникновения, перехода, прекращения, ограничения права на жилое или нежилое помещение в многоквартирных домах и обременения такого помещения одновременно является государственной регистрацией возникновения, перехода, прекращения, ограничения неразрывно связанных с ним права общей долевой собственности на общее имущество и обременения такого имущества (часть 1 статьи 42 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее – Закон № 218-ФЗ).

Если земельный участок, принадлежащий застройщику на праве собственности, сформирован (предназначен) для строительства многоквартирного дома, с учетом положений части 5 статьи 16 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 214-ФЗ), части 5 статьи 40 Закона № 218-ФЗ запись о государственной регистрации права собственности застройщика на земельный участок погашается одновременно с государственной регистрацией права собственности на первое помещение в многоквартирном доме и права общей долевой собственности собственников помещений в многоквартирном доме на этот земельный участок как на их общее имущество.

При этом следует учитывать, что положения Земельного кодекса Российской Федерации, Градостроительного кодекса Российской Федерации, Законов № 189-ФЗ и 214-ФЗ не содержат запрета на формирование единого земельного участка в целях возведения и последующего обслуживания, эксплуатации и благоустройства двух и более отдельно стоящих многоквартирных домов, в том числе составляющих единый жилой комплекс, что предполагает возникновение права общей долевой собственности всех собственников помещений в этих домах на единый земельный участок.

В данном случае общество при рассмотрении спора указывало на то, что в соответствии с проектной документацией (получившей положительное заключение экспертов, подтверждающее соблюдение градостроительных, строительных, экологических, санитарно-гигиенических, противопожарных норм и правил) и выданным уполномоченным органом разрешением на строительство на спорном частном участке изначально предусмотрено возведение имущественного комплекса из двух корпусов – четырехэтажных многоквартирных домов с общей территорией и элементами

благоустройства. Между тем данным доводам, имеющим существенное значение для правильного разрешения спора, суды оценки не дали.

Определение № 307-ЭС22-19570

22. Платежи по искам о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, имеют целевое назначение, следовательно, в удовлетворении заявленного к органу публичной власти требования о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, не может быть отказано исключительно на основании статьи 413 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с совпадением в одном лице причинителя вреда и получателя компенсации за этот вред.

В ходе проведения помощником прокурора при участии Управления Федеральной службы по надзору в сфере природопользования (далее − управление) проверки исполнения требований законодательства о безопасности обращения с отходами I и II классов опасности установлено, что на двух участках площадью 802,5 кв. м и 46,8 кв. м осуществляется несанкционированное размещение твердых коммунальных отходов (ТКО), доступ к указанным местам не ограничен. По результатам лабораторных исследований было установлено негативное изменение состояния почвы в местах несанкционированного размещения отходов, что привело к причинению вреда почве как объекту охраны окружающей среды.

Земельные участки, где осуществляется складирование отходов в самостоятельные участки, не выделены и относятся к землям, государственная собственность на которые не разграничена.

Управление обратилось в арбитражный суд с заявлением к администрации муниципального образования (далее – администрация) о взыскании вреда, причиненного окружающей среде.

Арбитражный суд первой инстанции решением, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, в иске отказал.

Разрешая спор, суды трех инстанций исходили из того, что администрация как лицо, распоряжающееся землями, государственная собственность на которые не разграничена, является надлежащим ответчиком по иску о возмещении вреда и что взыскание денежных средств должно производиться с муниципального образования, от имени которого выступает администрация.

Сославшись на положения статьи 413 ГК РФ, суды указали, что в рассматриваемом случае при взыскании денежных средств за вред, причиненный почвам муниципального образования, взысканная сумма подлежит последующему зачислению в бюджет муниципального образования, таким образом, происходит совпадение в одном лице

причинителя вреда и получателя компенсации за этот вред, а, значит, такое взыскание недопустимо.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в арбитражный суд первой инстанции, указав следующее.

Согласно пункту 1 статьи 77 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее − Закон об охране окружающей среды) юридические и физические лица, причинившие вред окружающей среде в результате ее загрязнения, истощения, порчи, уничтожения, нерационального использования природных ресурсов, деградации и разрушения естественных экологических систем, природных комплексов и природных ландшафтов и иного нарушения законодательства в области охраны окружающей среды, обязаны возместить его в полном объеме в соответствии с законодательством.

Использование средств от платежей по искам о возмещении вреда, причиненного окружающей среде вследствие нарушений обязательных требований, регламентировано статьей 78^2 Закона об охране окружающей среды (введена Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 446-ФЗ).

Указанной нормой предусмотрено, что зачисленные в бюджеты субъектов Российской Федерации и местные бюджеты средства от платежей по искам о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, направляются на выявление и оценку объектов накопленного вреда окружающей среде и (или) организацию работ по ликвидации накопленного вреда окружающей среде в случае наличия на территории субъекта Российской Федерации (муниципального образования) объектов накопленного вреда окружающей среде, а в случае их отсутствия − на иные мероприятия по предотвращению и (или) снижению негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, сохранению и восстановлению природной среды, рациональному использованию и воспроизводству природных ресурсов, обеспечению экологической безопасности (пункт 1). Данные средства носят целевой характер и не могут быть использованы на иные цели (пункт 5).

По смыслу приведенных выше норм платежи по искам о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, имеют целевое назначение, поскольку их взыскание обязывает субъект Российской Федерации или муниципальное образование провести за счет взысканных средств работы по выявлению и оценке объектов накопленного вреда окружающей среде, ликвидации накопленного вреда, иные мероприятия в области защиты окружающей среды.

Таким образом, вывод судов об отказе в иске в связи с совпадением в одном лице причинителя вреда и получателя компенсации за этот вред является неверным, противоречащим приведенным выше нормам права,

статья 413 ГК РФ не подлежит применению к спорным правоотношениям.

Определение № 308-ЭС22-27164

23. При рассмотрении иска о возмещении вреда, причиненного почвам в результате сброса сточных вод, следует установить круг лиц, в связи с хозяйственной и иной деятельностью которых произошло загрязнение.

Управление Федеральной службы по надзору в сфере природопользования (далее – управление), выявив факт сброса сточных вод на земельный участок, а также произведя отбор проб почвы, показавший превышение предельно допустимых концентраций по ряду показателей, обратилось в арбитражный суд с заявлением к администрации муниципального образования о взыскании ущерба, причиненного окружающей среде.

Указанный земельный участок относится к землям, государственная собственность на которые не разграничена; кадастровый номер, категория земель и вид разрешенного использования не установлены.

Арбитражный суд первой инстанции решением, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, в иске отказал.

Разрешая спор, суды исходили из того, что администрация, как лицо, распоряжающееся землями, государственная собственность на которые не разграничена, является надлежащим ответчиком по иску о возмещении вреда. Однако, учитывая, что взыскание денежных средств должно производиться за счет казны указанного муниципального образования, от имени которой выступает администрация, суды пришли к выводу об отказе в удовлетворении заявленных управлением требований.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в арбитражный суд первой инстанции, указав следующее.

По смыслу статей 3, 77, 78^2 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее − Закон об охране окружающей среды) правовое регулирование отношений, возникающих из причинения вреда окружающей среде, осуществляется на основе гражданско-правового института внедоговорных (деликтных) обязательств. Гражданская ответственность за экологический вред носит имущественный (компенсационный) характер и призвана обеспечить в хозяйственном обороте реализацию принципа «загрязнитель платит», создать экономические стимулы к недопущению причинения экологического ущерба при ведении своей деятельности хозяйствующими субъектами.

Исходя из положений пункта 1 статьи 1064 ГК РФ, пункта 1 статьи 77 Закона об охране окружающей среды обязанность по возмещению вреда возлагается на лиц, в результате хозяйственной деятельности которых произошло соответствующее загрязнение.

Лицо, которое обращается с требованием о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, представляет доказательства, обосновывающие с разумной степенью достоверности причинно-следственную связь между действиями (бездействием) ответчика и причиненным вредом (пункт 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде»).

В случае установления совместного причинения вреда несколькими лицами, поведение которых носило согласованный, скоординированный характер и было направлено на реализацию общего для всех действующих лиц намерения, обязанность по возмещению вреда возлагается на таких лиц солидарно (абзац первый статьи 1080 ГК РФ, пункт 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде»).

Следовательно, ответственное за возмещение вреда лицо не может определяться истцом произвольно. При обращении в суд с иском о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, заинтересованное лицо должно установить круг хозяйствующих субъектов и иных лиц, осуществляющих эксплуатацию производственных объектов и (или) выступающих источником образования загрязняющих веществ, попадающих в почвы на соответствующем земельном участке.

При отсутствии оснований для вывода о совместном причинении вреда публично-правовое образование не должно отвечать за вред, причиненный хозяйственной деятельностью иных лиц, только в силу принадлежности ему на праве собственности загрязненного земельного участка.

В целях выявления лица, осуществляющего сброс сточных вод на земельный участок, управление обращалось к главе муниципального образования с запросом о предоставлении соответствующей информации, в ответ на который указано на отсутствие сведений о лицах, осуществляющих сброс сточных вод на спорный земельный участок.

Вместе с тем администрация довела до сведения управления информацию о том, что в рамках работы межведомственной комиссии по предотвращению загрязнения реки выявлено 201 незаконное подключение к ливневой канализации, а в ходе проведения рейдовых мероприятий неоднократно выявлялись факты попадания стоков из хозяйственно-бытовой канализации в магистральные коллекторы ливневой

канализации.

Таким образом, для определения надлежащего ответчика по делу требовалось выяснение источников образования загрязняющих веществ, попадание которых привело к причинению вреда почвам. Однако со стороны управления в материалы дела не представлены доказательства, позволяющие определить, кто является правообладателем спорных сетей коммунального хозяйства и кем данные сети эксплуатируются, какие организации осуществляют сброс сточных вод с использованием данных сетей.

Следовательно, вывод судов о том, что ответственность за причинение вреда почвам несет администрация, как лицо, осуществляющее распоряжение земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена, является необоснованным.

Возмещение вреда с собственника земельного участка без установления реального причинителя вреда может привести к продолжению осуществления противоправных действий виновными лицами и их безнаказанности, что противоречит требованиям статей 3, 77 Закона об охране окружающей среды.

Определение № 308-ЭС22-20037

Практика применения законодательства о налогах и сборах

24. Налогоплательщики − коммерческие организации после 1 января 2020 г. не вправе применять пониженную ставку налога 0,3 процента от кадастровой стоимости земельных участков, приобретенных (предоставленных) для возведения объектов индивидуального жилищного строительства.

Общество владело на праве собственности земельными участками, часть из которых имели вид разрешенного использования «для индивидуального жилищного строительства». Один из земельных участков был размежеван на 291 земельный участок, часть вновь образованных участков реализована в пользу физических лиц по договорам купли-продажи.

Общество уплатило земельный налог за 2020 год в отношении принадлежащих ему земельных участков с применением ставки 0,3 процента от кадастровой стоимости земельных участков, предусмотренной абзацем третьим подпункта 1 пункта 1 статьи 394 НК РФ для земельных участков, занятых жилищным фондом или приобретенных (предоставленных) для жилищного строительства.

Налоговый орган подтвердил обоснованность исчисления данного налога в заявленном размере. Впоследствии налоговый орган произвел

перерасчет земельного налога с применением ставки 1,5 процента, предусмотренной подпунктом 1 пункта 1 статьи 394 НК РФ.

Не согласившись с перерасчетом земельного налога, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения и требования налогового органа незаконными.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, требование общества частично удовлетворено: признано незаконным требование о взыскании пеней, в остальной части в удовлетворении заявления отказано.

Постановлением суда кассационной инстанции указанные судебные акты отменены в части отказа в удовлетворении заявленных требований, в данной части заявление удовлетворено.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление кассационного суда и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции на основании следующего.

В абзаце третьем подпункта 1 пункта 1 статьи 394 НК РФ указано, что налоговые ставки по земельному налогу устанавливаются нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований и не могут превышать 0,3 процента в отношении земельных участков, в частности, занятых жилищным фондом или приобретенных (предоставленных) для жилищного строительства.

Однако подпунктом «а» пункта 75 статьи 2 Федерального закона от 29 сентября 2019 г. № 325-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» (далее – Закон № 325-ФЗ) из сферы действия абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 394 НК РФ с 1 января 2020 г. исключены земельные участки, приобретенные (предоставленные) для индивидуального жилищного строительства, используемые в предпринимательской деятельности.

Таким образом, начиная с 2020 года коммерческие организации исключены из числа субъектов, которые вправе применять пониженную ставку налога в отношении земельных участков, приобретенных (предоставленных) для индивидуального жилищного строительства, даже в случаях, когда они осуществляют возведение объектов индивидуального жилищного строительства на принадлежащих им участках для реализации впоследствии построенных объектов гражданам.

Следовательно, налогоплательщики – коммерческие организации, тем более не вправе применять пониженную ставку налога в случаях, когда они вовсе не имеют намерения приступать к индивидуальному жилому строительству, но используют соответствующие земельные участки в своей предпринимательской деятельности как активы, рассчитывая на получение

прибыли от их реализации либо на использование земельных участков в качестве объектов залога (ипотеки) и т.п.

С учетом изложенного начиная с 2020 года сам факт принадлежности коммерческой организации земельного участка, приобретенного (предоставленного) для индивидуального жилищного строительства, исключает возможность применения ставки, предусмотренной абзацем третьим подпункта 1 пункта 1 статьи 394 НК РФ, а произведенный налоговым органом перерасчет налога по ставке 1,5 процента является правомерным.

Определение № 305-ЭС22-27530

Практика применения законодательства о страховании

25. Несостоятельность (банкротство) страховой организации, с которой у арбитражного управляющего заключен дополнительный договор обязательного страхования ответственности арбитражного управляющего, является основанием для признания страховой суммы, подлежащей выплате по такому договору, недостаточной. В этом случае выплата страхового возмещения производится по основному договору обязательного страхования ответственности арбитражного управляющего.

Общество обратилось в арбитражный суд с требованием к страховой организации о взыскании страхового возмещения по договорам обязательного страхования ответственности арбитражного управляющего.

Требование мотивировано тем, что в рамках процедуры банкротства общества с арбитражного управляющего, ответственность которого была застрахована страховой организацией, были взысканы убытки, причиненные необоснованными расходами в конкурсном производстве.

Общество обратилось к страховой организации с претензией о выплате страхового возмещения, в удовлетворении которой было отказано в связи с тем, что ответственность арбитражного управляющего дополнительно застрахована в иной страховой организации в порядке пункта 2 статьи 24^1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее − Закон № 127-ФЗ) и требование о страховой выплате в первую очередь должно быть предъявлено к страховщику по дополнительному договору обязательного страхования ответственности арбитражного управляющего.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении требований общества отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, обратив внимание на следующее.

Страховым случаем по договору обязательного страхования ответственности арбитражного управляющего согласно пункту 5 статьи 24^1 Закона № 127-ФЗ является подтвержденное вступившим в законную силу решением суда наступление ответственности арбитражного управляющего перед участвующими в деле о банкротстве лицами или иными лицами в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением арбитражным управляющим возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 6 этой же статьи.

Положения статьи 24^1 Закона № 127-ФЗ не содержат различий между страховыми случаями для основного и дополнительного договора обязательного страхования ответственности арбитражного управляющего, следовательно, обязанность осуществления страховой выплаты у страховщиков по основному и дополнительному договорам наступает одновременно по одному и тому же страховому случаю.

По смыслу Закона № 127-ФЗ и основной, и дополнительный договор обязательного страхования ответственности арбитражного управляющего направлены на обеспечение в пределах соответствующих страховых сумм возмещения убытков, причиненных лицам, участвующим в деле о банкротстве, и иным лицам в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением возложенных на арбитражного управляющего обязанностей в деле о банкротстве. При этом дополнительный договор обязательного страхования ответственности арбитражного управляющего заключается применительно к процедуре банкротства конкретного должника исходя из балансовой стоимости его активов.

Любой выгодоприобретатель должен иметь фактическую, а не предполагаемую возможность приоритетного получения страхового возмещения по дополнительному договору обязательного страхования, то есть такой договор должен обеспечить реальное возмещение убытков, причиненных виновным арбитражным управляющим, при этом – в разумные сроки.

Исходя из положений пункта 4 статьи 931 ГК РФ, пункта 2 статьи 24^1 Закона № 127-ФЗ, суды должны были учитывать, что приоритет выплаты страхового возмещения по дополнительному договору обязательного страхования ответственности арбитражного управляющего не может являться бессрочным и приводить к нивелированию страховой защиты, предоставляемой по основному договору обязательного страхования.

Целью обязательного страхования ответственности арбитражного управляющего согласно статье 24^1 Закона № 127-ФЗ является создание

эффективных финансовых гарантий защиты прав участвующих в деле о банкротстве лиц и иных лиц в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением возложенных на арбитражного управляющего обязанностей в деле о банкротстве. Такое страхование направлено в том числе на минимизацию рисков названных лиц в случае возникновения убытков, причиненных арбитражным управляющим при введении процедур банкротства.

Суды установили, что общество и арбитражный управляющий заявляли об отсутствии реальной возможности получить страховое возмещение по дополнительному договору обязательного страхования ответственности арбитражного управляющего, поскольку страховая организация, с которой заключен указанный договор, находится в процедуре банкротства, и реестр требований кредиторов к нему закрыт.

Признание страховой организации, с которой дополнительно заключен договор обязательного страхования ответственности арбитражного управляющего, несостоятельной (банкротом) снижает эффективность страховой защиты и создает риск неполучения страхового возмещения в объеме, причитающемся выгодоприобретателю (в данном деле – самому должнику-банкроту).

Возложение на такое лицо безусловной обязанности по реализации прав кредитора в обычном порядке путем включения в реестр требований кредиторов и ожидания результатов процедуры банкротства страховой организации, которая по факту может продолжаться более длительный отрезок времени, чем процедура банкротства общества, не согласуется с целями и задачами законодательного регулирования обязательного страхования ответственности арбитражного управляющего.

С учетом конкретных обстоятельств несостоятельность (банкротство) страховой организации может являться основанием для вывода о признании наступившим условия о недостаточности выплаты по дополнительному договору обязательного страхования.

Определение № 305-ЭС22-24128

Процессуальные вопросы

26. Спор по заявлению участника юридического лица, указанного в части 1 статьи 225[1] АПК РФ, об оспаривании сделок, совершенных этим юридическим лицом, если оно подано в защиту корпоративных интересов данного хозяйствующего субъекта, является корпоративным и в силу пункта 2 части 6 статьи 27 АПК РФ относится к ведению арбитражных судов вне зависимости от того, является ли ответчик гражданином − физическим лицом или обладает статусом

индивидуального предпринимателя.

Два участника общества обратились в арбитражный суд с исковым заявлением к обществу, индивидуальному предпринимателю и физическому лицу о признании договоров купли-продажи сооружений связи недействительными.

Определением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного апелляционного суда, дело передано в суд общей юрисдикции. Суды исходили из того, что субъектный состав спора, ответчиком в котором является гражданин, не имеющий статуса индивидуального предпринимателя, не позволяет отнести дело к компетенции арбитражных судов.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные акты и направила дело в арбитражный суд первой инстанции для рассмотрения по существу, указав следующее.

В соответствии с частью 1 статьи 27 АПК РФ арбитражный суд рассматривает дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности.

К таким делам, в частности, относятся дела по корпоративным спорам, перечисленным в части 1 статьи 225^1 АПК РФ.

На основании пункта 2 части 6 статьи 27 АПК РФ арбитражные суды рассматривают дела по корпоративным спорам, указанным в части 1 статьи 225^1 АПК РФ, независимо от того, являются ли участниками правоотношений, из которых возникли спор или требование, юридические лица, индивидуальные предприниматели или иные организации и граждане.

На это обратил внимание Пленум Верховного Суда Российской Федерации, который в абзаце третьем пункта 4 постановления от 23 декабря 2021 г. № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» дал соответствующее разъяснение применительно к требованиям, сформулированным в части 1 статьи 225^1 АПК РФ.

Пунктом 3 части 1 статьи 225^1 АПК РФ к корпоративным спорам, подсудным арбитражным судам, отнесены споры по искам учредителей, участников, членов юридических лиц, перечисленных в данной норме, о возмещении убытков, причиненных этим юридическим лицам, признании недействительными совершенных ими сделок, и (или) применении последствий недействительности таких сделок.

В рассматриваемом случае истцы являются участниками общества и в рамках данного спора предъявляют требования о признании недействительными сделок, совершенных юридическим лицом, и применении последствий их недействительности в защиту корпоративных интересов хозяйствующего субъекта. Вследствие этого настоящий спор носит корпоративный характер, вне зависимости от того, является ответчик

гражданином - физическим лицом, или обладает статусом индивидуального предпринимателя.

То обстоятельство, что общество указано в качестве ответчика по данному спору, тогда как в силу разъяснений, содержащихся в пункте 32 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», оно выступает истцом, представителями которого являются участники корпорации, не изменяет квалификации настоящего спора, как корпоративного, поскольку не препятствует удовлетворению требований к надлежащим ответчикам - покупателям (физическим лицам).

Не оказывает влияния на квалификацию правоотношений и оспаривание договоров между первым и вторым покупателем, поскольку спорные соглашения образуют единую сделку по отчуждению основных средств общества, вследствие чего применение последствий их недействительности и восстановление прав юридического лица без оспаривания единой взаимосвязанной сделки невозможны.

Отчужденные у общества сооружения связи не предназначены для использования в личных, семейных, домашних и иных целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, что также указывает на экономический характер спора.

Исковое заявление или заявление по спорам, указанным в части 1 статьи 225^1 АПК РФ, включая иски участников об оспаривании сделок, совершенных указанными в данной норме юридическими лицами, подается в арбитражный суд по месту нахождения соответствующего юридического лица (часть 4^1 статьи 38 АПК РФ).

Принимая во внимание изложенное, данный спор относится к компетенции арбитражных судов.

Определение № 305-ЭС22-27851

27. Контролирующее должника лицо, в отношении которого предъявлено требование о привлечении к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве, вправе обжаловать решение суда, явившееся основанием для включения требований кредиторов в реестр требований кредиторов, в апелляционном, кассационном порядке применительно к статье 42 АПК РФ.

Решением налогового органа общество привлечено к налоговой ответственности, ему доначислены соответствующие суммы налогов и налоговых санкций. Общество оспорило указанное решение в судебном порядке, в результате чего его требования были частично удовлетворены.

Впоследствии решением арбитражного суда общество признано несостоятельным (банкротом) и в отношении его открыто конкурсное производство. В третью очередь реестра требований кредиторов общества включены требования налогового органа.

В рамках дела о банкротстве определением арбитражного суда принято к производству заявление налогового органа о привлечении к субсидиарной ответственности по обязательствам должника контролирующих его лиц, в том числе генерального директора общества.

Ссылаясь на пункт 24 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» (далее – постановление № 35) и статью 42 АПК РФ, генеральный директор общества обратился с апелляционной жалобой на решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции, принятые по налоговому спору.

Определением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением суда кассационной инстанции, производство по апелляционной жалобе прекращено на основании пункта 1 части 1 статьи 150 АПК РФ.

Суды указали, что между обществом и налоговым органом был рассмотрен спор по вопросу правомерности принятого налоговым органом решения. В отношении генерального директора общества решение налогового органа никаких выводов о доначислениях налоговых платежей и предложений их уплаты не содержит. Поскольку налоговый спор рассмотрен вне рамок дела о банкротстве общества и генеральный директор общества не является кредитором общества, суды признали несостоятельной ссылку генерального директора общества на пункт 24 постановления № 35.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в апелляционный суд, указав на следующее.

Государственная защита прав и свобод человека и гражданина, включая судебную защиту (статьи 45 и 46 Конституции Российской Федерации), предполагает не только право лица обратиться в суд, иной юрисдикционный орган, но и возможность эффективно пользоваться теми полномочиями участника (стороны) разбирательства, которые дает ему процессуальное законодательство.

Для процедуры банкротства характерна ситуация, когда негативные последствия при недостатке у должника средств для покрытия долгов несут контролировавшие должника лица, привлеченные к субсидиарной ответственности.

При этом даже в случае, если в итоге расчеты с кредиторами осуществляются за счет сохранившегося имущества должника, до их

завершения объем включенных в реестр требований также влияет на правовое положение субсидиарного должника, во многом определяя состав и объем принятых обеспечительных мер и тем самым ограничивая его имущественные права.

Таким образом, наличие нормативного регулирования, позволяющего привлечь контролировавших должника лиц к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве, свидетельствует о необходимости обеспечения этих лиц и надлежащими средствами судебной защиты, включая возможность обжаловать судебное решение, принятое в рамках того же дела о банкротстве по результатам рассмотрения заявления кредитора о включении его требований в реестр требований кредиторов, в части определения размера данных требований за период, когда субсидиарный ответчик являлся контролирующим лицом по отношению к должнику (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2021 г. № 49-П).

Следовательно, контролирующему лицу, в отношении которого в рамках дела о банкротстве рассматривается вопрос о его привлечении к субсидиарной ответственности, должно быть обеспечено право на судебную защиту посредством рассмотрения судом его возражений относительно обоснованности требования кредитора, в том числе требования налогового органа, основанного на результатах проведенных в отношении должника мероприятиях налогового контроля.

При этом, если вопрос о законности решения налогового органа разрешается вне рамок дела о банкротстве, в частности при рассмотрении дела в порядке главы 24 АПК РФ, контролирующему лицу, в отношении которого в установленном порядке предъявлено требование о привлечении к субсидиарной ответственности, право на судебную защиту должно быть предоставлено в аналогичном объеме: такое лицо вправе вступить в дело в качестве третьего лица согласно статье 51 АПК РФ, а в случае, когда по делу уже вынесен судебный акт, которым спор разрешен по существу, − вправе обжаловать решение суда в апелляционном, кассационном порядке применительно к статье 42 АПК РФ.

Поскольку в данном случае рассматривался вопрос о законности решения налогового органа, согласно которому общество привлечено к налоговой ответственности за период, когда заявитель являлся генеральным директором общества, контролирующим его финансово-хозяйственную деятельность, то в случае привлечения генерального директора к субсидиарной ответственности как контролирующего должника лицо потенциальный размер его ответственности перед кредиторами будет определяться в том числе оспариваемым решением налогового органа.

Следовательно, решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции, вынесенные по налоговому спору, напрямую

влияют на размер субсидиарной ответственности генерального директора в деле о банкротстве общества, которое он возглавлял в спорный период.

С учетом положений части 1 статьи 16 АПК РФ выводы арбитражного суда, изложенные в решении по делу о налоговом споре о законности решения налогового органа в части требований, включенных в реестр требований кредиторов, являются обязательными для суда, рассматривающего заявление о включении требований уполномоченного органа в реестр требований кредиторов, и суда, рассматривающего дело о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц.

В то же время в соответствии с частью 3 статьи 16 АПК РФ обязательность судебных актов не лишает лиц, не участвовавших в деле, возможности обратиться в арбитражный суд за защитой нарушенных этими актами их прав и законных интересов путем обжалования указанных актов.

Кроме того, участие контролирующего должника лица в деле об оспаривании решения налогового органа в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, не лишает его права и на обжалование принятых по делу судебных актов.

Однако отсутствие такого права у контролирующего должника лица, лишенного возможности участия в таком деле, в том числе и по независящим от него обстоятельствам (например, в связи с тем, что уполномоченный орган обратился в арбитражный суд в рамках дела о банкротстве с заявлением о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности после рассмотрения дела об оспаривании решения налогового органа, как это имело место в приведенном деле), напротив, может привести к нарушению принципа равенства.

Определение № 310-ЭС19-28370

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

28. При проверке законности уведомления, выданного уполномоченным органом в порядке, предусмотренном статьей 51[1] ГрК РФ, суду следует учитывать, что законность оспариваемых решений, действий (бездействия) нельзя рассматривать лишь как формальное соответствие требованиям правовых норм. В этой связи необходимо проверять, исполнена ли органом или лицом, наделенным публичными полномочиями, при принятии оспариваемого решения, совершении действия (бездействии) обязанность по полной и

всесторонней оценке фактических обстоятельств конкретного дела, в том числе связанных с установлением в судебном порядке частного сервитута в отношении земельного участка.

С., являясь собственником земельного участка из земель населенных пунктов с видом разрешенного использования «для ведения личного подсобного хозяйства», а также находящегося на указанном земельном участке жилого дома, обратился в орган местного самоуправления с уведомлением о планируемой реконструкции названного индивидуального жилого дома в существующих габаритах, приложив согласие смежного землепользователя П. на такую реконструкцию.

Уведомлением органа местного самоуправления С. со ссылкой на правила землепользования и застройки муниципального образования сообщено о несоответствии параметров, указанных в уведомлении, предельным параметрам разрешенного строительства, реконструкции объекта капитального строительства; указано на несоблюдение минимального трехметрового отступа от границы земельного участка до реконструируемого индивидуального жилого дома.

С. обратился в суд с административным исковым заявлением о признании незаконным указанного уведомления органа местного самоуправления.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении административного искового заявления отказано.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении административного искового заявления, суды исходили из того, что возведенный в 1969 г. жилой дом, принадлежащий административному истцу, в нарушение требований градостроительного законодательства расположен без отступа от границы земельного участка, то есть по его границе, в связи с чем правовых оснований для признания незаконным оспариваемого уведомления не имеется.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и приняла новое решение об удовлетворении административного искового заявления по следующим основаниям.

Пунктом 1 части 10 статьи 51^1 ГрК РФ предусмотрено, что уведомление о несоответствии указанных в уведомлении о планируемом строительстве параметров объекта индивидуального жилищного строительства или садового дома установленным параметрам и (или) недопустимости размещения объекта индивидуального жилищного строительства или садового дома на земельном участке направляется застройщику только в случае, если указанные в уведомлении о планируемом

строительстве параметры объекта индивидуального жилищного строительства или садового дома не соответствуют предельным параметрам разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства, установленным правилами землепользования и застройки, документацией по планировке территории, или обязательным требованиям к параметрам объектов капитального строительства, установленным данным кодексом, другими федеральными законами и действующим на дату поступления уведомления о планируемом строительстве.

Судом установлено, что Правилами землепользования и застройки муниципального образования предусмотрен минимальный отступ от границ земельного участка до жилого дома не менее 3 м.

Границы земельного участка установлены вступившим в законную силу определением суда общей юрисдикции от 23 января 2015 г. об утверждении мирового соглашения, заключенного в рамках гражданского дела о согласовании местоположения границ земельного участка, с учетом местонахождения и размещения на участке объекта недвижимости – жилого дома относительно границ смежного участка. В названном определении суда также указано на установление бессрочного бесплатного частного сервитута в отношении смежного земельного участка по смежной границе с земельным участком С. для прохода и обслуживания его домовладения.

Реконструкция жилого дома, принадлежащего С., была согласована с собственником смежного земельного участка, при этом С. взял на себя обязательство выполнить работы по устройству снегозадержателей и дождевых водостоков с крыши на всем протяжении вдоль границы смежного земельного участка с установлением стока в сторону улицы.

Возможность реконструкции индивидуального жилого дома административного истца с иными параметрами минимального отступа от границ земельного участка до жилого дома отсутствует.

Согласно разъяснениям, содержащимся в пункте 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации», осуществляя проверку решений, действий (бездействия), судам необходимо исходить из того, что при реализации государственных или иных публичных полномочий наделенные ими органы и лица связаны законом, при этом следует иметь в виду, что законность оспариваемых решений, действий (бездействия) нельзя рассматривать лишь как формальное соответствие требованиям правовых норм. В связи с этим необходимо проверять, исполнена ли органом или лицом, наделенным публичными полномочиями, при принятии оспариваемого решения, совершении действия (бездействии) обязанность по полной и всесторонней оценке фактических обстоятельств,

поддержанию доверия граждан и их объединений к закону и действиям государства, учету требований соразмерности (пропорциональности) (пункт 1 части 9 статьи 226 КАС РФ, часть 4 статьи 200 АПК РФ).

В данном случае орган местного самоуправления не провел полную и всестороннюю оценку фактических обстоятельств с учетом утвержденного определением суда общей юрисдикции мирового соглашения, в связи с чем оспариваемый правовой акт, по существу, носит произвольный характер.

Судебные инстанции, рассматривая данное дело, ограничились лишь проверкой формального соответствия оспариваемого уведомления требованиям правовых норм, не учли все фактические обстоятельства данного административного дела, в связи с чем Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и приняла новое решение об удовлетворении административного искового заявления, возложив на орган местного самоуправления обязанность повторно рассмотреть уведомление о планируемой реконструкции индивидуального жилого дома.

Определение № 86-КАД22-4-К2

29. При проверке законности ответа уполномоченного органа, данного на обращение гражданина, суды не вправе руководствоваться лишь формальными соображениями, уклоняясь от исследования и установления фактических обстоятельств, имеющих существенное значение для правильного рассмотрения и разрешения административного дела.

Управляющая организация выдала муниципальному унитарному предприятию по его запросу для предоставления по месту требования справки, содержащие сведения о том, что О. проживает в жилом помещении по определенному адресу.

О., полагая, что указанные справки содержат заведомо ложную информацию и разглашают ее персональные данные без ее согласия, обратилась в Государственную жилищную инспекцию субъекта Российской Федерации с заявлением о проведении проверки, привлечении виновных лиц к ответственности. Данное обращение было перенаправлено для дачи ответа в Управление Роскомнадзора по субъекту Российской Федерации.

По результатам рассмотрения названного обращения О. сообщено, что оценка деятельности оператора, выполняющего обработку данных на предмет соответствия требованиям законодательства Российской Федерации в области персональных данных осуществляется при проведении контрольно-надзорных мероприятий в отношении указанного оператора. Обстоятельства, изложенные в обращении, не подпадают под основания,

установленные Правилами организации и осуществления государственного контроля и надзора за обработкой персональных данных, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 146. В части вопроса, касающегося выдачи справок, содержащих заведомо ложную информацию, и разглашения персональных данных, заявителю сообщено, что, по информации, предоставленной управляющей организацией, О. как собственник помещения, расположенного в многоквартирном дома, была обязана информировать управляющую организацию об увеличении или уменьшении количества лиц, проживающих (в том числе временно) в занимаемом жилом помещении, не позднее 5 рабочих дней со дня произошедших изменений. Справки были предоставлены в муниципальное унитарное предприятие по его запросу о предоставлении информации в объеме: фамилия, имя, отчество и количество проживающих в жилом помещении лиц. Указано, что ранее административный истец являлась собственником жилого помещения, в отношении которого выданы справки, в связи с чем управляющая организация обрабатывала ее персональные данные в соответствии с законом.

Не согласившись с таким ответом, О. обратилась в суд с административным исковым заявлением.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении административного искового заявления отказано.

При этом суды исходили из того, что обращение О. рассмотрено в Управлении Роскомнадзора по субъекту Российской Федерации в пределах предоставленных полномочий, административному истцу дан письменный и мотивированный ответ, который не нарушает ее права, свободы и законные интересы.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила административное дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации установлено, что суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, оказывает сторонам содействие в реализации их прав, создает условия и принимает предусмотренные названным кодексом меры для всестороннего и полного установления всех фактических обстоятельств по административному делу, в том числе для выявления и истребования по собственной инициативе доказательств, а также для правильного применения законов и иных нормативных правовых актов при рассмотрении и разрешении административного дела (часть 2 статьи 14).

Применительно к рассмотрению дел об оспаривании решений (действий, бездействия) органов государственной власти процессуальный закон установил обязанность суда выяснять, соблюдены ли требования нормативных правовых актов, устанавливающих порядок его принятия и основания для принятия оспариваемого решения; соответствует ли содержание оспариваемого решения нормативным правовым актам, регулирующим спорные отношения (подпункты «б», «в» пункта 3 и пункт 4 части 9 статьи 226 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации).

При этом судам следует учитывать, что законность оспариваемых решений, действий (бездействия) нельзя рассматривать лишь как формальное соответствие требованиям правовых норм. В противном случае искажаются задачи и смысл административного судопроизводства, установленные статьей 3 названного кодекса.

Согласно пункту 5 части 1 статьи 6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (в редакции, действовавшей на дату принятия оспариваемого решения) обработка персональных данных допускается, в частности, в случае, если она необходима для исполнения договора, стороной которого либо выгодоприобретателем или поручителем по которому является субъект персональных данных, а также для заключения договора по инициативе субъекта персональных данных или договора, по которому субъект персональных данных будет являться выгодоприобретателем или поручителем.

Разрешая поставленный в обращении вопрос о наличии заведомо ложной информации и разглашении персональных данных О., административный ответчик в оспариваемом ответе сослался на имеющиеся сведения об О. как собственнике жилого помещения в многоквартирном доме, что в силу пункта 5 части 1 статьи 6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» не требует согласия потребителя на передачу его персональных данных.

Вместе с тем суду при оценке законности оспариваемого решения административного ответчика следовало проверить сведения об О. как собственнике жилого помещения в многоквартирном доме на предмет их соответствия действительности, не ограничиваясь проверкой полномочий государственного органа и установлением факта направления мотивированного ответа.

Из представленного в материалы административного дела договора купли-продажи жилого помещения не следовало, что О. является (являлась) собственником этого жилого помещения. Иные имеющиеся в деле документы данное обстоятельство также не подтверждали.

Таким образом, судами при рассмотрении административного дела допущен формальный подход, в нарушение требований части 3 статьи 62

Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации не были определены обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения административного дела, в соответствии с нормами материального права, подлежащими применению к спорным публичным правоотношениям, исходя из требований и возражений лиц, участвующих в деле.

В связи с этим Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о том, что обжалуемые судебные акты нельзя признать законными.

Определение № 20-КАД22-2-К5

30. Обязанность по уплате налогов и сборов физического лица, признанного судом недееспособным, исполняется его опекуном за счет денежных средств этого недееспособного лица. Однако уплата пеней, начисленных после признания налогоплательщика недееспособным, за счет имущества такого лица налоговым законодательством не предусмотрена.

Налоговым органом в отношении индивидуального предпринимателя Ф. проведена выездная налоговая проверка по вопросам правильности исчисления и своевременности уплаты налогов и сборов за период с 1 января 2016 г. по 31 декабря 2017 г., по итогам которой составлен акт. Решением налогового органа отказано в привлечении Ф. к ответственности за совершение налогового правонарушения, налогоплательщику предложено уплатить недоимку по налогу на добавленную стоимость за 2016–2017 гг. и начисленные на указанную сумму недоимки пени за период с 29 июня 2016 г. по 6 ноября 2020 г.

Решением суда от 24 апреля 2019 г., вступившим в законную силу 24 мая 2019 г., Ф. признана недееспособной, ее опекуном назначена В.

В., действующая в интересах недееспособной Ф., обратилась в суд с административным исковым заявлением об оспаривании названного выше решения налогового органа.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении административного искового заявления отказано.

При этом суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что налоговым органом представлены достаточные доказательства, подтверждающие факт получения Ф. как индивидуальным предпринимателем необоснованной налоговой выгоды за счет вычета (неправомерного возмещения) налога на добавленную стоимость; налоговым органом соблюдена процедура проведения налоговой проверки и принятия

оспариваемого решения; начисление недоимки по налогу на добавленную стоимость за 2016 г., 2017 г., а также пеней за период с 29 июня 2016 г. по 6 ноября 2020 г. также признано обоснованным.

Суд кассационной инстанции, соглашаясь с выводами судов об отсутствии правовых оснований для признания оспариваемого решения налогового органа незаконным, также дал оценку доводам кассационной жалобы о порядке начисления пеней, указав, что, несмотря на признание физического лица – налогоплательщика недееспособным, начисление пеней на сумму неуплаченного долга согласно статье 75 НК РФ не прекращается.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты и направила административное дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

Согласно пункту 3 статьи 75 НК РФ (в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений) пеня начисляется, если иное не предусмотрено этой статьей и главами 25 и 26^1 указанного кодекса, за каждый календарный день просрочки исполнения обязанности по уплате налога начиная со следующего за установленным законодательством о налогах и сборах дня уплаты налога по день исполнения обязанности по его уплате включительно.

Как следует из пункта 2 статьи 51 НК РФ, обязанность по уплате налогов и сборов физического лица, признанного судом недееспособным, исполняется его опекуном за счет денежных средств этого недееспособного лица. Опекун физического лица, признанного судом недееспособным, обязан уплатить всю не уплаченную налогоплательщиком (плательщиком сбора) сумму налогов и сборов, а также причитающиеся на день признания лица недееспособным пени и штрафы.

Согласно пункту 4 статьи 51 НК РФ лица, на которых в соответствии с названной статьей возлагаются обязанности по уплате налогов и сборов физических лиц, признанных безвестно отсутствующими или недееспособными, пользуются всеми правами, исполняют все обязанности в порядке, предусмотренном данным кодексом для налогоплательщиков и плательщиков сборов, с учетом особенностей, предусмотренных названной статьей. Указанные лица при исполнении обязанностей, возложенных на них данной статьей, привлекаемые в связи с этим к ответственности за виновное совершение налоговых правонарушений, не вправе уплачивать штрафы, предусмотренные Кодексом, за счет имущества лица, признанного безвестно отсутствующим или недееспособным.

Анализ приведенных норм позволяет сделать вывод о том, что опекун обязан уплатить все налоги и сборы. Однако уплата пеней, начисленных после признания налогоплательщика недееспособным, за счет имущества такого лица налоговым законодательством не предусмотрена.

Из возражений, представленных налоговым органом, следовало, что индивидуальный предприниматель Ф. с 2014 г. не принимала участия в финансово-хозяйственной деятельности по состоянию здоровья, в то время как вступившими в законную силу приговорами суда установлено, что участниками организованной преступной группы произведено хищение денежных средств из бюджета с использованием регистрационных данных Ф., имеющей статус индивидуального предпринимателя.

Ф. признана недееспособной 24 апреля 2019 г. и начиная с этой даты и по состоянию на 6 ноября 2020 г. налоговым органом произведено начисление пеней.

В связи с этим, учитывая приведенные выше выводы, Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила обжалуемые судебные акты и направила административное дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав на необходимость установления конкретной даты, с которой начисление пеней в соответствии с законом не могло быть осуществлено.

Определение № 57-КАД22-10-К1

31. Предписание об устранении нарушений законодательства в части выполнения квот для приема на работу инвалидов, вынесенное в отношении организации, признано судом незаконным, поскольку выполнение установленной квоты зависит не только от работодателя, но и от волеизъявления граждан квотируемой категории на заключение трудового договора.

По результатам проведения внеплановой документарной проверки соблюдения требований законодательства о квотировании рабочих мест для инвалидов уполномоченным органом (далее также – Департамент) в адрес исполнительного директора акционерного общества вынесено предписание об устранении выявленных нарушений (далее – Предписание), которым организации предложено в срок до 30 июня 2020 г. обеспечить выполнение требований закона субъекта Российской Федерации в части выполнения квот для приема на работу инвалидов (пункт 1); предоставить информацию об устранении выявленных нарушений и об исполнении Предписания с приложением копий соответствующих документов (пункт 2).

Считая Предписание незаконным, акционерное общество (далее также – организация) обратилось в суд с административным иском.

Решением суда первой инстанции заявленные требования удовлетворены.

При этом суд, установив, что административным истцом созданы (выделены) рабочие места для трудоустройства инвалидов (на момент

проведения Департаментом проверки с тремя гражданами, которые относились к квотируемой категории, заключены трудовые договоры и дополнительные соглашения к ним), а также не выявив факты отказа организации в трудоустройстве инвалидов на оставшиеся рабочие места в пределах установленной квоты, сделал заключение о соблюдении организацией положений законодательства о квотировании рабочих мест. Суд указал, что незаполнение рабочих мест в рамках выделенной квоты для трудоустройства инвалидов в связи с отсутствием обращений последних по вопросу трудоустройства не свидетельствует о наличии вины организации и не может быть расценено как неисполнение обязанности по выполнению квоты для приема на работу инвалидов.

Суд апелляционной инстанции, с выводами которого согласился кассационный суд общей юрисдикции, отменил решение суда первой инстанции и принял новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления, ссылаясь на то, что положениями закона субъекта Российской Федерации предусмотрена обязанность работодателя не только по созданию квотируемых рабочих мест, но и по выполнению квоты, то есть по обеспечению ее реального исполнения путем заключения с работниками трудового договора.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, оставила в силе решение суда первой инстанции, исходя из следующего.

Согласно пунктам 1 и 2 статьи 13 Закона Российской Федерации от 19 апреля 1991 г. № 1032-I «О занятости населения в Российской Федерации» (в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений) государство обеспечивает дополнительные гарантии гражданам, испытывающим трудности в поиске работы, путем разработки и реализации программ содействия занятости, создания дополнительных рабочих мест и специализированных организаций, установления квоты для приема на работу инвалидов, а также путем организации обучения по специальным программам и принятия других мер. Квота для приема на работу инвалидов устанавливается в соответствии с Федеральным законом от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».

Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» предусматривает, что работодателям, численность работников которых превышает 100 человек, законодательством субъекта Российской Федерации устанавливается квота для приема на работу инвалидов в размере от 2 до 4 процентов среднесписочной численности работников (часть 1 статьи 21 в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений).

Пунктом 1 части 2 статьи 24 этого закона установлена обязанность работодателя создавать или выделять рабочие места для трудоустройства инвалидов в соответствии с установленной квотой.

Аналогичные положения содержатся в части 2 статьи 4 закона субъекта Российской Федерации. Данной нормой также предусмотрено, что рабочие места считаются созданными (выделенными), если на них трудоустроены граждане указанных категорий.

В пункте 1 части 3 статьи 2 названного регионального закона определено, что выполнением квоты для приема на работу в отношении инвалидов считается трудоустройство работодателем инвалидов, имеющих рекомендации к труду, подтвержденное заключением трудового договора, действие которого в текущем месяце составило не менее 15 дней.

Из приведенных нормативных положений следует, что законодатель, предоставляя инвалидам дополнительные гарантии занятости, в целях обеспечения для них равных с другими гражданами возможностей трудоустройства, возложил на работодателей обязанности по установлению квоты, созданию (выделению) квотируемых рабочих мест и выполнению установленной квоты путем трудоустройства инвалидов.

Вывод суда первой инстанции о выполнении организацией предусмотренной законодательством о квотировании рабочих мест обязанности подтверждается материалами административного дела.

Так, на основании приказа руководителя организации во исполнение требований регионального закона в организации созданы рабочие места для трудоустройства инвалидов, в связи с чем в штатное расписание введена должность «мерчандайзер».

Сведения о создании акционерным обществом квотируемых рабочих мест были переданы в центр занятости населения, информация о наличии вакансий опубликована; в соответствии с установленной квотой административным истцом заключены трудовые договоры с тремя гражданами.

При этом факты необоснованного отказа или уклонения организации от трудоустройства граждан-инвалидов на оставшиеся квотируемые рабочие места ни административным ответчиком при проведении документарной проверки, ни судами при рассмотрении данного административного дела не установлены. Предписание ссылок на такие обстоятельства также не содержит.

Кроме того, вступившим в законную силу решением суда общей юрисдикции постановление уполномоченного органа о привлечении организации к административной ответственности за невыполнение установленной законодательством субъекта Российской Федерации обязанности по созданию или выделению квотируемых рабочих мест отменено в связи с отсутствием состава административного правонарушения,

поскольку факты необоснованного отказа организации в трудоустройстве инвалидам не выявлены.

Согласно правовой позиции, изложенной в Обзоре практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с реализацией мер социальной поддержки отдельных категорий граждан, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 17 июня 2020 г., законодательством установлена обязанность работодателей независимо от их организационно-правовых форм и форм собственности не только по созданию квотируемых рабочих мест (должностей) для инвалидов, но и по выполнению квоты, то есть обеспечению ее исполнения. Эта обязанность считается выполненной с момента выделения (создания) рабочих мест (в том числе специальных) и приема на них инвалидов организацией, которой установлена квота для приема на работу инвалидов. Отказ работодателя в заключении трудового договора с инвалидом, направленным для трудоустройства службой занятости населения по квоте, не связанный с деловыми качествами работника, не допускается (пункты 16, 17).

Соответственно, невыполнением квоты можно считать такие действия работодателя, при которых он необоснованно отказал в трудоустройстве инвалиду на квотируемое рабочее место или уклонился от заключения трудового договора.

В материалах административного дела доказательства, подтверждающие отказы или уклонение организации от трудоустройства инвалидов, отсутствуют. Напротив, судом первой инстанции установлено, что организация принимала меры для выполнения установленной квоты (направляла сведения о создании квотируемых рабочих мест для инвалидов в службу занятости населения, проводила собеседования с гражданами).

Следовательно, возложенные законом обязанности, касающиеся установления квоты, а также создания (выделения) квотируемых рабочих мест для трудоустройства инвалидов в соответствии с установленной квотой, акционерным обществом выполнены.

Признавая Предписание законным, суды апелляционной и кассационной инстанций не учли, что оно является неисполнимым, поскольку выполнение установленной квоты зависит не только от работодателя, но и от волеизъявления граждан квотируемой категории на заключение трудового договора.

При указанных обстоятельствах у суда апелляционной инстанции, с позицией которого согласился суд кассационной инстанции, отсутствовали правовые основания для отмены судебного решения.

Определение № 5-КАД22-46-К2

32. При рассмотрении заявления о возмещении судебных расходов на оплату услуг представителя суду следует установить факт несения таких расходов заявителем.

Определением суда производство по административному делу по административному иску гражданина к ФКУЗ МСЧ ФСИН России о признании незаконным отказа врачебной комиссии в принятии медицинских документов прекращено в связи с добровольным исполнением административным ответчиком заявленных требований.

Административный истец обратился в суд с заявлением о взыскании с ФКУЗ МСЧ ФСИН России понесенных им при рассмотрении названного административного дела судебных расходов на оплату услуг представителя в размере 196 000 руб.

Определением суда заявление удовлетворено.

Апелляционным определением судьи апелляционного суда общей юрисдикции, оставленным без изменения определением судьи кассационного суда общей юрисдикции, взысканная в пользу административного истца денежная сумма снижена до 60 000 руб.

Судья Верховного Суда Российской Федерации отменил указанные судебные акты и направил административное дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав на то, что выводы судов сделаны без учета имеющих значение для дела обстоятельств.

Статьями 106 и 112 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации к издержкам, связанным с рассмотрением административного дела, отнесены в том числе расходы на оплату услуг представителей, связанные с рассмотрением административного дела и понесенные сторонами и заинтересованными лицами.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пунктах 10, 12 и 26 постановления от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» разъяснил, что лицо, заявляющее о взыскании судебных издержек, должно доказать факт их несения, а также связь между понесенными указанным лицом издержками и делом, рассматриваемым в суде с его участием. Недоказанность данных обстоятельств является основанием для отказа в возмещении судебных издержек. При прекращении производства по делу ввиду отказа истца от иска в связи с добровольным удовлетворением его требований ответчиком после обращения истца в суд судебные издержки взыскиваются с ответчика.

Расходы на оплату услуг представителя, понесенные лицом, в пользу которого принят судебный акт, взыскиваются судом с другого лица, участвующего в деле, в разумных пределах.

Согласно пункту 1, подпункту 3 пункта 4 и пункту 6 статьи 25 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем. Существенным условием соглашения являются условия и размер выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь.

Вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением.

Таким образом, юридически значимым обстоятельством при рассмотрении заявления о взыскании судебных расходов являлось установление факта несения расходов на оплату услуг представителя, обязанность доказать который лежала на заявителе.

По делу установлено, что истец по приговору суда отбывает наказание в виде лишения свободы.

Его представитель при подаче ходатайства о возмещении расходов на оплату услуг ссылался на то, что оказывал юридические услуги по административному делу на основании договора поручения.

Указанный договор вопреки требованиям статьи 13 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации о непосредственном исследовании доказательств судом не был принят во внимание, и содержащиеся в нем положения оценки не получили.

В соответствии с пунктом 3.5 договора все расчеты по данному договору производятся путем внесения доверителем наличных денежных средств в кассу или перечисления денежных средств на расчетный счет адвокатского образования или адвокатского кабинета, которые выступают налоговыми агентами.

Внесение наличных денежных средств удостоверяется квитанцией установленной формы, выдаваемой адвокатом доверителю (пункт 3.6 указанного договора).

В подтверждение несения судебных расходов суду представлены квитанции к приходному кассовому ордеру, из которых следует, что адвокатом приняты от доверителя на основании договора денежные средства.

Между тем судом не учтено, что в соответствии с частью 8 статьи 82 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, пунктами 5 и 6 приложения № 1 к Правилам внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 16 декабря 2016 г. № 295 (действовавших

на момент возникших правоотношений), осужденным запрещается иметь при себе деньги.

Обнаруженные у осужденных деньги, ценные бумаги и иные ценности изымаются и хранятся в соответствии с правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений администрацией исправительного учреждения до освобождения осужденного без права пользования и распоряжения ими во время отбывания наказания (часть 9 статьи 82 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации).

Удовлетворяя частично заявление о возмещении расходов на оплату услуг представителя, суды факт исполнения договора не установили и не выяснили, при каких условиях и каким образом отбывающий наказание в исправительном учреждении осужденный произвел расчет с адвокатом; вопрос о том, вносились ли указанные денежные суммы на расчетный счет адвокатского образования, и если да, то кем именно, исследован не был.

Определение № 10-КАД22-9-К6

Практика применения положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

33. Умышленное невыполнение главой администрации муниципального образования представления прокурора, содержащего требование о принятии мер по подаче в орган, осуществляющий государственную регистрацию прав на недвижимое имущество, заявления о постановке на учет автомобильной дороги, находящейся на территории муниципального образования, влечет административную ответственность по статье 17.7 КоАП РФ, поскольку соответствующее требование прокурора основывается на законе.

Постановлением судьи районного суда, оставленным без изменения решением судьи суда субъекта Российской Федерации и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, глава администрации муниципального района Т. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного статьей 17.7 КоАП РФ, с назначением административного наказания.

В жалобе, поданной в Верховный Суд Российской Федерации, Т. ставил вопрос об отмене постановлений, вынесенных в отношении его по делу об административном правонарушении, ссылаясь на их незаконность.

Судья Верховного Суда Российской Федерации, изучив материалы дела об административном правонарушении, доводы жалобы, пришел к следующим выводам.

В силу положений статьи 22 Федерального закона от 17 января 1992 г.

№ 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» (положения правовых норм приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для возбуждения дела об административном правонарушении; далее – Закон о прокуратуре) одной из мер реагирования прокуратуры на нарушение закона является внесение представления о его устранении.

В соответствии с пунктом 3 данной статьи прокурор или его заместитель в случае установления факта нарушения закона органами и должностными лицами, указанными в пункте 1 статьи 21 Закона о прокуратуре, вносит представление об устранении нарушений закона.

В течение месяца со дня внесения представления должны быть приняты конкретные меры по устранению допущенных нарушений закона, их причин и условий, им способствующих; о результатах принятых мер должно быть сообщено прокурору в письменной форме (пункт 1 статьи 24 Закона о прокуратуре).

Согласно статье 17.7 КоАП РФ умышленное невыполнение требований прокурора, вытекающих из его полномочий, установленных федеральным законом, а равно законных требований следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении, влечет назначение административного наказания.

По результатам проверки, проведенной прокуратурой района по обращению гражданина, главе администрации муниципального района Т. внесено представление об устранении нарушений законодательства (далее – представление).

В представлении прокурором изложены требования: о его рассмотрении с участием представителя прокуратуры района (пункт 1); принятии мер по организации содержания дороги, очистке ее от снега, подаче заявления в орган, осуществляющий государственную регистрацию прав на недвижимое имущество, для постановки дороги на учет (пункт 2); рассмотрении вопроса о привлечении к дисциплинарной ответственности виновных должностных лиц (пункт 3); сообщении о результатах рассмотрения представления и принятых мерах в прокуратуру района в срок не позднее месяца со дня его вынесения с приложением приказов о наказании виновных лиц (пункт 4).

Т. прокурору дан ответ, из содержания которого следует, что представление рассмотрено с участием представителя прокуратуры и признано необоснованным, поскольку автомобильная дорога как инженерное сооружение не существует, в собственности муниципального района не находится. Также в ответе указано на невозможность выполнения расчистки дороги ввиду отсутствия снежных покровов.

Прокурором района в отношении главы администрации муниципального района Т. возбуждено дело об административном правонарушении,

предусмотренном статьей 17.7 КоАП РФ, по факту умышленного невыполнения изложенных в представлении законных требований прокурора, вытекающих из его полномочий, установленных федеральным законом, о принятии мер по подаче в орган, осуществляющий государственную регистрацию прав на недвижимое имущество, заявления о постановке на учет автомобильной дороги.

Умышленное невыполнение изложенных в представлении требований прокурора в этой части послужило основанием для привлечения Т. к административной ответственности по указанной норме.

Правомерность такого решения не вызывает сомнений.

В силу пункта 5 части 1 статьи 15 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», подпункта 6 пункта 1 статьи 13 Федерального закона от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 257-ФЗ) к вопросам местного значения муниципального района относятся: дорожная деятельность в отношении автомобильных дорог местного значения вне границ населенных пунктов в границах муниципального района, осуществление муниципального контроля за сохранностью автомобильных дорог местного значения вне границ населенных пунктов в границах муниципального района, организация дорожного движения и обеспечение безопасности дорожного движения на них, а также осуществление иных полномочий в области использования автомобильных дорог и осуществления дорожной деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Дорожной деятельностью признается деятельность по проектированию, строительству, реконструкции, капитальному ремонту, ремонту и содержанию автомобильных дорог (пункт 6 статьи 3 Закона № 257-ФЗ).

В ходе прокурорской проверки и производства по делу установлено, что на протяжении длительного времени содержание дороги между населенными пунктами не обеспечено, от жителей населенного пункта поступают обращения по факту нарушения их прав, в том числе на свободный доступ к объектам социальной инфраструктуры, а также на получение медицинской и иной помощи, так как прибытие в населенный пункт экстренных служб невозможно. В подтверждение этого в материалы дела представлены соответствующие доказательства.

Указание Т. и его защитником в ходе производства по делу на то обстоятельство, что автомобильная дорога не существует как инженерное сооружение и не находится в собственности муниципального района, не ставит под сомнение выводы судебных инстанций, законность и обоснованность принятых по делу судебных актов.

В пункте 2 статьи 214 ГК РФ, пункте 1 статьи 16 ЗК РФ закреплена презумпция государственной собственности на землю: земля и другие природные ресурсы, не находящиеся в собственности граждан, юридических лиц либо муниципальных образований, являются государственной собственностью.

Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 11 февраля 2021 г. № 186-О обратил внимание, что в условиях действующей презумпции государственной собственности на землю и наличия на территории Российской Федерации значительного количества нераспределенной земли сама по себе несформированность земельного участка и отсутствие государственной регистрации права собственности публичного образования на него не означает, что соответствующее публичное образование фактически отказалось от своего права собственности или проявляет безразличие к правовой судьбе этого земельного участка. Само по себе отсутствие такого учета не свидетельствует о том, что участок является бесхозяйным.

Обязанность по включению соответствующего объекта в документы территориального планирования муниципального образования, выполнению необходимых действий по межеванию дороги, постановке на кадастровый учет и принятию в муниципальную собственность в силу закона подлежит выполнению органом местного самоуправления, равно как и обязанность по организации содержания дороги, в том числе в целях обеспечения проезда к населенным пунктам экстренных служб (пожарной охраны, полиции, скорой медицинской помощи и иных) и свободного доступа жителей к объектам социальной инфраструктуры.

При этом, как обоснованно указано судьей кассационного суда, в силу пункта 3 статьи 225 ГК РФ выявление соответствующих объектов в границах муниципального образования и принятие мер к их учету является обязанностью органа местного самоуправления, на территории которого они находятся.

С учетом изложенного состоявшиеся по делу судебные акты судьей Верховного Суда Российской Федерации оставлены без изменения.

Постановление № 44-АД22-20-К7

34. При решении вопроса о привлечении к административной ответственности по части 1 статьи 13.21 КоАП РФ за изготовление и распространение продукции средства массовой информации, в запись о регистрации которого не внесены изменения, касающиеся состава соучредителей, необходимо устанавливать, какие действия и в какой срок предпринимались лицом, в отношении которого возбуждено производство по делу о таком правонарушении, для выполнения

обязанности по внесению соответствующих изменений.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи районного суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, соучредитель журнала З. признана виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 13.21 КоАП РФ, и подвергнута административному наказанию.

В жалобе, поданной в Верховный Суд Российской Федерации, защитник З. – Н. ставил вопрос о пересмотре состоявшихся судебных актов, ссылаясь на постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 ноября 2021 г. № 47-П.

Судья Верховного Суда Российской Федерации, изучив материалы дела об административном правонарушении и доводы жалобы, пришел к следующим выводам.

Частью 1 статьи 11 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-I «О средствах массовой информации» (далее – Закон о СМИ) установлено, что смена учредителя, изменение состава соучредителей, наименования (названия), языка (языков), примерной тематики и (или) специализации средства массовой информации, территории распространения продукции средства массовой информации, доменного имени сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (для сетевого издания), а также формы и (или) вида периодического распространения массовой информации допускаются лишь при условии внесения соответствующих изменений в запись о регистрации средства массовой информации. Внесение изменений в запись о регистрации средства массовой информации осуществляется в том же порядке, что и регистрация средства массовой информации.

В соответствии с частью 1 статьи 13.21 КоАП РФ изготовление или распространение продукции незарегистрированного средства массовой информации, а равно продукции средства массовой информации, в запись о регистрации которого не внесены изменения, касающиеся смены учредителя, изменения состава соучредителей, наименования (названия), языка (языков), примерной тематики и (или) специализации средства массовой информации, территории распространения продукции средства массовой информации, доменного имени сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (для сетевого издания), а также формы и (или) вида периодического распространения массовой информации, либо распространение продукции зарубежного периодического печатного издания без разрешения на ее распространение на территории Российской Федерации, либо изготовление или распространение такой продукции после решения о прекращении или приостановлении выпуска средства массовой информации в установленном порядке влечет назначение административного наказания.

Уполномоченным должностным лицом проведено внеплановое систематическое наблюдение в отношении выпуска печатного средства массовой информации – журнала.

В ходе данного мероприятия выявлено, что в нарушение части 1 статьи 11 Закона о СМИ допущены изготовление и распространение продукции средства массовой информации (журнала), в запись о регистрации которого не внесены изменения, касающиеся изменения состава соучредителей.

Согласно свидетельству о регистрации журнала его соучредителями являются В., З. и С.

Соучредитель С. скончался, однако сведения об изменении состава соучредителей журнала в запись о его регистрации не внесены.

Данное обстоятельство послужило основанием для привлечения З., являвшейся соучредителем журнала, к административной ответственности, предусмотренной частью 1 статьи 13.21 КоАП РФ.

Вместе с тем вывод о виновности З. в совершении указанного административного правонарушения является преждевременным ввиду следующего.

В жалобе, поданной в Верховный Суд Российской Федерации, защитник Н. ссылался на правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированные в постановлении от 9 ноября 2021 г. № 47-П, принятом по делу, поводом к рассмотрению которого явилась жалоба З. о проверке конституционности части 1 статьи 13.21 КоАП РФ.

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации являлась часть 1 статьи 13.21 КоАП РФ постольку, поскольку в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с положениями законодательства о средствах массовой информации, на ее основании решается вопрос о привлечении соучредителя средства массовой информации к административной ответственности за изготовление или распространение продукции средства массовой информации, в запись о регистрации которого не внесены изменения, касающиеся состава соучредителей, в случае смерти кого-либо из них.

В постановлении от 9 ноября 2021 г. № 47-П Конституционный Суд Российской Федерации в числе прочего пришел к следующим выводам.

Из статей 8 и 11 Закона о СМИ, действующих во взаимосвязи с частью 3 его статьи 7, следует, что обязанность по внесению изменений в запись о регистрации средства массовой информации, как и иные обязанности соучредителей, исполняется ими совместно.

Применительно к внесению изменений в запись о регистрации в случае изменения состава соучредителей, вызванного смертью кого-либо из них, действующее регулирование предполагает подачу соответствующего заявления в уполномоченный орган Роскомнадзора всеми оставшимися соучредителями (пункт 5 Административного регламента предоставления

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций государственной услуги по регистрации средств массовой информации, утвержденного приказом Роскомнадзора от 17 мая 2019 г. № 100). Направление же заявления об изменении состава соучредителей, подписанного не всеми соучредителями, служит основанием для его возвращения без рассмотрения (часть 3 статьи 7 и часть 5 статьи 13 Закона о СМИ). Тем самым действующее регулирование обязывает соучредителей совместно подавать заявление. И хотя не исключается уклонение одного или нескольких соучредителей от исполнения данной обязанности, законодательство не устанавливает порядок действий иных соучредителей в случае такого уклонения, что может приводить к невозможности соблюдения ими требования отразить изменение состава соучредителей в записи о регистрации средства массовой информации.

Учет изложенных обстоятельств не обеспечивает и часть 1 статьи 13.21 КоАП РФ, действующая во взаимосвязи с другими положениями данного кодекса и нормами законодательства о средствах массовой информации. В результате на практике не исключается произвольное привлечение к административной ответственности одного из соучредителей, который в отсутствие соглашения с иными соучредителями не имел возможности самостоятельно обратиться в уполномоченный орган с заявлением о внесении изменений в запись о регистрации средства массовой информации либо пресечь изготовление или распространение продукции средства массовой информации путем прекращения или приостановления деятельности средства массовой информации либо иным способом.

При этом Конституционный Суд Российской Федерации отметил: конкретное дело З. показывает, что оспариваемое ею законоположение может быть интерпретировано как позволяющее привлечь к административной ответственности такого соучредителя на основании одного лишь факта изготовления или распространения продукции средства массовой информации, в запись о регистрации которого не внесены сведения об изменении состава соучредителей, без учета действий (бездействия), предпринятых как этим, так и иными соучредителями для исполнения соответствующей обязанности.

В ходе производства по делу об административном правонарушении не устанавливалось, предпринимались ли соучредителем средства массовой информации З. действия для исполнения обязанности по внесению в запись о его регистрации изменений, касающихся изменения состава соучредителей, вызванного смертью одного из них. Равным образом не выяснялось, по истечении какого срока с момента, когда З. стало известно (должно было стать известно) о смерти соучредителя, она была привлечена к административной ответственности за изготовление и распространение продукции средства массовой информации, в запись о регистрации которого

не внесены изменения, касающиеся состава учредителей; являлся ли данный срок разумным для исполнения этой обязанности.

Вместе с тем при рассмотрении дела и жалоб на постановление о назначении административного наказания З. и ее защитник заявляли об отсутствии в ее действиях вины, поскольку она трижды подавала заявления о внесении в запись о регистрации средства массовой информации изменений, касающихся изменения состава соучредителей, однако уполномоченным органом заявления возвращены без рассмотрения в связи с отсутствием подписи второго соучредителя, который при этом совершать необходимые действия отказывался.

При таких обстоятельствах решение судьи районного суда и постановление судьи кассационного суда общей юрисдикции, вынесенные в отношении соучредителя журнала З. по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 13.21 КоАП РФ, отменены, дело возвращено на новое рассмотрение судье районного суда.

Постановление № 5-АД22-82-К2

35. Возбуждение прокурором дела об административном правонарушении, выражающемся в невыплате в установленный срок заработной платы, без проведения проверки, но при наличии поступившей в органы прокуратуры подтвержденной информации о фактах нарушения трудового законодательства не является нарушением порядка производства по такому делу.

Постановлением должностного лица, оставленным без изменения решением судьи районного суда, директор муниципального унитарного предприятия (далее – МУП) С. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 6 статьи 5.27 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде административного штрафа.

Решением судьи суда субъекта Российской Федерации, оставленным без изменения постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, постановление должностного лица и решение судьи районного суда отменены, производство по делу об административном правонарушении в отношении С. прекращено на основании пункта 3 части 1 статьи 30.7 КоАП РФ в связи с недоказанностью обстоятельств, на основании которых было вынесено постановление.

В протесте, принесенном в Верховный Суд Российской Федерации, заместителем Генерального прокурора Российской Федерации ставился вопрос об отмене решения судьи суда субъекта Российской Федерации и постановления судьи кассационного суда общей юрисдикции, состоявшихся

по делу об административном правонарушении в отношении директора МУП С.

Судья Верховного Суда Российской Федерации, изучив материалы дела об административном правонарушении и доводы, изложенные в протесте, пришел к следующим выводам.

Частью 6 статьи 5.27 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за невыплату или неполную выплату в установленный срок заработной платы, других выплат, осуществляемых в рамках трудовых отношений, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, либо воспрепятствование работодателем осуществлению работником права на замену кредитной организации, в которую должна быть переведена заработная плата, либо установление заработной платы в размере менее размера, предусмотренного трудовым законодательством.

Заместителем прокурора района в отношении С., являющегося директором МУП, возбуждено дело об административном правонарушении, предусмотренном указанной нормой, по факту наличия у предприятия задолженности по выплате заработной платы 26 работникам.

По результатам рассмотрения дела С. постановлением должностного лица привлечен к административной ответственности, установленной частью 6 статьи 5.27 КоАП РФ. Судья районного суда с выводами должностного лица согласился, вынесенное им постановление оставил без изменения.

Судья суда субъекта Российской Федерации отменил постановление должностного лица и решение судьи районного суда с прекращением производства по делу в связи с недоказанностью обстоятельств, на основании которых было вынесено постановление.

Принимая данное решение, судья суда субъекта Российской Федерации со ссылкой в том числе на положения пунктов 2, 3 статьи 21 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре) сделал вывод о том, что порядок привлечения директора МУП С. к административной ответственности нарушен, поскольку прокуратурой проведена проверка в отношении предприятия при отсутствии к тому оснований и соответствующего решения.

Судья указал, что проведение в отношении предприятия проверки является незаконным, полученные по ее результатам доказательства не могут быть признаны в качестве допустимых и положены в основу вывода о виновности директора предприятия С. в совершении вмененного административного правонарушения.

Судья кассационного суда с выводами суда субъекта Российской Федерации согласился, вынесенное им решение оставил без изменения.

Однако выводы судьи суда субъекта Российской Федерации и судьи кассационного суда не являются правильными.

С учетом положений Закона о прокуратуре проведение проверки не может быть единственным возможным способом выполнения возложенных на органы прокуратуры функций в рамках надзора за исполнением законов. Информация и документы направляются органам прокуратуры как в рамках представления для осуществления возложенных на них функций, так и в рамках проверок.

Так, в силу пункта 2 статьи 6 Закона о прокуратуре статистическая и иная информация, документы, справки и другие материалы или их копии, необходимые при осуществлении возложенных на органы прокуратуры функций, представляются по требованию прокурора безвозмездно в течение пяти рабочих дней с момента поступления требования прокурора руководителю или иному уполномоченному представителю органа (организации), а в ходе проведения проверок исполнения законов – в течение двух рабочих дней с момента предъявления требования прокурора.

При этом пунктом 2 статьи 21 Закона о прокуратуре предусмотрено, что проверка исполнения законов проводится на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения законов, требующих принятия мер прокурором, в случае, если эти сведения нельзя подтвердить или опровергнуть без проведения указанной проверки.

Вопросы организации надзора в сфере конституционных прав граждан на труд определены приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 15 марта 2019 г. № 196 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан».

Данным приказом прокурорам предписано принять дополнительные меры к усилению надзора за соблюдением трудового законодательства, обеспечить надлежащую организацию надзора за исполнением положений ТК РФ, иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права.

Согласно названному приказу в рамках этого надзора необходимо выполнять определенные им меры, в том числе осуществлять на постоянной основе сбор, обобщение, анализ и оценку информации, характеризующей состояние законности в сфере трудовых отношений (пункт 2.1); по фактам нарушений, выявленных при осуществлении надзора за исполнением законов, соблюдением трудовых прав граждан, безотлагательно применять необходимые для восстановления законности, прав граждан и привлечения виновных должностных лиц к установленной ответственности меры прокурорского реагирования (пункт 2.9).

В рассматриваемом случае основанием для возбуждения дела об административном правонарушении послужила направленная главным бухгалтером предприятия информация о сумме задолженности по заработной плате и сроке, за который она образовалась. Информация представлена уполномоченным работником предприятия, ставить ее под сомнение и

проводить проверку для ее подтверждения или опровержения оснований не имелось.

При рассмотрении жалобы на постановление должностного лица и решение судьи районного суда судьей суда субъекта Российской Федерации в полной мере не учтены положения Закона о прокуратуре, не исследовался вопрос о представлении соответствующей информации, характеризующей состояние законности в сфере трудовых отношений, в рамках сбора на постоянной основе, обобщения, анализа и оценки.

Однако поступление такой информации, содержащей сведения о невыплате в установленный срок заработной платы, без проведения дополнительной проверки могло служить основанием для возбуждения прокурором дела об административном правонарушении на основании полномочий, установленных КоАП РФ.

В силу части 1 статьи 28.1 названного кодекса получение сведений, указывающих на наличие события административного правонарушения, является поводом к возбуждению дела об административном правонарушении.

Возбуждение прокурором производства по делу об административном правонарушении при получении в ходе осуществления надзора за исполнением законов таких сведений согласуется с требованиями указанной нормы, а также статей 28.2, 28.4 КоАП РФ.

При изложенных обстоятельствах судья Верховного Суда Российской Федерации в постановлении указал на то, что выводы судьи суда субъекта Российской Федерации о проведении прокуратурой проверки при отсутствии к тому оснований и решения о ее проведении, нарушении порядка привлечения к административной ответственности, наличии оснований для отмены постановления должностного лица и решения судьи районного суда с прекращением производства по делу сделаны без надлежащего исследования и правовой оценки фактических обстоятельств дела, а также без учета положений КоАП РФ.

Постановление № 65-АД23-1-К9

36. Протокол об административном правонарушении является основным процессуальным документом, в котором фиксируются необходимые для возбуждения дела сведения. Признание его недопустимым доказательством свидетельствует о недоказанности обстоятельств, на основании которых были вынесены состоявшиеся по делу об административном правонарушении постановления.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи районного суда и постановлением судьи кассационного суда общей

юрисдикции, К. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 12.26 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию.

В жалобе, поданной в Верховный Суд Российской Федерации, К. ставил вопрос об отмене названных судебных постановлений, указывая на их незаконность.

Судья Верховного Суда Российской Федерации, ознакомившись с доводами жалобы, изучив материалы дела об административном правонарушении, пришел к следующим выводам.

В соответствии с частью 1 статьи 12.26 КоАП РФ (в редакции, действовавшей на момент обстоятельств, послуживших основанием для привлечения К. к административной ответственности) невыполнение водителем транспортного средства законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, если такие действия (бездействие) не содержат уголовно наказуемого деяния, влечет назначение административного наказания.

К. привлечен к административной ответственности по указанной норме в связи с тем, что он, управляя транспортным средством, не выполнил законное требование уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

В соответствии со статьей 26.2 КоАП РФ доказательствами по делу об административном правонарушении являются любые фактические данные, на основании которых судья, орган, должностное лицо, в производстве которых находится дело, устанавливают наличие или отсутствие события административного правонарушения, виновность лица, привлекаемого к административной ответственности, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Эти данные устанавливаются протоколом об административном правонарушении, иными протоколами, предусмотренными названным кодексом, объяснениями лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, показаниями потерпевшего, свидетелей, заключениями эксперта, иными документами, а также показаниями специальных технических средств, вещественными доказательствами.

В силу части 3 статьи 26.2 КоАП РФ не допускается использование доказательств по делу об административном правонарушении, полученных с нарушением закона.

Протокол об административном правонарушении является основным процессуальным документом, где фиксируется факт противоправных действий (бездействия) лица, в отношении которого возбуждено производство по делу, формулируется вменяемое данному лицу нарушение

установленных требований.

Протокол об административном правонарушении подписывается должностным лицом, его составившим (часть 5 статьи 28.2 КоАП РФ).

Вместе с тем протокол об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 12.26 КоАП РФ, в отношении К. не подписан должностным лицом, его составившим.

Привлекая К. к административной ответственности, мировой судья сослался на указанный протокол об административном правонарушении как на доказательство его вины в совершении правонарушения.

Однако данный документ, в котором отсутствовала подпись должностного лица, его составившего, в силу части 3 статьи 26.2 названного кодекса не может рассматриваться в качестве допустимого доказательства.

В соответствии с положениями частей 1 и 4 статьи 1.5 КоАП РФ лицо подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина. Неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к административной ответственности, толкуются в пользу этого лица.

При таких обстоятельствах судьей Верховного Суда Российской Федерации постановление мирового судьи, решение судьи районного суда и постановление судьи кассационного суда общей юрисдикции, вынесенные в отношении К. по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 12.26 КоАП РФ, отменены, производство по делу об административном правонарушении прекращено на основании пункта 4 части 2 статьи 30.17 названного кодекса в связи с недоказанностью обстоятельств, на основании которых были вынесены состоявшиеся по делу судебные постановления.

Постановление № 44-АД22-17-К7

37. Срок давности привлечения к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 8.8 КоАП РФ и выражающегося в использовании земельного участка не по целевому назначению в соответствии с его принадлежностью к той или иной категории земель и (или) разрешенным использованием, составляет один год в связи с тем, что данное административное правонарушение посягает на общественные отношения в области охраны окружающей среды и природопользования.

Постановлением должностного лица, оставленным без изменения решением судьи районного суда и решением судьи суда субъекта Российской Федерации, Г. признан виновным в совершении административного

правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 8.8 КоАП РФ, с назначением административного наказания в виде административного штрафа.

Постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции постановление должностного лица, решение судьи районного суда и решение судьи суда субъекта Российской Федерации отменены, производство по делу об административном правонарушении в отношении Г. прекращено на основании пункта 6 части 1 статьи 24.5 КоАП РФ в связи с истечением срока давности привлечения к административной ответственности.

В жалобе, поданной в Верховный Суд Российской Федерации, должностное лицо, вынесшее постановление о назначении административного наказания, просило об отмене постановления судьи кассационного суда общей юрисдикции, приводя доводы о его незаконности.

Судья Верховного Суда Российской Федерации, изучив материалы дела об административном правонарушении и доводы, изложенные в жалобе, пришел к следующим выводам.

На основании подпункта 8 пункта 1 статьи 1, пункта 2 статьи 7 ЗК РФ одним из принципов земельного законодательства является деление земель по целевому назначению на указанные в пункте 1 статьи 7 названного кодекса категории, согласно которому правовой режим земель определяется исходя из их принадлежности к той или иной категории и разрешенного использования в соответствии с зонированием территорий и требованиями законодательства.

В силу статей 7, 42 ЗК РФ собственники земельных участков и лица, не являющиеся собственниками земельных участков, обязаны использовать земельные участки в соответствии с их целевым назначением способами, которые не должны наносить вред окружающей среде, в том числе земле как природному объекту.

Часть 1 статьи 8.8 КоАП РФ предусматривает, что использование земельного участка не по целевому назначению в соответствии с его принадлежностью к той или иной категории земель и (или) разрешенным использованием, за исключением случаев, предусмотренных частями 2, 2^1 и 3 данной статьи, влечет наложение административного штрафа.

Постановлением должностного лица Г. привлечен к административной ответственности, установленной данной нормой, за использование в нарушение требований приведенных выше норм земельного законодательства принадлежащего ему на праве собственности земельного участка, относящегося к категории земель населенных пунктов с видом разрешенного использования – индивидуальное жилищное строительство, не по целевому назначению.

Нарушение выявлено 18 июня 2020 г. в рамках проверки соблюдения требований земельного законодательства при использовании указанного объекта земельных отношений.

Судья районного суда и судья суда субъекта Российской Федерации с выводами должностного лица согласились, вынесенное им постановление оставили без изменения.

Вместе с тем судья кассационного суда отменил постановление должностного лица, решение судьи районного суда и решение судьи суда субъекта Российской Федерации, сделав вывод о том, что протокол об административном правонарушении составлен и дело рассмотрено должностным лицом за пределами установленного частью 1 статьи 4.5 КоАП РФ для данной категории дел срока давности привлечения к административной ответственности.

Принимая такое решение, судья кассационного суда исходил из того, что в соответствии с указанной нормой срок давности привлечения к административной ответственности, предусмотренной частью 1 статьи 8.8 названного кодекса, составляет два месяца со дня обнаружения административного правонарушения (применяется общий срок давности), он начал исчисляться с 18 июня 2020 г. и истек до даты вынесения постановления о назначении административного наказания.

Однако данный вывод судьи кассационного суда не является правильным.

Родовым объектом правонарушений, объединенных в главе 8 КоАП РФ, в которую входит статья 8.8, являются общественные отношения в области охраны окружающей среды. Срок давности привлечения к административной ответственности за совершение административного правонарушения в области, урегулированной законодательством Российской Федерации об охране окружающей среды и природопользования, согласно положениям части 1 статьи 4.5 названного кодекса составляет один год.

Часть 2 статьи 4.5 КоАП РФ определяет, что при длящемся административном правонарушении указанный срок начинает исчисляться со дня обнаружения административного правонарушения.

Следовательно, годичный срок давности привлечения к административной ответственности на момент рассмотрения дела должностным лицом 26 февраля 2021 г. не истек.

При таких обстоятельствах постановление судьи кассационного суда общей юрисдикции, состоявшееся по делу об административном правонарушении в отношении Г., судьей Верховного Суда Российской Федерации изменено путем исключения из него вывода о том, что срок давности привлечения к административной ответственности, предусмотренной частью 1 статьи 8.8 КоАП РФ, составляет два месяца и он истек на момент составления 2 февраля 2021 г. в отношении Г. протокола об

административном правонарушении и вынесения 26 февраля 2021 г. постановления о назначении ему административного наказания.

Постановление № 11-АД22-24-К6

38. При определении территориальной подсудности дел об административных правонарушениях, объективная сторона которых выражается в бездействии в виде неисполнения установленной правовым актом обязанности, в том числе предусмотренного частью 1 статьи 20.6[1] КоАП РФ, необходимо исходить из места нахождения совершившего такое административное правонарушение юридического лица, определяемого в соответствии со статьей 54 ГК РФ.

Постановлением судьи районного суда, оставленным без изменения решением судьи суда субъекта Российской Федерации и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, общество признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 20.6[1] КоАП РФ, с назначением административного наказания.

В жалобе, поданной в Верховный Суд Российской Федерации, защитник общества выражал несогласие с состоявшимися судебными актами.

Судья Верховного Суда Российской Федерации, изучив материалы дела и доводы жалобы, пришел к следующим выводам.

В соответствии с частью 1 статьи 20.6[1] КоАП РФ (все нормы, цитируемые в данном постановлении, приведены в редакции, действующей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения общества к административной ответственности) невыполнение правил поведения при введении режима повышенной готовности на территории, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации, или в зоне чрезвычайной ситуации, за исключением случаев, предусмотренных частью 2 статьи 6.3 названного кодекса, влечет назначение административного наказания.

Согласно протоколу об административном правонарушении было установлено нарушение обществом предусмотренных указом главы субъекта Российской Федерации правил поведения при введении на территории данного субъекта Российской Федерации режима повышенной готовности, выразившееся в неизмерении температуры тела водителю общества М., управлявшего транспортным средством при осуществлении деятельности по перевозке пассажиров и багажа легковым такси.

Названные обстоятельства послужили основанием для привлечения общества к административной ответственности за совершение

правонарушения, ответственность за которое предусмотрена частью 1 статьи 20.6[1] КоАП РФ.

Вместе с тем при разрешении дела об административном правонарушении не было учтено следующее.

Положениями части 1 статьи 29.5 КоАП РФ определено, что дело об административном правонарушении рассматривается по месту его совершения.

Как следует из разъяснения, содержащегося в абзаце третьем подпункта «з» пункта 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», при определении территориальной подсудности дел об административных правонарушениях, объективная сторона которых выражается в бездействии в виде неисполнения установленной правовым актом обязанности, необходимо исходить из места жительства физического лица, в том числе индивидуального предпринимателя, места исполнения должностным лицом своих обязанностей либо места нахождения юридического лица, определяемого в соответствии со статьей 54 ГК РФ.

В связи с тем, что объективная сторона правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 20.6[1] КоАП РФ, характеризуется бездействием лица, на которое возложена обязанность выполнить требования правил поведения при введении режима повышенной готовности на территории, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации, или в зоне чрезвычайной ситуации, территориальная подсудность таких дел определяется местом, где должна быть выполнена соответствующая обязанность.

Учитывая, что обязанность по выполнению требований правил поведения при введении режима повышенной готовности лежит на конкретном (юридическом или физическом) лице, местом совершения административного правонарушения, предусмотренного указанной нормой, следует считать место нахождения юридического лица или место жительства физического лица (индивидуального предпринимателя), не исполнившего такие требования.

Согласно пунктам 2, 3 статьи 54 ГК РФ место нахождения юридического лица определяется местом его государственной регистрации на территории Российской Федерации путем указания наименования населенного пункта (муниципального образования). Государственная регистрация юридического лица осуществляется по месту нахождения его постоянно действующего исполнительного органа, а в случае отсутствия постоянно действующего исполнительного органа – иного органа или лица, уполномоченных выступать от имени юридического лица в силу закона, иного правового акта или учредительного документа, если иное не установлено законом о

государственной регистрации юридических лиц. В едином государственном реестре юридических лиц должен быть указан адрес юридического лица в пределах места нахождения юридического лица.

На момент выявления административного правонарушения общество имело адрес (место нахождения), не относящийся к подсудности районного суда, судья которого рассмотрел дело.

Таким образом, дело об административном правонарушении разрешено с нарушением правил территориальной подсудности.

В силу части 1 статьи 1.6 КоАП РФ обеспечение законности при применении мер административного принуждения предполагает не только наличие законных оснований для применения административного наказания, но и соблюдение установленного законом порядка привлечения лица к административной ответственности.

С учетом изложенных обстоятельств судьей Верховного Суда Российской Федерации постановление судьи районного суда, решение судьи суда субъекта Российской Федерации и постановление судьи кассационного суда общей юрисдикции, вынесенные в отношении общества, отменены, производство по делу об административном правонарушении в силу положений пункта 6 части 1 статьи 24.5 КоАП РФ прекращено в связи с истечением сроков давности привлечения к административной ответственности.

Постановление № 5-АД23-1-К2

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопросы квалификации

39. О наличии у потерпевшего оснований опасаться осуществления угрозы убийством может свидетельствовать высказывание осужденными такой угрозы после совершения ими убийства другого лица.

По приговору Забайкальского краевого суда от 13 мая 2021 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) К.А., ранее судимый, осужден по пунктам «д», «ж» части 2 статьи 105, части 1 статьи 119 УК РФ за убийство Д., совершенное по предварительному сговору с К.Н., с особой жестокостью, и за угрозу убийством С.

В кассационной жалобе осужденный К.А. просил исключить осуждение по статье 119 УК РФ за отсутствием в деянии состава преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда 23 марта 2022 г. оставила приговор и апелляционное определение без изменения, доводы кассационной жалобы – без удовлетворения, указав следующее.

Выводы суда, изложенные в приговоре, соответствуют фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции, и подтверждаются исследованными в суде и приведенными в приговоре доказательствами.

В соответствии с частью 1 статьи 88 УПК РФ суд оценил каждое доказательство с точки зрения относимости, допустимости, а собранные доказательства в совокупности – достаточности для постановления обвинительного приговора.

Статьей 119 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы.

Из приговора усматривается, что между К.А. и К.Н., с одной стороны, и Д. – с другой, произошел конфликт, что явилось причиной убийства последнего. После случившегося, как показывал потерпевший С., осужденные К.А. и К.Н. угрожали ему убийством.

Обстоятельства угрозы убийством, высказанной осужденными после совершения ими убийства другого лица, давали С. основания опасаться осуществления этой угрозы.

В связи с этим действия К.А. правомерно квалифицированы по части 1 статьи 119 УК РФ.

Определение № 72-УД22-1-А5

40. Под распространением порнографических материалов в статье 242[1] УК РФ понимается в том числе незаконное предоставление возможности их использования неопределенному кругу лиц, которое может совершаться путем размещения на личных страницах и на страницах групп пользователей в социальных сетях ссылки для копирования файлов порнографического содержания.

По приговору Лискинского районного суда Воронежской области от 8 апреля 2021 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) Н., несудимый, признан невиновным и оправдан по обвинению в совершении преступления, предусмотренного пунктом «г» части 2 статьи 242[1] УК РФ, на основании пункта 2 части 1 статьи 24 УПК РФ в связи с отсутствием в его действиях состава преступления.

В соответствии со статьями 133, 134 УПК РФ за Н. признано право на реабилитацию.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18 ноября 2021 г. приговор и апелляционное определение в отношении Н. оставлены без изменения.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора Российской Федерации просил об отмене вынесенных по уголовному делу в отношении Н. судебных решений, оспаривая выводы об отсутствии доказательств того, что Н., размещая видеоролики порнографического содержания на своей странице в социальной сети, стремился к их распространению, а не преследовал цель личного их использования. Автор представления указывал, что, разместив на своей странице в социальной сети «ВКонтакте» соответствующие видеозаписи и не запретив доступ другим пользователям социальной сети как к своей странице, так и к скопированным видеофайлам, Н. тем самым умышленно распространил материалы с порнографическими изображениями несовершеннолетних, поскольку создал условия, обеспечивающие свободный доступ неопределенному кругу лиц к указанным материалам, и предоставил им возможность для дальнейшего копирования видеофайлов. Ссылался также на то, что страница Н. в социальной сети в открытом доступе имеет 65 «друзей», 97 подписчиков и 18 видеозаписей.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда 22 марта 2022 г. отменила приговор и последующие судебные решения, уголовное дело передала в тот же суд первой инстанции на новое судебное рассмотрение иным составом суда, указав следующее.

Как следует из материалов уголовного дела, органами предварительного следствия Н. обвинялся в том, что, обладая знаниями в области информационных технологий и навыками пользователя компьютерной техникой, посредством мобильного телефона с функцией доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в один из дней в период с 2017 по 2019 г. вступил в одно из закрытых сообществ в социальной сети «ВКонтакте», где получил доступ к материалам с порнографическими изображениями малолетних и несовершеннолетних. Используя ранее зарегистрированный аккаунт под именем «Д.Р.», он осуществил распространение этих материалов, умышленно предоставляя другим пользователям сети «Интернет», материалы с порнографическим изображением лиц, не достигших 14-летнего возраста, разместив на своей странице в общем доступе видеозаписи под названиями, однозначно свидетельствующими о том, что на них содержатся порнографические изображения малолетних.

Лискинский районный суд Воронежской области, признав доказанным размещение Н. на своей странице в социальной сети

«ВКонтакте» двух видеороликов с порнографическими изображениями несовершеннолетних лиц, не достигших 16 лет, и оправдывая Н. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного пунктом «г» части 2 статьи 242^1 УК РФ, за отсутствием в указанных действиях состава преступления, исходил из того, что достаточных доказательств, подтверждающих распространение Н. каким-либо способом порнографических материалов с изображениями несовершеннолетних, не представлено, а его показания о размещении указанных материалов на собственной странице для удовлетворения личных сексуальных интересов ничем не опровергнуты. Отвергая же доводы стороны обвинения, суд указал, что Н., добавляя (копируя) и храня файлы на своей странице, их никому не предлагал и не передавал, а само по себе добавление осужденным роликов к себе на страницу не свидетельствует об умысле на распространение информации; доказательств же, свидетельствующих о том, что видеофайлы с порнографическими изображениями несовершеннолетних, не достигших 16-летнего возраста, были распространены Н., то есть получены другими лицами в результате его целенаправленных действий, в материалах уголовного дела не имеется.

Между тем в соответствии с принципом работы социальной сети «ВКонтакте» после размещения на странице пользователя видеозаписи у всех «друзей» и подписчиков в новостной ленте появляется сообщение о том, что пользователь добавил этот файл, и начинается его воспроизведение хотя и не в полноэкранном режиме, но с предоставлением возможности свободного открытия и просмотра.

Согласно составленному по результатам проведенного оперативно-розыскного мероприятия акту сбора образцов для сравнительного исследования от 7 марта 2019 г., принадлежащая Н. страница в социальной сети «ВКонтакте» под именем «Д.Р.», в открытом доступе имеет 65 «друзей», 97 подписчиков, 18 видеозаписей. Таким образом, суд не учел, что страница Н. в социальной сети, на которую он добавил видеоролики из закрытого сообщества, была открыта и любой пользователь мог ознакомиться с этими материалами, что нашло свое подтверждение в ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия. Согласно упомянутому акту сбора образцов, одна из видеозаписей имела 169 199 просмотров, а вторая – 238 816 просмотров в социальной сети. Каких-либо действий, направленных на ограничение или запрет доступа сторонних лиц на его страницу с размещенными на ней видеороликами, Н. не совершал.

Ссылка же суда на неосведомленность Н. об автоматическом размещении добавленных им на свою страницу видеофайлов в новостной ленте «друзей» и о возможности их свободного просмотра является несостоятельной, поскольку, регистрируясь в социальной сети, Н. был

ознакомлен с Правилами пользования сайтом «ВКонтакте», без отметки о чем регистрация на этом сайте невозможна.

Кроме того, давая юридическую оценку действиям Н., суд не учел, что согласно диспозиции статьи 242[1] УК РФ инкриминируемое осужденному преступление не предполагает в качестве обязательного признака фактический просмотр кем-либо из посетителей страницы с размещенным на ней порнографическим сайтом; достаточно того, что, размещая в социальной сети «ВКонтакте» такой сайт, осужденный исходил из того, что он может быть просмотрен неопределенным кругом лиц. Такое толкование нормы части 1 статьи 242[1] УК РФ находит подтверждение, в частности, в положении пункта 9 статьи 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации», согласно которому под распространением информации понимаются действия, направленные на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц[3].

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда пришла к выводу о том, что решения судов первой, второй и кассационной инстанций в отношении Н. об отсутствии в его действиях состава преступления не подтверждаются фактическими обстоятельствами уголовного дела и не соответствуют положениям уголовного закона. Допущенные судом нарушения уголовного закона повлияли на исход уголовного дела и повлекли безосновательное освобождение лица, для вывода о невиновности которого в совершении преступления не имеется оснований, от уголовной ответственности, что искажает саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия.

Определение № 14-УДП22-К1

Процессуальные вопросы

[3] Пленум Верховного Суда в пункте 22 постановления от 15 декабря 2022 г. № 37 разъяснил судам, что им «следует иметь в виду особенности квалификации отдельных действий, предусмотренных статьями 242 и 242[1] УК РФ, в случаях, когда они совершаются с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». В частности, под распространением порнографических материалов в данных статьях понимается незаконное предоставление конкретным лицам либо неопределенному кругу лиц возможности их использования. Оно может совершаться путем направления в личном сообщении конкретному лицу (по электронной почте либо с использованием социальных сетей, мессенджеров или иных приложений), рассылки определенному или неопределенному кругу лиц (например, в чат в мессенджере), размещения на личных страницах и на страницах групп пользователей, в том числе в социальных сетях и мессенджерах, ссылки для загрузки (скачивания) файлов порнографического содержания» *(примеч. ред.)*.

41. В соответствии с пунктами 4^1 и 5 статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать доказательства того, что имущество, подлежащее конфискации, получено в результате совершения преступления, либо является орудием, оборудованием или иными средствами совершения преступлений, либо относится к имуществу, указанному в пунктах «а» – «в» части 1 статьи 104^1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

По приговору Тушинского районного суда г. Москвы от 19 декабря 2019 г. (с учетом внесенных апелляционной инстанцией изменений) М. осужден за пять преступлений, предусмотренных пунктом «а» части 5 статьи 290 УК РФ, и пять преступлений, предусмотренных частью 4 статьи 159 УК РФ.

Денежные средства в сумме 313 000 руб., изъятые в ходе обыска в жилище М., обращены в доход государства.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18 ноября 2021 г. приговор и апелляционное определение в отношении М. оставлены без изменения.

В кассационной жалобе адвокат К. оспаривал состоявшиеся в отношении М. судебные решения, полагая их незаконными и необоснованными, просил отменить приговор в части обращения в доход государства денежных средств, изъятых у М. в ходе обыска.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда 18 мая 2022 г. пришла к следующему выводу.

В силу части 3 статьи 81, пункта 12 части 1 статьи 299 УПК РФ при вынесении итогового решения суду следует разрешить вопрос о вещественных доказательствах.

Как усматривается из материалов уголовного дела, в ходе предварительного следствия при обыске в жилище М. были изъяты денежные средства в общей сумме 313 000 руб., которые признаны вещественными доказательствами.

В соответствии с резолютивной частью обжалуемого приговора указанные денежные средства обращены в доход государства, то есть фактически конфискованы.

Между тем по смыслу пунктов 1, 4^1 части 3 статьи 81 УПК РФ конфискации подлежат лишь те деньги, ценности и иное имущество, признанные вещественными доказательствами, которые являлись орудием, оборудованием или иными средствами совершения преступления, принадлежащими обвиняемому, либо деньги, ценности и иное имущество, указанное в пунктах «а» – «в» части 1 статьи 104^1 УПК РФ.

В иных случаях, как это следует из положений пункта 4 части 3 статьи 81 УПК РФ, деньги, ценности и иное имущество подлежат возвращению законному владельцу.

Приняв решение об обращении в доход государства в соответствии с положениями статьи 81 УПК РФ денежных средств, изъятых у осужденного и признанных вещественными доказательствами, суд не учел требования пункта 4^1 статьи 307 УПК РФ, согласно которым описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать доказательства, на которых основаны выводы суда о том, что имущество, подлежащее конфискации, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

Кроме того, в соответствии с требованиями пункта 12 части 1 статьи 299, части 5 статьи 307, пункта 2 части 1 статьи 309 УПК РФ в описательно-мотивировочной части приговора должны содержаться мотивированные выводы суда относительно судьбы вещественных доказательств по уголовному делу, а резолютивная часть приговора должна содержать соответствующее решение по данному вопросу.

Вопреки указанным требованиям закона суд не привел в приговоре доказательства, свидетельствующие о том, что изъятые в ходе обыска денежные средства были получены М. в результате совершенных им преступлений, либо являлись орудием, оборудованием или иными средствами совершения преступлений, либо относятся к имуществу, указанному в пунктах «а» – «в» части 1 статьи 104^1 УК РФ. Также суд не учел, что гражданский иск по данному делу заявлен не был, вопрос о возмещении ущерба, причиненного преступлением, не рассматривался, а также не указал в приговоре мотивы со ссылкой на соответствующую норму уголовно-процессуального закона, по которым пришел к выводу о том, что денежные средства подлежат обращению в доход государства.

Данные нарушения закона оставлены без внимания судами апелляционной и кассационной инстанций.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда отменила приговор и последующие судебные решения в части обращения в доход государства изъятых в жилище М. денежных средств в сумме 313 000 руб. и дело направила на новое судебное разбирательство в порядке, предусмотренном статьями 397, 399 УПК РФ.

Определение № 5-УД22-29-К2

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

По гражданским делам

42. При фактическом исполнении военнослужащим обязанностей по воинской должности, которую он не мог занимать в отсутствие документа, подтверждающего наличие среднего профессионального образования, полученные денежные средства, состоящие из оклада по воинскому званию, взысканию не подлежат.

Решением Иркутского гарнизонного военного суда от 17 марта 2022 г. отказано в удовлетворении искового заявления федерального казенного учреждения «Единый расчетный центр Министерства обороны Российской Федерации» (далее – ФКУ «ЕРЦ МО РФ») о взыскании с Ж. денежных средств в размере 300 311 руб. 43 коп. в счет возврата излишне выплаченного ему с 26 марта 2014 г. по 10 октября 2018 г. и с 11 октября 2018 г. по 12 февраля 2019 г. денежного довольствия и иных дополнительных выплат исходя из присвоенных ему воинских званий мичмана и старшего мичмана, а также окладов по этим воинским званиям, установленных на основании представленного им поддельного диплома о среднем профессиональном образовании.

Апелляционным определением 2-го Восточного окружного военного суда от 23 июня 2022 г., оставленным без изменения определением кассационного военного суда от 20 октября 2022 г., решение суда первой инстанции отменено и по делу принято новое решение об удовлетворении исковых требований финансового органа.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе Ж., Судебная коллегия по делам военнослужащих судебные акты судов апелляционной и кассационной инстанций отменила, оставила в силе решение суда первой инстанции, исходя из следующего.

Из материалов дела следует, что Ж. в период военной службы по контракту на должности, для которой штатом предусмотрено воинское звание старшего матроса, представил в кадровый орган воинской части поддельный диплом о среднем профессиональном образовании. После этого он обратился по команде с рапортом о назначении на вышестоящую воинскую должность, для которой штатом предусмотрено воинское звание мичмана.

Приказом надлежащего воинского должностного лица от 26 марта 2014 г. Ж. назначен на воинскую должность техника боевой части

радиотехнической и связи подводной лодки с присвоением воинского звания мичмана, а приказом от 11 октября 2018 г. ему за особые личные заслуги, достижение высоких показателей в боевой подготовке, образцовое несение службы и укрепление воинской дисциплины присвоено воинское звание старшего мичмана (на одну ступень выше воинского звания, предусмотренного штатом для занимаемой воинской должности).

Вступившим в законную силу приговором суда от 16 апреля 2019 г. Ж. осужден по части 3 статьи 327 УК РФ за использование заведомо поддельного документа – диплома, после чего приказами уполномоченных воинских должностных лиц отменены приказы в части присвоения Ж. воинских званий мичмана и старшего мичмана, как незаконно изданные.

В связи с этим ФКУ «ЕРЦ МО РФ» обратилось в суд с иском к Ж., в котором просило взыскать с него денежные средства в счет возврата излишне выплаченных ему денежных средств, составляющих разницу в окладах по воинскому званию, права на получение которых он не имел, и в дополнительных выплатах, произведенных исходя из окладов по воинским званиям мичмана и старшего мичмана.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, гарнизонный военный суд пришел к выводу, что ответчик после присвоения ему названных воинских званий за исполнение обязанностей военной службы получал денежное довольствие, составной частью которого является оклад месячного денежного содержания, включающий в себя оклад по воинскому званию, в качестве вознаграждения за труд, поскольку исполнял возложенные на него общие, должностные и специальные обязанности в полном объеме.

Отменяя решение гарнизонного военного суда и принимая новое решение об удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции исходил из того, что в результате противоправных действий Ж., установленных приговором суда, умышленно созданы условия, ставшие одной из причин причинения материального ущерба в виде переплаты, образовавшейся при обеспечении ответчика месячными окладами и производными от них надбавками, соответствующими незаконно присвоенным ему воинским званиям.

Добросовестное исполнение обязанностей по занимаемой воинской должности, по мнению суда апелляционной инстанции, не устраняет преступный характер действий ответчика, связанных с представлением им поддельного диплома, а взыскание с Ж. денежных средств, полученных фактически преступным путем, не нарушает его права на получение денежного довольствия.

Между тем данные выводы сделаны без учета положений статьи 37 Конституции Российской Федерации о праве военнослужащего на

вознаграждение за воинский труд, а также без учета имеющих существенное значение для дела обстоятельств.

В соответствии с пунктом 1 статьи 10 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» право на труд реализуется военнослужащими посредством прохождения ими военной службы.

Согласно частям 1 и 2 статьи 2 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» денежное довольствие военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, является основным средством их материального обеспечения и стимулирования исполнения обязанностей военной службы. Денежное довольствие военнослужащих включает в себя оклад месячного денежного содержания военнослужащего (оклад денежного содержания), который состоит из месячного оклада в соответствии с присвоенным воинским званием (оклад по воинскому званию) и месячного оклада в соответствии с занимаемой воинской должностью (оклад по воинской должности), а также ежемесячных и иных дополнительных выплат (дополнительные выплаты).

Таким образом, денежное довольствие военнослужащим предоставляется в связи с осуществлением профессиональной деятельности по заранее установленным нормативам с учетом содержания и характера обязанностей военной службы (общих, должностных, специальных, в том числе определяемых статусом начальника и старшего по воинскому званию), а также условий их исполнения. Получение военнослужащим денежного довольствия, неотъемлемой частью которого является оклад месячного денежного содержания, включающий в себя оклад по воинскому званию, является формой реализации военнослужащим закрепленного в статье 37 Конституции Российской Федерации права каждого гражданина получать вознаграждение за труд.

Из материалов дела следует, что Ж. добросовестно исполнял обязанности военнослужащего, участвовал в мероприятиях боевой подготовки, связанных с приведением воинской части в высшие степени боевой готовности, проводимых без ограничения общей продолжительности еженедельного служебного времени, выполнял задачи, непосредственно связанные с риском для жизни и здоровья, за что многократно поощрялся командованием как выплатами ежемесячных надбавок, так и присвоением очередного воинского звания старшего мичмана.

Эти обстоятельства указывают на то, что Ж. в период прохождения военной службы получал денежное довольствие, составной частью которого являлся оклад месячного денежного содержания, включающий в себя и оклад по воинскому званию мичмана и старшего мичмана в качестве вознаграждения за труд, то есть за профессиональную деятельность по

заранее установленным нормативам с учетом содержания и характера обязанностей военной службы (общих, должностных, специальных), а также условий их исполнения.

Таким образом, получение ответчиком указанного вознаграждения осуществлено в пределах реализации конституционного права, гарантированного статьей 37 Конституции Российской Федерации.

В связи с этим факт причинения ответчиком государству материального ущерба не установлен.

Действия Ж., связанные с использованием заведомо поддельного диплома, получили уголовно-правовую оценку, что подтверждается вступившим в законную силу приговором суда, которым он признан виновным и осужден за преступление против порядка управления.

Оснований полагать, что Ж. безвозмездно присвоил денежные средства, то есть за счет другого лица без соответствующих оснований приобрел имущество, что согласно статье 1102 ГК РФ является неосновательным обогащением, не установлено, поскольку в материалах дела не имеется данных, свидетельствующих о неисполнении либо ненадлежащем исполнении им тех обязанностей военной службы (общих, должностных, специальных), за которые ему выплачена требуемая истцом сумма денежного довольствия.

Соответственно, получение ответчиком денежного довольствия за исполнение обязанностей военной службы при отсутствии нареканий со стороны командования подтверждает возмездный характер данных правоотношений и вопреки позиции кассационного военного суда отсутствие оснований для вывода о причинении Ж. реального ущерба, под которым согласно статье 15 ГК РФ понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение имущества.

Сведений о том, что истец в результате действий ответчика произвел или должен будет произвести названные расходы для восстановления нарушенного права либо претерпел безвозмездную утрату имущества в виде денежных средств, предварительно не получив соответствующих установленным нормативам результатов труда ответчика, за который и выплачена требуемая истцом сумма денежного довольствия, в деле также не содержится.

Определение № 226-КГ22-4-К10

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОЛЛЕГИЯ

43. Личная заинтересованность судьи в рассмотрении дел об административных правонарушениях послужила основанием досрочного прекращения его полномочий.

Дисциплинарная коллегия отказала в удовлетворении жалобы Х. на решение квалификационной коллегии судей Псковской области о досрочном прекращении полномочий мирового судьи за совершение дисциплинарного проступка.

Из материалов дисциплинарного производства следует, что Б., будучи в состоянии алкогольного опьянения, явился участником дорожно-транспортного правонарушения. Во избежание административной ответственности и в целях сохранения права на управление транспортным средством, а также положительного прохождения медицинского освидетельствования он обратился к мировому судье Х. за помощью в решении этого вопроса. За это Б. пообещал Х. вознаграждение. Мировой судья Х., в нарушение правил подсудности, приняла к своему производству дела в отношении Б., рассмотрела их по существу и освободила его от административной ответственности.

Так, по двум делам в отношении Б., возбужденным по части 4 статьи 12.15 КоАП РФ и части 1 статьи 12.8 КоАП РФ, мировой судья Х. после неоднократных и необоснованных отложений судебных заседаний вынесла постановления от 2 октября 2020 г. и 26 февраля 2021 г. о прекращении производства по делу в связи с отсутствием события правонарушения. Впоследствии одно из указанных постановлений отменено в апелляционном порядке ввиду многочисленных нарушений норм материального и процессуального права.

Х. не отрицала факт знакомства с Б. и его супругой, однако не признавала оказания ему какой-либо помощи, наличия внепроцессуального общения и конфликта интересов.

Квалификационная коллегия обоснованно признала, что все действия Х., включая неоднократные телефонные переговоры с Б. и его супругой, их содержание, в которых обсуждались правовые позиции и показания по делам об административных правонарушениях, выработка и письменная подготовка для него правовой позиции по делам об административных правонарушениях в судах первой и апелляционной инстанций, подтверждают их давнюю и тесную дружбу и свидетельствуют о явном и грубом пренебрежении мировым судьей требованиями Закона о статусе судей, недопустимом отношении к нормам Кодекса судейской этики и несоблюдении требований Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (статьи 29.2 и 29.3).

Дисциплинарная коллегия согласилась с выводами квалификационной коллегии о безусловном наличии конфликта интересов при рассмотрении дел

об административных правонарушениях в отношении Б. мировым судьей Х., проявившей личную заинтересованность в исходе дел, в то время как независимость судей не должна подвергаться сомнению, а решения, выносимые ими именем Российской Федерации, должны восприниматься как справедливые, беспристрастные и безупречные.

Допущенные Х. нарушения правильно признаны квалификационными коллегиями исключительным случаем, поскольку в результате виновных действий мирового судьи был существенно подорван авторитет судебной власти и причинен значительный ущерб репутации судейского корпуса в целом. Указанные нарушения не могут рассматриваться как случайные, поскольку с очевидностью свидетельствуют об умышленном характере действий судьи Х.

Решение № ДК23-9

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

ВОПРОС 1. Подлежат ли последующей индексации денежные суммы, взысканные с должника в порядке статьи 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в качестве индексации ранее присужденной денежной суммы?

ОТВЕТ. Согласно части 1 статьи 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), части 1 статьи 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), по заявлению взыскателя или должника суд, арбитражный суд первой инстанции, рассмотревший дело, может произвести индексацию присужденных судом денежных сумм на день исполнения решения суда.

Таким образом, индексация является процессуальной гарантией защиты имущественных интересов взыскателя и должника от инфляционных процессов в период с момента вынесения судебного решения до его реального исполнения.

При этом из буквального толкования части 1 статьи 208 ГПК РФ, части 1 статьи 183 АПК РФ следует, что индексации подлежат лишь суммы, присужденные на основании решения суда (либо судебного постановления, акта, которым разрешен спор по существу), в связи с чем определение суда об индексации присужденных судом денежных сумм не относится к числу судебных актов, по которым может быть произведена индексация на основании данной нормы.

Следовательно, денежные суммы, взысканные с должника в порядке статьи 208 ГПК РФ, статьи 183 АПК РФ в качестве индексации ранее присужденной денежной суммы, последующей индексации не подлежат.

Между тем индексация присужденных судом денежных сумм может быть произведена судом за новый период неисполнения решения суда (судебного постановления, акта) на день его исполнения.

ВОПРОС 2. Допускается ли после 29 марта 2022 г. взыскание с застройщика в пользу гражданина, заключившего договор участия в долевом строительстве исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, штрафа, предусмотренного пунктом 6 статьи 13 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей»?

ОТВЕТ. В силу пункта 4 части 1 статьи 18 Федерального закона от 8 марта 2022 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» Правительство Российской Федерации в 2022 году вправе принимать решения, предусматривающие установление особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве.

Реализуя предоставленные законом полномочия, Правительство Российской Федерации издало постановление от 26 марта 2022 г. № 479 «Об установлении особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве, и об особенностях включения в единый реестр проблемных объектов многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, в отношении которых застройщиком более чем на 6 месяцев нарушены сроки завершения строительства (создания) многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости и (или) обязанности по передаче объекта долевого строительства участнику долевого строительства по зарегистрированному договору участия в долевом строительстве» (далее – Постановление № 479), которое устанавливает особенности применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве.

Постановление № 479 вступило в силу 29 марта 2022 г.

Решением Верховного Суда Российской Федерации от 21 июня 2022 г. по делу № АКПИ22-284, оставленным без изменения апелляционным определением Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2022 г. № АПЛ22-359, признано, что Постановление № 479 утверждено Правительством Российской Федерации в пределах предоставленных законом полномочий, а его положения учитывают баланс интересов участников долевого строительства и застройщиков, направлены на реализацию комплекса мер социально-экономического характера в отношении граждан Российской Федерации и российских юридических лиц в связи с недружественными действиями иностранных государств и международных организаций.

С учетом изменений, внесенных постановлениями Правительства Российской Федерации от 17 мая 2022 г. № 890, от 1 сентября 2022 г. № 1534, от 30 сентября 2022 г. № 1732, пунктом 1 Постановления № 479 установлено следующее:

– в период начисления неустойки (пени) по договорам участия в долевом строительстве, предусмотренной частью 6 статьи 5 и частью 2 статьи 6 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 214-ФЗ), не включается период, исчисляемый со дня вступления в силу Постановления № 479 до 30 июня 2023 г. включительно;

– при определении размера убытков, предусмотренных статьей 10 Закона № 214-ФЗ, не учитываются убытки, причиненные в период со дня вступления в силу Постановления № 479 до 30 июня 2023 г. включительно;

– проценты, подлежащие уплате участнику долевого строительства в соответствии с частями 2 и 6 статьи 9 Закона № 214-ФЗ за период со дня вступления в силу Постановления № 479 до 30 июня 2023 г. включительно, не начисляются;

– неустойки (штрафы, пени), иные финансовые санкции, подлежащие с учетом части 9 статьи 4 Закона № 214-ФЗ уплате гражданину – участнику долевого строительства за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, заключенным исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, не начисляются за период со дня вступления в силу Постановления № 479 до 30 июня 2023 г. включительно.

В отношении применения неустойки (штрафов, пени), процентов, возмещения убытков и иных финансовых санкций к застройщику в части их уплаты, предусмотренных данным пунктом, требования о которых были предъявлены к исполнению застройщику до даты вступления в силу

Постановления № 479, предоставляется отсрочка до 30 июня 2023 г. включительно. Указанные требования, содержащиеся в исполнительном документе, предъявленном к исполнению со дня вступления в силу постановления № 479, в период отсрочки не исполняются банками или иными кредитными организациями, осуществляющими обслуживание счетов застройщика.

В соответствии с частью 9 статьи 4 Закона № 214-ФЗ, на которую имеется ссылка в пункте 1 Постановления № 479, к отношениям, вытекающим из договора, заключенного гражданином − участником долевого строительства исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, применяется законодательство Российской Федерации о защите прав потребителей в части, не урегулированной Законом № 214-ФЗ.

Согласно приведенным выше положениям Постановления № 479 за период с 29 марта 2022 г. по 30 июня 2023 г. неустойки (штрафы, пени) и иные финансовые санкции по договорам участия в долевом строительстве, в том числе указанные в части 9 статьи 4 Закона № 214-ФЗ, не начисляются и, соответственно, не взыскиваются.

За период до 29 марта 2022 г. неустойки (штрафы, пени) и иные финансовые санкции начисляются и, соответственно, могут быть взысканы судом, однако с предоставлением отсрочки их уплаты до 30 июня 2023 г.

К числу названных финансовых санкций относится предусмотренный пунктом 6 статьи 13 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей» (далее – Закон о ЗПП) штраф, на применение которого указано в части 9 статьи 4 Закона № 214-ФЗ.

Согласно пункту 6 статьи 13 Закона о ЗПП при удовлетворении судом требований потребителя, установленных законом, суд взыскивает с изготовителя (исполнителя, продавца, уполномоченной организации или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортера) за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя штраф в размере пятидесяти процентов от суммы, присужденной судом в пользу потребителя.

Таким образом, если правомерные требования потребителя не были удовлетворены застройщиком добровольно и срок для добровольного удовлетворения этих требований истек до 29 марта 2022 г., то независимо от даты принятия судом решения с застройщика подлежит взысканию штраф в размере пятидесяти процентов от присужденных потребителю денежных сумм за нарушения, допущенные до 29 марта 2022 г., с указанием на отсрочку уплаты этого штрафа до 30 июня 2023 г.

(Аналогичная позиция изложена в определении Судебной коллегии по гражданским делам от 7 июня 2021 г. № 46-КГ21-15-К6.)

Если срок для добровольного удовлетворения требований потребителя

истек в период с 29 марта 2022 г. по 30 июня 2023 г., то указанный выше штраф взысканию с застройщика не подлежит.